ISSN 2687-0770
Doi: 10.18522/2687-0770

ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Северо-Кавказский регион

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2025 3

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

М.А. Боровская (главный редактор),
Е.Н. Макаренко (заместитель главного редактора, председатель редколлегии),
Е.А. Шинкаренко (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

М.А. Боровская – главный редактор, академик РАО, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.Н. Макаренко – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узнародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимурадов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магометов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

© Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки, 2025

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Main Edition:

M.A. Borovskaya (Editor-in-Chief),
E.N. Makarenko (Deputy Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board),
E.A. Shinkarenko (Assistant Editor)

Editorial Committee:

M.A. Borovskaya - Editor-in-Chief, Academician, Russian Academy of Education, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.N. Makarenko - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Al'bekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Professor, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel' - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Polytechnic University,
Southern Federal University

© Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science, 2025

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 3 (227) 2025 г.

Registration certificate PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019, issued Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 3 (227) 2025

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Подгорная М.Г., Саркисян Дж.А. Мифологическое мышление в рецепции А.Ф. Лосева ……. 4
Раевский А.Н. Понятие энергии в движении нью-эйдж ……. 12

PHILOSOPHICAL SCIENCE

Podgornaya M.G., Sarkisyan J. A. Mythological Thinking in the Reception of A.F. Losev ……. 4
Raevskiy A.N. The Concept of Energy in the New Age Movement ……..... 12

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверьянов А.В., Камынин Е.В. Образы будущего в большевистской печати в период Гражданской войны в России (на материалах газеты «Правда») ... 19
Газиева А.А., Сухарева И.В. Военно-инженерное освоение Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX века: трансформация ландшафта и социокультурные последствия ……. 31
Деордиева А.Н. Формирование системы высшего образования на Дону в начале XX века: от региональных инициатив к созданию университетского центра …….. 36
Дзидзоев В.Д. Страсти вокруг Алании-Осетии как альтернатива научному подходу к изучению актуальной проблемы …….. 44
Карапетян Л.А. К вопросу об общественно-политическом развитии Геленджикского района Краснодарского края в 1920–1930-е годы через призму деятельности ВКП(б) ……... 51
Королев А.В. Рабочий вопрос в программных установках партийных фракций III и IV Государственной думы Российской империи: сравнительный анализ …. 60

HISTORICAL SCIENCE

Averyanov A.V., Kamynin E.V. Images of the Future in the Bolshevik Press During the Russian Civil War (Based on the Materials of the Newspaper “Truth”) … 19
Gazieva A.A., Sukhareva I.V. Military Engineering Development of the North-East Caucasus in the First Half of the 19th Century: Landscape Transformation and Socio-Cultural Consequences …….. 31
Deordieva A.N. Formation of the Higher Education System in the Don Region at the Beginning of the 20th Century: From Regional Initiatives to the Creation of a University Center …… 36
Dzidzoev V.D. Passions around Alania-Ossetia as an Alternative to a Scientific Approach to the Study of an Urgent Problem …….. 44
Karapetyan L.A. To the Question of Social and Political Development of the Gelendzhik District of Krasnodar Region in the 1920-1930s Through the Prism of the Activities of the All-Union Communist Party of Bolsheviks 51
Korolev A.V. The Working Question in the Program Settings of the Party Factions of the 3rd and 4th State Dumas of the Russian Empire: a Comparative Analysis 60

Култышев П.Г., Абузяров Г.Р. Материально-бытовое положение российского студенчества в начале XX века ……... 68
Малыхин К.Г. Кравец В.С. П.Н. Милюков в 20–30-е годы XX в.: итоговые оценки «большевистского эксперимента» ……. 80
Мартыненко В.Ю. Портрет анархиста по материалам Екатеринодарского охранного пункта ….. 89
Матвеев О.В. Павловский район Краснодарского края в годы Великой Отечественной войны ……... 95
Шадрина А.В. Старочеркасский Ефремовский женский монастырь как составляющая казачьей идентичности: особенности формирования обители 103

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Казанцева О.Г., Косинков В.В., Осипян Н.Б. Влияние психофизического развития подростка на привлечение к уголовной ответственности и проблемные вопросы возрастной невменяемости …… 111
Короленко И.И., Василенко Н.А., Семенцова И.А. Преступления, связанные с провокацией: психолого-криминологические аспекты и меры их предупреждения ……... 119
Паламарчук Е.А., Семенцова И.А., Цымлянская О.А. Судебный штраф в истории уголовного законодательства России и зарубежных стран ……... 128

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Кислицын С.А. История казачества России – от непокорной вольности до службы государству (История казачества России : учебно-метод. пособие. / гл. ред. А.Б. Бакурадзе. М.: Наука, 2025. 411 с.) ……..... 136

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Сухов Р.И. Международная научно-практическая конференция «Индустрия туризма и гостеприимства: всё включено – 2025» (Ростов-на-Дону, 10–11 апреля 2025 г.) …… 142

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Мининков Н.А. Николай Алексеевич Трапш (1976–2025) …… 146
Трут В.П. Преподаватель и исследователь истории народного образования Инна Германовна Кислицына (1954–2025) …… 150

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Елена Александровна Шинкаренко …… 154

Kultyshev P.G., Abuzyarov G.R. The Material and Living Situation of Russian Students at the Beginning of the 20th Century ……... 68
Malykhin K.G. Kravets V.S. P.N. Milyukov in the 20-30s of the 20th Century: Final Assessments of the "Bolshevik Experiment" ……... 80
Martynenko V.Yu. Portrait of an Anarchist Based on the Materials of the Ekaterinodar Security Point …….. 89
Matveyev O.V. Pavlovsky District of Krasnodar Region During the Great Patriotic War ……. 95
Shadrina A.V. Starocherkassk Efremovsky Convent as a Component of Cossack Identity: Features of the Formation of the Monastery ……. 103

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW RELATIONS IN RUSSIA

Kazantseva O.G., Kosinkov V.V., Osipyan N.B. The Influence of a Teenager's Psychophysical Development on Criminal Prosecution and Problematic Issues of Age-Related Insanity …….. 111
Korolenko I.I., Vasilenko N.A., Sementsova I.A. Crimes Related to Provocation: Psychological and Criminological Aspects and Measures to Prevent Them ……..... 119
Palamarchuk E.A., Sementsova I.A., Tsymlyanskaya O.A. Judicial Fine in the History of Criminal Legislation in Russia and Foreign Countries …… 128

BOOK REVIEW

Kislitsyn S.A. The History of the Cossacks of Russia – from Rebellious Freedom to Service to the State (A.B. Bakuradze, ed. History of the Cossacks of Russia: Educational and Methodological Guide. Moscow: Science; 2025. 411 p.) ……. 136

SCIENTIFIC LIFE

Sukhov R.I. International Scientific and Practical Conference "Tourism and Hospitality Industry: All Inclusive – 2025" (Rostov-on-Don, April 10–11, 2025) ……. 142

IN MEMORY OF THE SCIENTIST

Mininkov N.A. Nikolai Alekseevich Trapsh (1976-2025) …… 146
Trut V.P. Inna Germanovna Kislitsyna, Teacher and Researcher of the History of Public Education (1954-2025) ……. 150

OUR PERSONS

Elena Alexandrovna Shinkarenko …… 154

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCE

Научная статья
УДК 101.8; 141; 1(091)
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-4-11

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В РЕЦЕПЦИИ А.Ф. ЛОСЕВА

Марина Геннадьевна Подгорная [1]✉, Джулиана Арменовна Саркисян [2]
[1, 2] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
[1] mgpodgornaya@sfedu.ru✉
[2] dzsarkisian@sfedu.ru

Аннотация. Понятие «мифологическое мышление» появляется в проблемном поле философии в XIX в. и получает несколько вариантов интерпретации в течение следующего столетия. Рассматривается рецепция мифологического мышления в исследованиях самой значительной фигуры антиковедения советского периода – А.Ф. Лосева. Происходит она на стыке диалектического метода (наследующего черты неоплатонизма, немецкого идеализма, а также философии всеединства В.С. Соловьева), традиции символической трактовки мифа (Ф.В.Й. Шеллинг и Э. Кассирер) и активно развивавшейся в начале XX в. отечественной и европейской психологии (Г.И. Челпанов, В. Вундт и Вюрцбургская школа). Проводится сравнительный анализ концепций А.Ф. Лосева и Э. Кассирера в контексте их внутренней полемики, переносимой Лосевым из работы в работу, что позволяет продемонстрировать связь рецепции Лосева с интеллектуальным ландшафтом немецкой философии XIX–XX вв. При подробном разборе истоков и теоретических оснований методологии А.Ф. Лосева становится понятно, что из себя представляет миф, как он функционирует и каким образом фундирует мифологическое мышление. Миф понимается Лосевым как пространство развития мышления, где из эмоционального начала произрастает особая форма познания реальности, фиксирующая действительность посредством символов. Мифологическое мышление здесь – особая форма мысли, где миф, возникая как данность, получает символическое воплощение, продиктованное образно-чувственным характером познания и призванное во всей полноте выразить мироощущение древних.

***Ключевые слова*:** А.Ф. Лосев, миф, символ, мышление, мифологическое мышление, диалектический метод, феноменологический подход, Ф.В.Й. Шеллинг, Э. Кассирер

Для цитирования: Подгорная М.Г., Саркисян Дж.А. Мифологическое мышление в рецепции А.Ф. Лосева // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 3. С. 4–11. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-4-11

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

MYTHOLOGICAL THINKING IN THE RECEPTION OF A.F. LOSEV

Marina G. Podgornaya [1]✉, Juliana A. Sarkisyan [2]
[1, 2] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
[1] mgpodgornaya@sfedu.ru✉
[2] dzsarkisian@sfedu.ru

Abstract. The concept of “mythological thinking” appears in the problematic field of philosophy in the 19th century and receives several interpretations over the next century. The article examines the reception

© Подгорная М.Г., Саркисян Дж.А., 2025

of mythological thinking in the studies of the most significant figure in classical studies of the Soviet period - A.F. Losev. It occurs at the intersection of the dialectical method (inheriting the features of Neoplatonism, German idealism, as well as the philosophy of all-unity of V.S. Solovyov), the tradition of symbolic interpretation of myth (F.W.J. Schelling and E. Cassirer) and domestic and European psychology that was actively developing at the beginning of the 20th century (G.I. Chelpanov, W. Wundt and the Würzburg School). A comparative analysis of the concepts of A.F. Losev and E. Cassirer is carried out in the context of their internal polemics, transferred by Losev from work to work, which allows us to demonstrate the connection between Losev's reception and the intellectual landscape of German philosophy of the 19-20th centuries. With a detailed analysis of the sources and theoretical foundations of A.F. Losev's methodology, it becomes clear what myth is, how it functions and how it underpins mythological thinking. Losev understands myth as a space for the development of thinking, where a special form of cognition of reality grows from the emotional beginning, fixing reality by means of symbols. Mythological thinking here is a special form of thought, where myth, arising as a given, receives a symbolic embodiment, dictated by the figurative-sensory nature of cognition and called upon to fully express the worldview of the ancients.

***Keywords*:** A.F. Losev, myth, symbol, thinking, mythological thinking, dialectical method, phenomenological approach, F.W.J. Schelling, E. Cassirer

For citation: Podgornaya M.G., Sarkisyan J. A. Mythological Thinking in the Reception of A.F. Losev. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(3):4-11. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-4-11

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Миф как пространство мысли, опосредующее восприятие окружающей действительности представителями конкретной культуры, находит свое воплощение и в современном мышлении, что наиболее ярко проявляется сегодня в популярных конспирологических теориях («тайное мировое правительство», «плоская Земля», «палеоконтакт» и т. д.), а также в устойчиво воспроизводящихся в массмедиа псевдонаучных концепциях (астрология, уфология, парапсихология и т. д.). В качестве предмета исследования миф впервые предстает в эпоху эллинизма, но систематические подходы возникают лишь в XVIII–XIX вв., преимущественно в связи с движением романтизма и волной общественного интереса к мифологии и фольклору в Европе.

Что касается отечественных исследований мифа, то крупнейшей фигурой здесь является Алексей Федорович Лосев. Данной проблематике посвящен целый ряд его знаковых работ: «Диалектика художественной формы» (1927), «Диалектика мифа» (1930), «Античная мифология в ее историческом развитии» (1957) и др. [1–3]. Несмотря на то что данные произведения преимущественно относятся к первой половине XX столетия, рассмотрение подхода Лосева все еще актуально, так как влияние его трудов на последующие поколения исследователей столь велико, что не ограничивается одной отраслью знания. Его идеи выступают фундаментом многих философских (В.В. Бибихин, П.П. Гайденко, К.А. Кедров), культурологических (Г.С. Кнабе, С.С. Хоружий, А.П. Козырев) и филологических (Е.М. Мелетинский, А.А. Тахо-Годи, С.С. Аверинцев) исследований.

Однако до всякого приближения к концепции А. Ф. Лосева стоит обозначить понятийные и проблемные основания данного рассмотрения. Предмет исследования – мифологическое мышление, определяющееся как «архаическая форма осмысления действительности, в которой соединялись первобытные верования, образное отношение к миру, зачатки эмпирических знаний» [4, с. 333]. Миф как явление неразрывно связан с процессом мышления. С одной стороны, будучи способом фиксации результатов познавательной деятельности относительно воспринимаемой действительности, миф стал первой формой мышления, несущей существенную гносеологическую ценность. Однако в нем «способность мышления фиксировать свойства вещей и закреплять их за классами вещей развита слабо, так как еще не сформированы логические структуры опосредования, обоснования, доказательства» [4, с. 333]. С другой стороны, миф как основа культуры, на которой базируются традиция, нормы и общественные отношения, имел колоссальное влияние на содержательный компонент мышления древних людей еще до всякого познания: «Выраженное в слове содержание мышления приобретает характер непосредственной действительности. Внушающий фактор речи обусловливает неосознанность и неотврати-

мость передачи и усвоения мифа» [4, с. 333]. Источником внутреннего противоречия понятия «мифологическое мышление» служит вопрос, что первично: мифологическое мышление как продуцирующее миф или миф как содержательный источник мифологического мышления?

Тема мышления – один из первых научных интересов А.Ф. Лосева. Во многом это связано с влиянием его научного руководителя, основателя отечественной психологии проф. Г.И. Челпанова. «С сентября 1912 г. Лосев начал работу в челпановском Психологическом институте» [5, с. 72], а в 1914 г., после двух лет беспрерывной работы с Челпановым, он посещает Германию с целью изучения Вюрцбургской психологической школы, занимавшейся экспериментальным исследованием мышления и воли. Из этой поездки «в личном архиве Лосева сохранилась тетрадка», подписанная автором: «Функциональная психология № 7. А. Лосев» [5, с. 79]. Это путешествие, а также активное участие во всех проектах Психологического института побудили его в 1919 г. написать «Исследования по философии и психологии мышления» [6]. С 1923 г. Лосев работал в Государственной академии художественных наук (ГАХН), где заведовал музыкально-психологической комиссией: «ГАХН – это новый этап отношения Лосева к психологии. Если в дипломе об Эсхиле он стремился „привить“ к древу классической филологии психологию, то теперь – очистить музыкознание и эстетику от пережитков психологизма, что вполне вписывалось в „мейнстрим“ новейшей философии» [5, с. 82]. Лосев всегда считал психологию естественной спутницей философии, но за годы обучения в университете и начальный этап академической карьеры он перешел от крайней увлеченности ею до критического отношения, хотя критику здесь стоит понимать в философском смысле – как определение границ предметности и применимости. «Во второй половине 1920-х годов Лосев отходит от психологических штудий, но следы прежних интересов очевидны в его книгах, изданных на излете десятилетия» [5, с. 85].

Уведя тему мышления на второй план, Алексей Федорович переводит внимание на проблему мифа: «Миф есть такая выраженность, т. е. такое тождество логического и алогического, которое является интеллигенцией; это – интеллигентная выразительность» [1, с. 64]. Под «интеллигенцией» Лосев имеет в виду сознание, а под «сознательным» – органичность и уместность всех элементов произведения, таким образом, для него миф – основа интеллигенции (сознания). Несколькими годами позднее он напишет: «Миф – „поэтичен“, а не „живописен“» [2, с. 151], миф отображает картину мира в устных сказаниях, позднее нашедших фиксацию в письменных источниках. Не столько Гомер породил свой эпос, сколько сам миф это сделал: «мифическое сознание, породившее упомянутый миф об Одиссее» [2, с. 192]. В его понимании миф – необходимая категория мысли и жизни, представляющая собой подлинную и конкретную реальность.

На этом моменте творческий путь А. Лосева на время обрывается – и вот уже после ссылки, гонений и нескольких десятилетий вынужденного молчания Алексей Федорович издает «Античную мифологию в ее историческом развитии», где и сходятся воедино две главные темы его ранних трудов – мышление и миф. Мышление древнего человека представляется Лосеву абстрагированным, хаотичным, лишенным упорядоченности: оно больше чувственно-переживаемое, нежели аналитическое. Лосев начинает исследовать мифологическое мышление, описывая момент его возникновения как тот, когда человеческие представления о роде проецируются на мир и космос становится для него огромной общиной, т. е. «на самой ранней ступени развития общинно-родовой формации» [3, с. 101]. Он рассматривал мифологическое мышление как глубинную, изначальную форму человеческого сознания, не сводимую к выдумке или фантазии. Мифологическое мышление порождает эпос Гомера, который выходит за «пределы общинно-родовой формации» [3, с. 36]. В период патриархата наступает классическое рабовладельческое время, «предполагавшее большое развитие человеческого мышления, приводило мифологию не к расцвету, но к гибели» [3, с. 299], в результате чего она впоследствии заменяется натурфилософией.

Важно отметить, что подход А. Лосева развивается в контексте европейской традиции, и понять его до конца в отрыве от данного смыслового поля представляется затруднительным. С юношеских лет Алексея Федоровича более всего интересовала немецкая философия, причем он обращался к оригинальным текстам, поскольку в гимназии получил фундаментальную языко-

вую подготовку. Лосев комментировал работы Канта, Гегеля и Шеллинга – идеалистическая философия оказала значительное влияние на формирование его мировоззрения, хотя и не была перенята им полностью. Отношение его к немецкой философии в целом можно охарактеризовать как критическое, но в то же время уважительное и восприимчивое. Однако знакомство с немецкой традицией не ограничивалось лишь классикой, А. Лосев пристально следил за концепциями и трудами современников, а также был увлечен идеями Гуссерля, находившегося на пике популярности в Европе того времени. Как метко подмечает П.Е. Бойко, «слова „я от всех все беру и всех критикую“ стали девизом его творчества, сочетавшего логико-категориальную определенность и диалектическую систематику классической западной философии (неоплатонизм, аристотелизм, гегельянство, гуссерлианская феноменология) и христианский интуитивизм русской философской мысли (в духе теории „цельного знания“ ранних славянофилов, соловьевской философии всеединства, философии имени, софиологии и учения о соборности)» [7, с. 20].

Конкретизируя подход ученого, большинство исследователей сходятся в том, что «главным достижением философа стоит считать четко разработанную методологию, которая, согласно Лосеву, есть универсальное средство анализа любого опыта. А.Ф. Лосев в открытой форме указывает на основной метод своего исследования – диалектический» [8, с. 700]. Он применяет диалектический метод, рассматривая объекты в развитии и во взаимодействии, – любое явление содержит противоречия, которые выступают движущей силой развития и позволяют понять его сущность. Этот подход «осмысливается Лосевым как диалектическое единство противоположностей – отвлеченной логики и стихии самой полнокровной жизни» [1, с. 7–8]. Диалектический метод в философии Лосева – универсальный метод познания, позволяющий рассматривать явление «со всех своих сторон одновременно, в непрерывном изменении, становлении, противоречивом проявлении своих разнообразных качеств и их последующем взаимном переходе друг в друга» [9, с. 3]. Диалектика погружается в суть предмета, сокращая дистанцию между объектом и субъектом познания, поскольку, являясь самой жизнью, она в то же время выступает и видом познания жизни. Если охарактеризовать подход А.Ф. Лосева одним словом, то наиболее подходящим окажется «всеединство». Отметим также, что Лосев понимает диалектику как единственно верный метод, однако из этого не следует, что он недооценивает столь влиятельный и во многом «революционный» для того времени феноменологический подход Гуссерля: «феноменология без диалектики „слепа и бессвязна“», а «диалектика без феноменологии не может претендовать на точность и чистоту своих категорий» [10, с. 123]. Диалектика в рамках данного взаимодействия несет объяснительную структуру смысла.

Таким образом, погрузиться в понимание Лосевым мифологического мышления без отрыва от интеллектуального ландшафта, в котором оно было сформировано, возможно лишь в привязке к общеевропейскому контексту. Поэтому далее мы продолжим рассмотрение концепции Лосева в связи с его рецепцией идей немецкого философа-неокантианца Э. Кассирера. Основание для этого следующее: Кассирер и Лосев – современники со схожей методологией и категориально-понятийным аппаратом, базирующиеся на одних и тех же «авторитетах» (Шеллинг, Гуссерль). Лосев в своих исследованиях апеллирует к работам Кассирера и ведет с ним внутреннюю полемику.

В 1925 г. выходит второй том трехтомника «Философии символических форм» Э. Кассирера, посвященный мифологическому мышлению, и уже в ноябре 1926 г. А. Лосев выступает на философском отделении ГАХН с докладом «Философия символических форм у Кассирера», отмечая схожесть феноменологии Кассирера и Гуссерля [11, с. 759]. По мнению Кассирера, ошибка исследователей мифа XIX в. состояла в том, что они не пытались рассматривать миф как самостоятельную единицу, а находили в нем основу из другой дисциплины, например связывая миф с психологией. Это соответствует сути феноменологического метода, который предлагает исследовать предмет как таковой. Данная позиция близка Лосеву: миф следует вырвать из области богословия и этнографии и изучать его в чистом виде, согласно феноменологическому методу Э. Гуссерля [2, с. 6].

Однако А. Лосев в докладе отмечал, что метод Кассирера – не только феноменологический, но и трансцендентально-дедуктивный [11, с. 759]. Так, Е.М. Мелетинский писал, что у Касси-

рера как неокантианца – «трансцендентальный метод, т. е. кантианство, очищенное от „дуализма“, создаваемого учением о „вещи в себе“» [12, с. 51], поскольку Э. Кассирером и его научным руководителем П. Наторпом «вещь в себе» устраняется из кантовской философии: «многообразное» опыта создается самим мышлением. Соответственно, пространство и время рассматриваются им уже не как «трансцендентальные формы созерцания», а как мыслительные формы. Сочетая трансцендентальный априоризм с историзмом, Кассирер распространяет историзм не только на содержание понятий, но и на категориальные структуры рассудка. По мнению А. Лосева, Кассирер сходится с Кантом в общей трактовке этого метода, но расходится «в смысле монистической тенденции философии и принципиального включения интеллектуальной интуиции» [13, с. 217]. В работе «Вещь и имя» Лосев критиковал Кассирера за сведение жизни к строгим логическим структурам в попытке «избежать кантовского метафизического противостояния „вещи в себе“ и явления» [14, с. 20]. По мысли Лосева, так Кассирер отходит от поиска происхождения и сущности структур (в данном случае – мифа), стремясь подвести их к логической форме.

Лосев также задается вопросом, можно ли считать метод Кассирера диалектическим, ведь тот пишет о переходе мифа в религию и религии в искусство, посвящая этому четвертую часть второго тома «Философии символических форм», озаглавленную «Диалектика мифологического сознания». Лосев в докладе приходит к выводу об отсутствии у Кассирера полноценного диалектического подхода: «в то время как миф мыслится как смысловая структура, религия требует своего осуществления. Тогда как Кассирер религию мыслит в сфере абсолютной идеи» [11, с. 759]. То же касается и перехода от религии к искусству, которое «не примиряет противоречия религии, так как противоречия религии происходят в плане жизненном. Искусство дает синтез в смысловой сфере, а не в вещной» [11, с. 759]. Несколькими годами позднее в «Диалектике мифа» Лосев уже прямо напишет, что Кассирер неправильно понимает диалектику, и «диалектические» переходы мифа в религию и религии в искусство неверны, равно как и заложенные в них категории. Здесь стоит отметить, что в «Диалектике мифа» Лосев рассматривает миф как противоречивое единство реального и воображаемого. Потому миф и диалектичен, что он вмещает в себя эти два противоречия – отвлеченную логику и саму жизнь. Диалектика нескончаема, потому и миф не заканчивает свое существование.

В «Диалектике мифа» Лосев также критиковал Кассирера за приверженность позитивистским тенденциям, которые Алексею Федоровичу никогда не были близки, несмотря на признаваемую им значимость естественных наук для философского знания. Кассирер весьма подробно рассматривает связь науки с мифом: «Наука обретает свою собственную форму лишь через выдавливание из себя всех мифологических и метафизических составляющих» [15, с. 11]. По этому поводу Лосев отмечает следующее: «Кассирер очень увлекся своей антитезой мифологии и науки и довел ее до полного абсурда» [11, с. 61], указывая таким образом на ограниченность понимания культуры и мифа в рамках позитивистской трактовки. Кассирер полагает, что категории и понятия вырабатываются еще в мифологическом мышлении, в науке они модифицируются[1]: «наука на долгое время сохраняет древнее мифологическое наследие, которому она лишь придает иную форму» [15, с. 11], т. е. разница здесь не в смысле, а в модальности. По мнению Кассирера, мифу тоже свойственна иерархия, как писал Е.М. Мелетинский, «вместо иерархии причин и следствий – иерархия сил и богов, вместо законов – конкретные унифицированные образы» [12, с. 55]. Однако, соглашаясь с иерархичностью мифа, Лосев абсолютно не принимает иерархию науки в качестве прямой аналогии.

Но были у Кассирера и те идеи, с которыми Алексей Федорович был согласен. Оба исследователя понимают миф как развивающуюся первооснову духовной культуры. Истоки данной идеи обнаруживаются у Ф.В. Шеллинга [17, с. 31], который «определял связь между мифом и языком, принимая язык за „отзвук мифологии“» [15, с. 33]. О развитии мифа Кассирер пишет: «отдельные ступени его развития не просто следуют одна за другой, а противостоят друг другу, часто в резком противоречии» [15, с. 245]. Он полагает, что миф исчезает, когда идеализм создает свой категориальный аппарат и начинает осмыслять бытие, соответственно, миф не ве-

[1] Подобная трактовка отсылает нас к идеям французского социолога Э. Дюркгейма: «Люди обязаны религии не только значительной частью содержания своих знаний, но также и формой, в которой эти знания развивались» [16, с. 63].

чен. Мифологическое мышление перестает быть мифологическим, когда разрушается дуализм между телом и душой. Однако А. Лосев, следуя диалектическому методу, не может разводить понятия «идеализм» и «миф». Миф для него существует и сегодня, он вполне реален, поскольку миф есть «сама жизнь» [2, с. 14], тогда как у Э. Кассирера миф создается вследствие отделения от действительного: «он тоже возникает, подобно искусству и познанию, в процессе разделения, размежевания с непосредственно „действительным“, т. е. с просто данным» [15, с. 36]. Таким образом, для Кассирера, отрицающего логическую составляющую в мифологическом мышлении, невозможно совмещение и одновременное существование «мифа» и «логоса», тогда как для Лосева – это естественное развитие событий.

У Лосева все антитезы мифа (образ вещи и она сама; внутреннее и внешнее; живое и мертвое) сливаются в одно, они имеют идентичную диалектическую природу, в том числе и интеллигенцию, т. е. сознание. Небрежение к диалектике со стороны Кассирера, по Лосеву, порождает смешивание категорий мифа. Все это приводит к лаконичной системе диалектики мифологического мышления, которая состоит из трех ступеней – мифа, религии и искусства: «религия есть противоборство элементов (напр., внутреннего и внешнего), лежащих в мифе как нечто единое и тождественное, а искусство есть будто бы примирение этого противоборства» [1, с. 252]. Лосев анализирует ступени развития мифа, принимая во внимание мифологическое мышление и делая акцент на историко-культурном контексте Древней Греции, таким образом учитывая все факторы, благодаря которым происходит логическое конструирование мифа, и при этом не привнося того, что не было задано в предмете изначально. Эта конструкция принципиально отличается от схемы, предложенной Кассирером, и лишь такой подход для Лосева в сущности диалектический. Но, несмотря на критику, Лосев заключает, что труд Кассирера – один из важнейших в понимании мифа после работы Ф.В. Шеллинга [17][1].

Соотнесение концепции А.Ф. Лосева с воззрениями Э. Кассирера приводит нас к следующим общим выводам. Лосев считал, что, сводя культуру к символическим формам, Кассирер упускает ее глубинную основу – миф. Для Лосева миф является не просто символической формой, а живой, динамической реальностью, имеющей собственную логику и структуру, которая отражается в различных аспектах культуры. Кассирер пишет о мифе как о том, что замыкается в древности и изживает себя полностью, становясь явлением исключительно историческим. И для Лосева причина такой трактовки кроется в некорректной методологии. Верно понятый и правильно применяемый диалектический метод, по его мнению, позволяет понять глубокую взаимосвязь между логическим и алогическим, между сознанием и бытием и, следовательно, полно раскрыть сущность взаимосвязи мифа и культуры.

Комплексный подход, продемонстрированный в данной статье, позволил глубже понять уникальный вклад А.Ф. Лосева в изучение мифологического мышления и его место в широком контексте философской мысли. Он переосмыслил немецкую классическую философию, выработав собственную, оригинальную философскую систему, основанную на синтезе рационального и иррационального, логики и интуиции, а также на глубоком понимании роли мифа, символа и слова в человеческом опыте. Лосев сумел оценить эмоциональное начало мифа и одновременно с этим проанализировал его с философской точки зрения как форму познания реальности. Мифологическое мышление здесь – это особая форма мышления древнего человека, где миф, возникая как данность, облекается в символическую форму, продиктованную спецификой образно-чувственного характера познавательного взаимодействия человека с окружающим миром и призванную как можно более полно выразить мироощущение древних.

В завершение мы хотели бы отметить, что данная проблематика не оставляла Лосева на протяжении многих лет. Труды Алексея Федоровича по мифологии оказали значительное влияние на развитие философии, культурологии, литературоведения и других гуманитарных наук. Его идеи о мифе как форме реальности, о мифологическом мышлении в современном обществе, о связи мифа и личности получили широкое признание и продолжают вдохновлять исследователей на изучение мифологии как важного аспекта человеческого бытия.

[1] По мнению Лосева, Ф.В.Й. Шеллинг – один из немногих мыслителей XIX столетия, рассматривавших миф с позиции философии.

Список источников

1. *Лосев А.Ф.* Диалектика художественной формы. М.: Академический проект, 2010. 415 с.

2. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Собр. соч. : в 9 т. Т. 3 : Миф – число – сущность / сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1994. С. 5–216.

3. *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии // Собр. соч. : в 9 т. Т. 5 : Мифология греков и римлян / сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1996. С. 5–680.

4. *Кузнецов В.Г.* Словарь философских терминов. М.: ИНФРА-М, 2005. 731 с.

5. *Тахо-Годи Е.А.* А.Ф. Лосев и психология // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 4. С. 72–87. EDN: YBNCUX. https://doi.org/10.17759/chp.2018140410

6. *Лосев А.Ф.* Исследования по философии и психологии мышления // Собр. соч. : в 9 т. Т. 8 : Личность и Абсолют / сост. и общ. ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1999. С. 5–224.

7. *Бойко П.Е.* Проблема православной цивилизации в философии истории А.Ф. Лосева // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2005. № 2. С. 20–23. EDN: HQTGGP.

8. *Шебанова И.А., игумен Ермоген (Панасюк).* Диалектический метод А.Ф. Лосева // Диалог культур в эпоху 17 глобальных рисков : материалы Междунар. науч. конф. и X науч.-теор. семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии» (Минск, 17–18 мая 2016 г.) : в 2 ч. Минск: БГУ, 2016. Ч. 2. С. 700–702.

9. *Егоров Н.В.* «Первое восьмикнижие» А.Ф. Лосева как универсальная культурологическая пропедевтика // Журн. Ин-та наследия. 2022. № 1 (28). С. 1–14. EDN: XHXJSM. https://doi.org/10.34685/HI.2022.95.21.004

10. *Нижников С.А., Голович Р.* Диалектика А.Ф. Лосева и феноменология // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 116–125. EDN: IREWQK. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-116-125

11. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998. 784 с.

12. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 480 с.

13. *Бычков В.В., Панасенко Ю.Ф., Тахо-Годи А.А.* А.Ф. Лосев и культура XX века : Лосевские чтения / ред. В.В. Бычков, Ю.Ф. Панасенко, А.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 1991. 221 с.

14. *Коваленко Е.М.* Культура как символическое выражение действительности в философии культуры Э. Кассирера и А.Ф. Лосева // Гуманит. и соц. науки. 2009. № 1. С. 17–23. EDN: MSTPDR.

15. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2 : Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 280 с.

16. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. В. В. Земсковой; под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018. 808 с.

17. *Шеллинг Ф.В.* Философия мифологии : в 2 т. Т. 1 : Введение в философию мифологии / пер. с нем. В.М. Линейкина; под ред. Т.Г. Сидаша, С.Д. Сапожниковой; вступ. ст. Т.Г. Сидаша. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2013. 480 с.

References

1. Losev A.F. *Dialectics of artistic form*. Moscow: Academic Project; 2010. 415 p. (In Russ.).

2. Losev A.F. Dialectics of myth. *Collected works*: in 9 vols. Vol. 3: Myth - number - essence. Comp. by A.A. Takho-Godi; A.A. Takho-Godi and I.I. Makhankov (eds.). Moscow: Thought; 1994:5-216. (In Russ.).

3. Losev A.F. Ancient mythology in its historical development. *Collected works*: in 9 vols. Vol. 5: Mythology of the Greeks and Romans. Comp. by A.A. Takho-Godi; A.A. Takho-Godi and I.I. Makhankov (eds.). Moscow: Thought; 1996:5-680. (In Russ.).

4. Kuznetsov V.G. *Dictionary of philosophical terms*. Moscow: INFRA-M; 2005. 731 p. (In Russ.).

5. Takho-Godi E.A. A.F. Losev and psychology. *Cultural-Historical Psychology*. 2018;14(4):72-87. (In Russ.). EDN: YBNCUX. https://doi.org/10.17759/chp.2018140410

6. Losev A.F. Research on philosophy and psychology of thinking. *Collected works*: in 9 vols. Vol. 8: Personality and the Absolute. Comp. and gen. ed. by A.A. Takho-Godi. Moscow: Thought; 1999:5-224. (In Russ.).

7. Boyko P.E. The problem of orthodox civilization in A.F. Losev's philosophy of history. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2005;(2):20-23. (In Russ.). EDN: HQTGGP.

8. Shebanova I.A., hegumen Ermogen (Panasyuk). The dialectical method of A.F. Losev. *Dialogue of cultures in the era of 17 global risks*. Proceedings of the International Scientific Conference and the 10th Scientific-Theoretical Seminar "Innovative Strategies in Modern Social Philosophy" (Minsk, 17-18th May 2016): in 2 parts. Minsk: Belarusian State University; 2016;(2):700-702. (In Russ.).

9. Egorov N.V. "The first eight-book" by A.F. Losev as a universal cultural propaedeutics. *Heritage Institute Journal*. 2022;(1):1-14. (In Russ.). EDN: XHXJSM. https://doi.org/10.34685/HI.2022.95.21.004

10. Nizhnikov S.A., Golovich R. The dialectic of A.F. Losev and phenomenology. *Questions of Philosophy*. 2020;(6):116-125. (In Russ.). EDN: IREWQK. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-116-125

11. Cassirer E. *Selected. An experiment about man*. Moscow: Gardarika; 1998. 784 p. (In Russ.).

12. Meletinsky E.M. *Poetics of myth*. St. Petersburg: Alphabet, Alphabet-Attikus; 2021. 480 p. (In Russ.).

13. Bychkov V.V., Panasenko Yu.F., Takho-Godi A.A. *A.F. Losev and the culture of the 20th century*: Losev Reading. V.V. Bychkov, Yu.F. Panasenko, A.A. Takho-Godi (eds.). Moscow: Science; 1991. 221 p. (In Russ.).

14. Kovalenko E.M. Culture as a symbolic expression of reality in the philosophy of culture of E. Cassirer and A.F. Losev. *Humanitarian and Social Sciences*. 2009;(1):17-23. (In Russ.). EDN: MSTPDR.

15. Cassirer E. *Philosophy of symbolic forms*. Vol. 2: Mythological thinking. Moscow, St. Petersburg: University Book; 2002. 280 p. (In Russ.).

16. Durkheim E. *Elementary forms of religious life: totemic system in Australia*. Transl. from French by V.V. Zemskova; D.Yu. Kurakin (ed.). Moscow: Elementary Forms; 2018. 808 p. (In Russ.).

17. Schelling F.W. *Philosophy of mythology*: in 2 vols. Vol. 1: Introduction to the philosophy of mythology. Transl. from German by V.M. Lineykin; T.G. Sidash, S.D. Sapozhnikova (eds.); introd. by T.G. Sidash. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University; 2013. 480 p. (In Russ.).

Информация об авторах

М.Г. Подгорная – старший преподаватель кафедры философии и методологии науки Института философии и социально-политических наук ЮФУ.

Дж.А. Саркисян – магистрант Института философии и социально-политических наук ЮФУ.

Information about the authors

M.G. Podgornaya – Senior Lecturer, Department of Philosophy and Methodology of Science, Institute of Philosophy, Social and Political Sciences, SFedU.

J.A. Sarkisyan – Master Student, Institute of Philosophy, Social and Political Sciences, SFedU.

Статья поступила в редакцию 15.08.2025; одобрена после рецензирования 07.09.2025; принята к публикации 12.09.2025.
The article was submitted 15.08.2025; approved after reviewing 07.09.2025; accepted for publication 12.09.2025.

Научная статья
УДК 298.9
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-12-18

ПОНЯТИЕ ЭНЕРГИИ В ДВИЖЕНИИ НЬЮ-ЭЙДЖ

Александр Николаевич Раевский
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
rjeshk@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема понимания и использования понятия «энергия» в движении нью-эйдж. На основе анализа учений этого движения обсуждается, как энергия стала центральным символом, интегрируя идеи, позаимствованные из физики, восточных традиций и западных эзотерических учений. Энергия в нью-эйдж выступает многозначной категорией, обозначающей как физические, так и духовные силы, способные влиять на сознание, здоровье и даже события на коллективном уровне. Исследуются примеры восприятия энергии у таких авторов, как Крайон, Д. Мелхиседек и В. Мегре. Делается вывод об отсутствии единого определения, а также подчеркивается адаптивная сила данной аморфности. Она придает понятию «энергия» привлекательность, позволяя представить сложные духовные идеи в понятных и близких образах, открывая пространство для множества индивидуальных интерпретаций и практических подходов.

***Ключевые слова*:** движение нью-эйдж, неоязычество, постсекулярное общество, религия, новые религиозные движения, энергия, эзотерика, духовные практики

Для цитирования: Раевский А.Н. Понятие энергии в движении нью-эйдж // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 3. С. 12–18. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-12-18

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE CONCEPT OF ENERGY IN THE NEW AGE MOVEMENT

Alexander N. Raevskiy
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
rjeshk@mail.ru

Abstract. This article examines the understanding and use of the concept of energy in the New Age movement. Based on an analysis of the movement's teachings, it discusses how energy has become a central symbol, integrating ideas borrowed from physics, Eastern traditions, and Western esoteric teachings. Energy in New Age philosophy is a polysemantic category, denoting both physical and spiritual forces capable of influencing consciousness, health, and even events on a collective level. Examples of energy perceptions in authors such as Kryon, D. Melchizedek, and V. Megre are explored. It concludes that there is no single definition and emphasizes the adaptive power of this amorphousness. This amorphousness lends the concept of energy its appeal, allowing complex spiritual ideas to be presented in understandable and relatable images, opening space for a multitude of individual interpretations and practical approaches.

***Keywords*:** New Age movement, neopaganism, post-secular society, religion, new religious movements, energy, esotericism, spiritual practices

For citation: Raevskiy A.N. The Concept of Energy in the New Age Movement. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(3):12-18. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-12-18

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

© Раевский А.Н., 2025

Термин «движение нью-эйдж» (буквально с англ. new age – «новая эра») в последние годы широко и неоднозначно используется в религиоведении. Часто оно понимается как совокупность различных мистических, оккультных и эзотерических течений и движений, которые возникли и развивались в XX в., объединённые ожиданием наступления новой эры – эры Водолея. Этот термин встречается в работах исследователей новых религиозных движений (НРД), но конвенционального определения своих границ не имеет. В рамках данной статьи под движением нью-эйдж будем понимать совокупность религиозных организаций, а также клиентурных и аудиторных культов, возникших во второй половине XX в., разделяющих специфические мировоззренческие позиции: идею развития человека посредством духовных практик, идею утилитарности в выборе этих практик, идею руководства со стороны духовных сущностей и идею скорого наступления новой эпохи в результате данного руководства.

Научному рассмотрению движения нью-эйдж посвящены работы М. Йорка, С. Сатклифа, Р. Старка, У.С. Бейнбриджа, Е.Э. Эгильского, А.В. Матецкой, И.Я. Кантерова, В. Ханеграафа [1–5]. В последние годы в ряде статей изучается понятие «энергия», в частности отношение энергии и материи. Большой интерес среди философов вызывает как понятие энергии в учении Аристотеля, святителя Григория Паламы, так и современное представление этих взглядов в трудах В.В. Бибихина и С.С. Хоружего. Дискуссиям о понятии энергии в таком ключе посвящены статьи В.И. Постоваловой, А.И. Пигалева, Ю.В. Пущаева [6–8].

Цель данного исследования – изучить концепцию энергии в движении нью-эйдж и ее роль в этих практиках и учениях, сравнить понятие энергии в этом движении с научными и философскими теориями энергии. Исследование основано на анализе текстов авторов, принадлежащих к направлению нью-эйдж: Д. Мелхиседека, Крайона, Д. С. Верищагина, В. Мегре и др. [9–12].

Так, В.И. Постовалова выделяет две тенденции в понимании энергии: первая, идущая от Аристотеля и неоплатоников (диалектическая), представляет энергию как смысловую конструкцию; «вторая тенденция – назовем ее „(мета)физической“ – рассматривает энергию в полноте ее жизненной наполненности (воплощенности) как реальную жизненную силу, как нечто живое» [6, с. 53]. Последователи НРД в целом и последователи движения нью-эйдж в частности в основном не обращаются к разбору энтелехий Аристотеля и особенностям православной интерпретации учения Паламы, но их представления гораздо ближе ко второй из упомянутых тенденций.

Также в стороне от нью-эйдж остается взгляд физики и физиков на энергию. В этих рамках энергия определяется как измеримая способность системы совершать работу. Однако в массовой культуре термин всё чаще утрачивает эту связь и начинает применяться как обозначение некоей самостоятельной силы, которой можно управлять или манипулировать.

Все годы существования НРД и движения нью-эйдж понятие «энергия» широко используется в их учениях. Оно употребляется для описания различных феноменов, таких как целительство, медитация и практики, связанные с духовным развитием, свойства планет и вознесенных учителей. Эти практики и представления о том, что живые существа обладают энергетическим полем, сами стали основанием для появления ряда новых групп в данном движении. Вообще иногда кажется, что сложнее сказать, что в нью-эйдж не называют энергией. Так, О.В. Кузнецова приводит примеры использования людьми, включенными в опыт духовных практик, понятий «вихревая энергия», «женская энергия», «энергия кундалини», «энергия денег», «энергия Хроник Владык Акаши», через которые они выражают свои религиозные представления [13].

Самое важное для многих религий – божественность – зачастую характеризуется именно терминами энергии. В. Ханеграаф отмечает, что Христа довольно часто описывают как «принцип» или «энергию», а не как личность в традиционном понимании. А наиболее распространенным примером амбивалентной терминологии является «энергия». Исследователь приводит цитату Ш. МакЛейн (автор 80-х гг. XX в., относимый к движению нью-эйдж), демонстрирующую разнообразие и эклектику применения понятия энергии в этом движении: «Это субатомная сила, разумная энергия, которая организует жизнь. Это часть каждой клетки, это часть ДНК, это в нас, и в нас, и в нас самих. Все это – везде – есть то, что мы называем Богом. Мы буквально состоим из энергии Бога, поэтому мы можем создать все, что захотим, чего мы хо-

тим в жизни, потому что каждый из нас сотворит энергию Бога – энергию, что делает саму вселенную» [Цит. по: 5, p. 175].

Такой взгляд на Бога внутри движения обнаруживает К. Кэмпбэлл: в нью-эйдж Бог предстает как «единое универсальное имманентное божественное присутствие, которое обычно вообще не рассматривается в личных терминах ... чаще всего оно рассматривается как форма энергии» [14, p. 77].

Использование понятия «энергия» уже отмечалось в истории религии. Широкое распространение оно получило в различных эзотерических учениях, таких как теософия и движение новой мысли. Именно данные направления считаются духовными предшественниками нью-эйдж. Когда точно термин «энергия» проник в работы, относимые к эзотерике, – отдельный вопрос. Так, в «Тайнах небесных» Э. Сведенборга [15] энергия не упоминается, в работах Ф.А. Месмера о магнетизме [16] чаще всего можно встретить «силы», из чего можно сделать вывод об отсутствии тотальной распространённости использования термина «энергия» во второй половине XVIII в. Следует отметить, что в некоторых переводах «Тайн небесных», в частности А. Гроса, появляется понятие «божественная энергия», отсутствующее в оригинальном латинском варианте.

В XIX в. термин «энергия» приобрел более научное значение. Благодаря открытиям в физике он стал использоваться для обозначения способности системы совершать работу (механическая, тепловая, электрическая и т. д.). Это определение и закрепилось в естественных науках, когда энергия стала измеримой величиной. В то же время в Европу пришли идеи восточных религиозных и философских систем, включавшие индийские и китайские учения о жизненной силе (прана, ци). Такие представления часто связывали с невидимой энергией, которая пронизывает всё сущее и поддерживает жизнь. В переводе на западные языки концепции праны или ци могли быть названы энергией, и этот синтез привел к расширению понимания термина. И уже к концу XIX в. понятие «энергия» начинает активно использоваться в эзотерических текстах.

Так, Е. Блаватская [17] пишет об энергиях, упоминая и физические энергии, и субъективную, и объективную материю, причисляя к ним электричество. В теософии Фохат интерпретируется как космическая энергия или космическое действие, которое проникает во всю вселенную и управляет космическими процессами. Обычная энергия (солнечная энергия, электрическая) есть проявление этой космической энергии.

А. Бейли, одна из ключевых фигур в становлении идеологии движения нью-эйдж, уделяет понятию «энергия» центральное место в своих трудах. В её работе [18] термин «энергия» употребляется более 250 раз, а в первых двух книгах [19] – более 700. Сама концепция энергии оказывается основополагающей для её эзотерического учения. В соответствии с теософской традицией, из которой во многом вырастает её учение, энергия воспринимается как универсальное средство божественного проявления, инструмент эволюции и трансформации.

В понимании Бейли энергия – это не просто сила, но сознательная субстанция, пронизывающая все уровни бытия. В её работах различаются типы и уровни энергии: от плотных физических до тончайших духовных. Особое внимание уделяется семи видам лучевой энергии, или семи лучам, через которые, по её утверждению, осуществляется взаимодействие человека и космоса, разворачивается план духовной иерархии.

Активно использовали термин «энергия» и люди, пытавшиеся совместить научные открытия и эзотерические представления. Так, за 50 лет до сайентологии в США действовал доктор А. Абрамс, предлагавший различные машины, якобы влияющие на здоровье человека. В 1919 г. он представил свои исследования и наблюдения за энергетическими процессами в организме, а также предложил методы лечения с использованием различных устройств, разработанных им для воздействия на эту энергию. Следует отметить, что деятельность Абрамса впоследствии была признана мошеннической.

Исторически были и обратные шаги – когда группа пыталась использовать образ вполне себе физической батарейки в объяснении своего учения. Речь идет об Обществе Этериуса, основанном в 50-е г. XX в., главная цель последователей которого сотрудничать с космическими владыками (Cosmic Masters), чтобы помочь человечеству решить его текущие земные пробле-

мы и продвинуться в новую эру. Его можно отнести к классическим примерам ранних нью-эйдж-групп. Одной из отличающих практик Общества Этериуса является использование батареи духовной энергии (Spiritual Energy Batteries). Молитвы и пение членов сосредоточены на обученных членах движения и заливаются в условный аккумулятор, дизайн и состав которого не объясняются, где их можно хранить сколь угодно долго. Тут важно отметить понимание духовной энергии не в философских терминах, а в именно в том ключе, в котором его используют обычные люди, говоря о батарейках к пульту от телевизора. После смерти основателя движения практики в обществе сместились в сторону более классического лечения с использованием праны [20]. Данный пример иллюстрирует гибкость движения нью-эйдж в создании обыденных символов для репрезентации сложных духовных концепций.

В дальнейшем понятием «энергия» стали переводить практически все схожие с ци или ки концепции, вплоть до христианского Святого Духа. Так, в статье Я. Кешет приводится следующее высказывание Д. Эден: «Многочисленные культуры описывают матрицу тонких энергий, которые поддерживают, формируют и оживляют физическое тело. В Китае это называется ци или чи, в Индии и Тибете – прана, в иудейской каббалистической традиции – йесод, в Японии – ки, у суфиев – барака, у лакота – пробуждение, у ирокезов – оренда, у пигмеев Итури – мегбе, а в христианской традиции – Святой Дух» [Цит. по: 21, p. 508].

Одной из проблем научного анализа движения нью-эйдж выступает неоднозначность ключевых понятий, включая термин «энергия», так как именно он зачастую приводится в пример. Как справедливо отмечают Е. Э. Эгильский и др., «бессмысленно было бы ожидать от адептов „мира воображаемого“ исчерпывающего ответа на такой и подобные ему вопросы: „Что конкретно вы подразумеваете под энергией?“» [3, с. 130].

Обратимся к современному использованию понятия «энергия». У ряда ньюэйджеров этот термин центральный и воспроизводится огромное число раз, к примеру в текстах К. Кэррола (Крайона). Согласно им, существует связанная с энергией «космическая сеть», называемая либо «новой энергией», либо «энергией Крайона» [10]. В компиляции из различных ченнелингов слово «энергия» и его производные упоминаются почти 2000 раз. Речь о накоплении энергии идет и в этом учении – все события, происходящие с людьми, создают энергию, необходимую для перенесения планетарного сознания на следующий уровень. На одной странице можно встретить рассуждения об энергии духовной и об энергии приливных электростанций.

У последователей учения В. Мегре, часто называемых анастасийцами, или движением «Звенящие кедры России», понятие «энергия» упоминается реже, но также находится в центре вероучения. Те самые особые кедры, по их представлениям, тоже являются в определенном смысле батарейкой, как в учении Общества Этериуса. Кедр был создан Богом как накопитель энергий космоса [12]. Сам Бог представляется как совокупность всех энергий (часть его за пределами мира, часть в каждом человеке). Энергия есть и в человеке. Как и у Крайона, здесь регулярно встречается понятие «энергия любви». Надо отметить, что в данной концепции присутствуют не только положительные или хорошие энергии. Согласно В. Мегре, есть энергетические сущности, которые существовали до сотворения земли, часть из них – негативные, со стремлением к разрушению.

В книгах Д. Мелхиседека также идет речь об энергиях. И хотя слово «энергия» и его производные встречаются не 1000 раз, как у Крайона, но более чем 100 раз на книгу его увидеть можно. Важную роль в учении играет энергетическое поле Мер-Ка-Ба, настройкой которого и занимаются на семинарах. В рамках этих практик энергия представляется как средство, помогающее восстанавливать баланс и гармонию внутри человека, а также способствующее духовному просветлению [9].

Еще один клиентурный культ, сосредоточенный на энергии, – дальнейшее энергоинформационное развитие (ДЭИР). Порядка 1000 упоминаний энергии и энергоинформационного поля на книгу, а книги, как и в случае у В. Мегре, представляют собой многотомный цикл произведений. Также не дается определения энергии, но довольно подробно рассказывается о неком энергоинформационном поле. Кроме плотного физического тела, в соответствии с учением Верищагина, «у человека есть еще целый ряд тонких тел – невидимых обычным глазом энергоинформационных структур, которые и составляют в совокупности энергоинформационную

сущность человека. Каждому из этих тел соответствует определенный уровень, или слой, энергоинформационного поля, и каждое последующее тело является более тонкой структурой по отношению к предыдущему» [11, с. 49]. Это эфирное, астральное и ментальное тело.

Дж. М. Грир, относимый к неоязыческой части движения нью-эйдж, выделяет мужскую и женскую энергии. Он называет их солнечная и теллурическая, они символически связаны с сознанием и витальностью. Эти энергии переплетаются, взаимодействуют и дополняют друг друга, создавая гармонию в мире и внутри человека. Грир использует эту дуалистическую концепцию, чтобы объяснить внутренние энергетические процессы и важность их баланса для духовного роста и магической практики. Он представляет ряд понятий: nwyfre («нуиврэ»), которое может быть объяснено как жизненная сила, и gwyar («гуяйр»), соотносимое с энергией и образом текущей воды. Неважно, является ли бог личностью и каким богам поклоняется друид, важно то, что божество дает энергию. Вообще в данном учении наиболее значимым оказываются праздники (стандартное «Колесо года» с 8 праздниками), с каждым из которых и связано определенное божество и энергия [22].

Итак, использование слова «энергия» в смысле невидимой силы произошло постепенно, начиная с заимствования из восточных учений и философии, а затем через синтез научных и оккультных идей в XIX–XX вв. Никто из нью-эйдж-гуру не дает четкой дефиниции, что такое энергия, – будто это слово само себя объясняет. Энергия в этих учениях воспринимается как нечто само собой разумеющееся, универсальное и всепроникающее. Существуют разные виды энергии: одни известны нам по физическому миру, другие связаны с человеком и высшими силами. Для нью-эйдж-движения это чаще всего различные вознесенные мастера, которых в других традициях можно встретить в образе богов, пророков или загадочных ученых, как в учении ДЭИР.

В этом контексте энергия не просто физическое явление, а ключевой элемент духовной практики и трансформации, который может наделить последователей ощущением сопричастности к чему-то большему. Учения Крайона, например, сосредотачиваются на идее «космической сети» или «новой энергии», предполагающей существование единого поля, соединяющего все живые существа и космические реалии. Такая энергия становится основой эволюции сознания, влияя как на личный, так и на коллективный уровень. Взгляды Мелхиседека, в свою очередь, акцентируют внимание на энергетическом поле Мер-Ка-Ба, представляя его как средство гармонизации физического и духовного начала в человеке. Здесь энергия – способ достижения духовного просветления, инструмент настройки внутреннего и внешнего мира. Энергия в нью-эйдж стала «универсальным языком» для обсуждения темы духовного развития и поиска связи с миром, но этот язык скорее основан на символике, чем на строгой системе понятий.

Таким образом, для нью-эйдж энергия остается категорией, которая находит свое отражение в практиках, символах и терминах, объединяя самое различное понимание человеческой сущности, внутренней и внешней связи, физического и духовного мира. В данном движении эта концепция не имеет единого определения, но как раз её аморфность делает энергию столь привлекательной: она позволяет представить сложные духовные идеи в понятных и близких образах, открывая пространство для множества индивидуальных интерпретаций и практических подходов.

Список источников

1. *Sutcliffe S.* Children of the New Age: A History of Spiritual Practices. New York: Routledge, 2003. 288 p.

2. *Stark R., Bainbridge W.S.* The Future of Religion: Secularization, Revival and Cult Formation. Berkeley: University of California Press, 1985. 576 p.

3. *Эгильский Е.Э., Матецкая А.В., Самыгин С.И.* Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения : учеб. пособие. М.: КноРус, 2011. 224 с.

4. *Кантеров И.Я.* Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ). М.: Академический проект, 2006. 472 с.

5. *Hanegraaff W.J.* New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the Mirror of Secular Thought. Albany, NY: State University of New York Press, 1996. 580 p.

6. *Постовалова В.И.* Энергия и пути её концептуализации в познании (опыт эпистемологического рассмотрения) // Слово.ру: Балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 3. С. 30–59. EDN: YMADWV. https://doi.org/10.5922/2225-5346-2017-3-2

7. *Пигалев А.И.* Семиотические аспекты истории понятия энергии в философии // Logos et Praxis. 2022. Т. 21, № 3. С. 6–16. https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.3.1

8. *Пущаев Ю.В*. Понятие энергии в современной философской литературе (В. В. Бибихин, С. С. Хоружий, Д. Брэдшоу) (обзор: часть 1) // Соц. и гуманит. науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3 : Философия. 2018. № 4. С. 189–200.

9. *Мелхиседек Д.* Древняя тайна Цветка Жизни : в 2 т. : пер. с англ. М.: София, 2000. Т. 1. 304 с.

10. *Кэрролл Л*. Партнёрство с Богом : пер. с англ. М.: София, 2005. 256 с.

11. *Верищагин Д.С., Титов К.В*. Полный учебный курс Школы навыков ДЭИР. I и II ступень. СПб.: Невский проспект, 2004. 352 с.

12. *Мегре В.Н*. Анастасия. М.: РИПОЛ классик, 2006. Кн. 1. 256 с.

13. Кузнецова О.В. Феномен духовных практик в современной России: организационные формы и основные участники : дис. … канд. филос. наук. Екатеринбург, 2022. 210 с.

14. *Campbell C.A.* New Age Theodicy for a New Age // Peter Berger and the Study of Religion. London: Routledge, 2001. P. 73–84.

15. *Сведенборг Э.* Тайны небесные / пер. Е. Ю. Возовик. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. 640 с.

16. *Месмер Ф.А.* Доклад об открытии животного магнетизма / пер. А. Люфта. Карлсруэ, 1781.

17. *Блаватская Е.П.* Тайная доктрина : в 3 т. : пер. с англ. М.: Эксмо, 2005. Т. 1. 992 с.

18. *Бейли А.* Ученичество в новом веке. М.: Амрита, 2013. 1008 с.

19. *Бейли А*. Эзотерическая психология. Трактат о семи лучах : в 2 т. : пер. с англ. М.: София, 2003. Т. 1. 512 с.; Т. 2. 667 с.

20. *Баркер Э.* Новые религиозные движения. Практическое введение : пер. с англ. СПб.: Изд-во Русского христ. гуманит. ин-та, 1997. 256 с.

21. *Keshet Y.* Energy Medicine and Hybrid Knowledge Construction: The Formation of New Cultural-Epistemological Rules of Discourse // Cultural Sociology. 2011. Vol. 5, № 4. P. 501–518.

22. *Greer J.M.* The Druidry Handbook: Spiritual Practice Rooted in the Living Earth. York Beach: Weiser Books, 2006. 312 p.

References

1. Sutcliffe S. *Children of the New Age: A History of Spiritual Practices*. New York: Routledge; 2003. 288 p.

2. Stark R., Bainbridge W. S. *The Future of Religion: Secularization, Revival and Cult Formation*. Berkeley: University of California Press; 1985. 576 p.

3. Egilsky E.E., Mateskaya A.V., Samygin S.I. *New religious movements. Contemporary non-traditional religions and esoteric teachings*. Moscow: KnoRus; 2011. 224 p. (In Russ.).

4. Kanterov I.Ya. *New religious movements in Russia (religious studies analysis).* Moscow: Academic Project; 2006. 472 p. (In Russ.).

5. Hanegraaff W. J. *New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the Mirror of Secular Thought*. Albany, NY: State University of New York Press; 1996. 580 p.

6. Postovalova V.I. Energy and the ways of its conceptualization in knowledge (an epistemological approach). *Slovo.ru: Baltic Accent*. 2017;8(3):30-59. (In Russ.). EDN: YMADWV. https://doi.org/10.5922/2225-5346-2017-3-2

7. Pigalev A.I. Semiotic aspects of the history of the concept of energy in philosophy. *Logos et Praxis*. 2022;21(3):6-16. (In Russ.). https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.3.1

8. Pushchaev Yu.V. The concept of energy in contemporary philosophical literature (V.V. Bibikhin, S.S. Khoruzhiy, D. Bradshaw) (Review: Part 1). *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Philosophy*. 2018;(4):189-200. (In Russ.).

9. Melchizedek D. *The Ancient secret of the Flower of Life* : in 2 vols. Transl. from English. Moscow: Sofia; 2000, vol. 1. 304 p. (In Russ.).

10. Carroll L. *Partnership with God*. Transl. from English. Moscow: Sofia; 2005. 256 p. (In Russ.).

11. Verishchagin D.S., Titov K.V. *Complete training course of the School of Skills FEID. Levels 1 and 2.* Saint Petersburg: Neva Prospectus; 2004. 352 p. (In Russ.).

12. Megre V.N. Anastasia. Moscow: RIPOL Classic; 2006, book 1. 256 p. (In Russ.).

13. Kuznetsova O.V. *The phenomenon of spiritual practices in contemporary Russia: organizational forms and main participants*. PhD Thesis. Ekaterinburg, 2022. 210 p. (In Russ.).

14. Campbell C.A. New Age Theodicy for a New Age. *Peter Berger and the Study of Religion*. London: Routledge; 2001:87-104.

15. Swedenborg E. *Secrets of Heaven*. Transl. by E.Yu. Vozovik. Moscow: AST, Transit Book; 2005. 640 p. (In Russ.).

16. Mesmer F.A. *Report on the discovery of animal magnetism*. Transl. by A. Lyuft. Karlsruhe, 1781. (In Russ.).

17. Blavatskaya E.P. *The Secret doctrine* : in 3 vols. Moscow: Eksmo; 2005, vol. 1. 992 p. (In Russ.).

18. Bailey A. *Discipleship in the New Age*. Moscow: Amrita; 2013. 1008 p. (In Russ.).

19. Bailey A.A. *Esoteric Psychology. Treatise on the seven rays* : in 2 vols. Transl. from English. Moscow: Sofia; 2003, vol. 1. 512 p.; vol. 2. 667 p. (In Russ.).

20. Barker E. *New religious movements. A practical introduction*. Transl. from English. Saint Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute; 1997. 256 p. (In Russ.).

21. Keshet Y. Energy Medicine and Hybrid Knowledge Construction: The Formation of New Cultural-Epistemological Rules of Discourse. *Cultural Sociology*. 2011;5(4):501-518.

22. Greer J.M. *The Druidry Handbook: Spiritual Practice Rooted in the Living Earth*. York Beach: Weiser Books; 2006. 312 p.

Информация об авторе

А.Н. Раевский – кандидат философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения Института философии и социально-политических наук ЮФУ.

Information about the author

A.N. Raevskiy – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Institute of Philosophy and Social and Political Sciences, SFedU.

Статья поступила в редакцию 03.09.2025; одобрена после рецензирования 07.09.2025; принята к публикации 12.09.2025.
The article was submitted 03.09.2025; approved after reviewing 07.09.2025; accepted for publication 12.09.2025.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORICAL SCIENCE

Научная статья
УДК 94(47).084.3
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-19-30

ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПЕЧАТИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»)

Антон Викторович Аверьянов [1]✉, Евгений Вячеславович Камынин [2]
[1, 2] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
[1] avaveryanov@sfedu.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-7140-5601
[2] ekamynin@sfedu.ru, https://orcid.org/0009-0002-3947-2032

Аннотация. Анализируются образы будущего в большевистской печати в период Гражданской войны в России. В качестве основного источника используется центральная газета большевистской власти – «Правда» – в период с октября 1917 г. по март 1921 г. Выделяется несколько моделей образов будущего, транслировавшихся в газете в это время. Образ мировой революции менялся в зависимости от внешнеполитической обстановки, однако окончательно со страниц «Правды» не пропадал. К началу 1920-х гг. стал популярен образ «войны на мирном фронте», переключавший внимание читателей на борьбу с разрухой в Советской России. Читателям транслировались представления о счастливом будущем, где не будет угнетения и зла, каждый гражданин получит доступ к знаниям и возможность найти занятие по душе. Сделан вывод, что все образы будущего взаимосвязаны между собой, а их связь с настоящим, частичное воплощение их в действительность стали одним из факторов победы большевиков в Гражданской войне.

***Ключевые слова*:** образы будущего, коммунизм, мировая революция, Гражданская война, газета «Правда», пропаганда, СМИ

Для цитирования: Аверьянов А.В., Камынин Е.В. Образы будущего в большевистской печати в период Гражданской войны в России (на материалах газеты «Правда») // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 3. С. 19–30. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-19-30

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

IMAGES OF THE FUTURE IN THE BOLSHEVIK PRESS DURING THE RUSSIAN CIVIL WAR (BASED ON THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER “TRUTH”)

Anton V. Averyanov[1]✉, Evgeny V. Kamynin[2]
[1, 2] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
[1] avaveryanov@sfedu.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-7140-5601
[2] ekamynin@sfedu.ru, https://orcid.org/0009-0002-3947-2032

Abstract. The article analyzes the images of the future in the Bolshevik press during the Russian Civil War. The main source is the central newspaper of the Bolshevik government, “Truth”, from October 1917 to March 1921. Several models of images of the future that were broadcast in the newspaper during this time are distinguished. The image of the world revolution changed depending on the foreign policy situation, but did not completely disappear from the pages of “Truth”. By the early 1920s, the image of a “war on the peace

© Аверьянов А.В., Камынин Е.В., 2025

front" became popular, switching readers' attention to the fight against devastation in Soviet Russia. Readers were broadcast ideas about a happy future where there would be no oppression or evil, every citizen would have access to knowledge and the opportunity to find an occupation to their liking. It is concluded that all images of the future are interconnected, and their connection with the present, their partial embodiment in reality became one of the factors in the victory of the Bolsheviks in the Civil War.

***Keywords*:** images of the future, communism, world revolution, Civil War, "Truth", propaganda, mass media

For citation: Averyanov A.V., Kamynin E.V. Images of the Future in the Bolshevik Press During the Russian Civil War (Based on the Materials of the Newspaper "Truth"). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(3):19-30. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-19-30

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

«Будущее» как категория времени представляет собой двойственный феномен: с одной стороны, его еще не существует, оно только формируется в настоящем; с другой – представления о будущем, яркие образы могут побуждать людей к определенным действиям, формировать их мировоззрение в настоящем времени: «знание» черт и качеств образа грядущего дает людям веру в эту будущую «реальность» [1]. Советское общество в этом отношении являлось футуроцентричным: перед советскими людьми ставилась конкретная цель – коммунизм. Коммунистическое будущее служило одним из факторов трудового энтузиазма и мобилизации народных масс.

Период Гражданской войны в России относится к числу наиболее выделяющихся в советской истории – это было время ожидания мировой революции, экстраординарных мер и острой борьбы между противоборствующими лагерями, а в международном плане – период крушения империй, перекраивания карты мира и всплеска рабочего движения в Европе и мире. Следовательно, анализ советских образов будущего данной эпохи позволит выделить некоторые факторы, с помощью которых большевикам удалось одержать победу в Гражданской войне. Интерес здесь представляет анализ образов будущего в большевистской печати, так как пресса в то время выступала в качестве мощного агитационного оружия, с помощью которого можно было привлекать на свою сторону большое количество людей на огромных территориях [2]. Особую роль здесь играла газета «Правда», занимавшая центральное место среди всех образцов большевистской печати, так как она была непосредственным рупором партийного руководства, формирующим официальный большевистский дискурс, и массово распространялась. Следовательно, и образы будущего, формируемые на страницах «Правды», воздействовали на многочисленные людские массы.

Интерес к образам будущего как отдельным объектам историко-культурного анализа сформировался в науке во второй половине XX в. Исследователи отмечали связь прошлого, настоящего и будущего в общественном сознании [3], что позволило изучать образы будущего как исторические явления. Само понятие «образ будущего» можно определить как «представления о том, что ожидает или может ожидать общество, мир в целом в ближайшем, или несколько удаленном, или очень удаленно будущем, всём том, что мысленно мы определяем как „позже, чем теперь"» [4, с. 18]. Анализируя образы будущего, мы будем опираться на подходы, сформулированные А. А. Фокиным – одним из немногих историков, изучающих советские представления о грядущем: взаимосвязь будущего с прошлым и настоящим, многообразие моделей будущего, понимание того, что нереализованность образов грядущего не означает их полной утопичности, несбыточности [5].

Касательно историографии данной темы отметим, что отдельных работ, посвященных образам будущего в советской печати, не существует. Можно выделить статью Н.Н. Глухарева [6], где отчасти затрагивается и период Гражданской войны. Автор подробно анализирует представления о будущем у советских лидеров, а также у деятелей культуры. Что касается трудов, посвященных истории советской печати, то в них также внимания образам будущего в советских газетах не уделялось – например, в монографии И. В. Кузнецова [7] основная тематика

номеров «Правды» в период Гражданской войны передана в довольно краткой форме. Таким образом, в целом период Гражданской войны в России практически не исследован с точки зрения образов будущего, в том числе представлений о грядущем в периодической печати, в чем и заключается актуальность нашего исследования.

Следовательно, целью данной статьи является анализ образов будущего в газете «Правда» в период Гражданской войны в России, динамика их изменения. При этом мы будем ориентироваться в основном на небольшие заметки и статьи, нередко публиковавшиеся без авторства, так как, по нашему мнению, небольшой размер и относительно простой синтаксис подобных материалов способствовали большей фокусировке читателей на них, ведь эти материалы были рассчитаны на простых людей, рабочих и крестьян. Временные рамки данного исследования – октябрь 1917 г. (приход большевиков к власти) – март 1921 г. (введение нэпа, что, помимо прочего, означало осознание, что мировая революция настанет не скоро).

Важнейшим из образов будущего, формировавшихся в «Правде», был образ мировой революции. При этом на страницах газеты он возник далеко не сразу после Октябрьской революции: в послеоктябрьских номерах 1917 г. внимание преимущественно уделялось внутренней борьбе с контрреволюцией и подписанию обещанного большевиками мира [8, с. 1]. Однако уже в 1918 г. тема мировой революции стала упоминаться все чаще: например, в номере от 4 января рассматривалось влияние революции в России на «национально-революционные движения» в английских колониях: «Все признаки указывают на то, что мы вступили в полосу попутного ветра, с разных концов света несущего корабль истории к берегам мировой пролетарской революции» [9, с. 1]. Появлялись заметки о путях развития будущей мировой революции – например, об образовании Федеративной Европейской Республики Советов (эта идея ставилась в противовес идее о создании Соединенных Штатов Европы – «чудовищного империалистического треста» [10, с. 1]). В таких условиях празднование 1 Мая в Советской России объявлялось «символом <…> введения в царство социализма» и «сигналом ко всемирной революции» [11, с. 1]. Корреспонденты, авторы статей и заметок фиксировали социальные волнения, которые происходили за пределами России, и отображали их как предвестников мировой революции. Так, 19 мая 1918 г. венгерский коммунист Б. Кун в своей заметке анализировал положение в Австро-Венгрии и делал вывод, что «слабость центральной власти в Австрии это лишь гарантия того, что массовое движение рабочих перейдет путем вооруженного восстания в победоносную революцию» [12, с. 1]. В целом словосочетание «мировая революция» возникало на страницах газеты в различных вариантах: «мировая революция пролетариата» [13, с. 2], «мировая коммунистическая революция» [14, с. 1], «Всемирная Социальная Революция» [15, с. 4], «международная революция» [16, с. 3], «социалистическая революция» [17, с. 2]. Часто со страниц «Правды» читателям обещали, что «близок день, когда III Интернационал <…> свергнет и политическую, и экономическую, и идейную власть капитала» [18, с. 1]. Однако для этого молодой советской республике необходимо было выдержать «напор наступающей мировой буржуазии» и «успеть подать руку братской руке <…> западно-европейского пролетариата» [19, с. 1].

В октябре-ноябре 1918 г., на фоне окончания Первой мировой войны и развития революционных волнений в Европе, тема мировой революции становилась все более актуальной. В «Правде» появилась отдельная рубрика «Революционное движение в Европе» [20, с. 2], где публиковались новости, касающиеся волнений в различных странах – от Германии до Сербии. В связи с этим прозвучал призыв об увеличении численности РККА: «К весне мы должны иметь 3-миллионную Коммунистическую Армию, <…> победоносно наступающую на мировой капитал!» [21, с. 1]. «Мировая революция началась! <…> ничто не остановит железного хода революции!» [22, с. 1] – эти фразы стояли в заглавии номера от 1 ноября. Мировая война заканчивалась, чтобы «повсюду перейти в войну гражданскую» [23, с. 1]. Искра, рожденная в России, в Европе разгоралась в могучее пламя, «коммунизм вышел на улицу» [24, с. 2]. Иногда масштаб революции на страницах «Правды» даже выходил за пределы пространства и времени: «Мы должны бороться за <…> благородную цель <…>, в которой залог счастья вселенной!» [25, с. 2], «Царство рабочего класса длится только год. Сделайте его вечным!» [26, с. 1].

1919 г., особенно первую его половину, можно назвать пиком революционного подъема в Европе – в это время появились Венгерская и Баварская Советские Республики, большевики стремились ускорить мировую революцию. Это нашло отражение и в печати – так, уже в первом выпуске 1919 г. утверждалось, что «через год <…> мир уже будет свободен. <…> Уже будет возрождаться обескровленный мир к новой жизни» [27, с. 1]. Казалось, что мировая буржуазия вот-вот будет побеждена, а потому нельзя «накануне своей мировой победы сдавать оружие» [28, с. 1]. Несмотря на поражение восстания «Союза Спартака» в январе 1919 г., 14 февраля авторы заметок в «Правде» утверждали, что в Германии идет подготовка к восстанию рабочих и она станет «честной советской республикой» [29, с. 1], так как волнения в то время еще продолжались. Обсуждались в газете, например, вопросы о социализации земли в Германии после победы революции, в какой степени крестьянство к этому готово [30, с. 1].

Однако с развитием революционных событий в Венгрии фокус внимания смещался. 23 марта в «Правде» было опубликовано известие, что в Венгрии установилась советская власть, вместе с предложением создать «наступательный союз» [31, с. 1] против врагов пролетариата. Выражалась уверенность в том, что после Венгрии восстание также вспыхнет в Галиции, тем самым связав Советскую Россию и Венгрию, что также «зажжет и другие соседние страны» [32, с. 1]. Стратегия, формулируемая в «Правде», была следующей: для поддержки Венгрии необходимо установить советскую власть в Галиции, а также в Бессарабии, что приведет к появлению общих границ у существовавших на тот момент советских республик (и поспособствует советизации Румынии). После установления контакта с Венгрией следовало двигаться на Чехию, оттуда – в Баварию, далее – на Запад [33, с. 1]. Однако реальность опередила планы – в номере от 9 апреля 1919 г. сообщалось об установлении советской власти в Баварии, что трактовалось как начало советизации Германии, а также Австрии, откуда «революционные взрывы» смогли бы продвинуться дальше: «Час мировой революции близок» [34, с. 1]. Надежды на ускорение мировой революции связаны и с тем, что европейские советские республики были более развитыми, чем Россия. Например, предполагалось, что если в Венгрии проведут социалистические реформы, то «пролетарская коммунистическая революция в Венгрии сразу шагнет далеко вперед и обгонит нас» [35, с. 1]. Отмечалось и нарастание революционной борьбы в Польше [36, с. 1]. В первомайском номере «Правды» этот период разрастания революции по всему миру обозначался как «весна человечества»: «Свободными, равными братьями станут люди. <…> Человек будет вольным сознательным работником» [37, с. 1]. 1 мая 1919 г. называлось 1 мая «первого года новых времен» [37, с. 1], которые неизбежно приведут к появлению Международной Советской Республики.

Но постепенно революционная волна на Западе угасала, из-за чего фокус внимания даже перемещался на Восток. В начале мая 1919 г. была повержена Советская Бавария – в «Правде» эти события освещались как пример сложного положения мировой революции [38, с. 1]. И если на Западе усиливалась буржуазия, то на Востоке, напротив, укреплялись позиции угнетенных колоний. Так, революция 1919 г. в Египте характеризовалась как «грозный признак пробуждения Востока, грозный для мирового капитала, быть может, более, чем захват власти рабочими в одном из европейских городов» [38, с. 1], так как «красная бацилла» может продвинуться дальше, в Афганистан и Индию (тут стоит упомянуть, что еще в августе 1918 г. корреспондентами отмечалось, что революция на Западе отзовется и «на сонном Востоке» [39, с. 1]). Тем не менее летом 1919 г. В. Магер-Паули (чех, плененный во время Первой мировой войны), освещая восстание в Чехословакии, отмечал, что «от красной искорки венгерского пожара уже загорается Богемия, и скоро <…> он перекинется и на остальную Европу» [40, с. 1]. Выражалась уверенность, что «буржуазно-казацкая Европа станет советской» [41, с. 1]. Выступления итальянских рабочих (события, которые позже получат название «Красное двухлетие») трактовались как факт того, что «итальянская революция началась» [42, с. 1].

В начале августа была ликвидирована и Венгерская Советская Республика. Номер «Правды» от 6 августа встречал читателя сообщением, что «пролетарская Венгрия пала под ударами империалистов и меньшевистских изменников» [43, с. 1], а в дальнейших выпусках освещался уже «контрреволюционный переворот в Венгрии» [44, с. 1]. После этого на фоне наступления Деникина на Москву внимание редакторов и корреспондентов «Правды» переключилось на внутрен-

нюю борьбу с контрреволюционными силами. Если в 1918 г. в статьях, опубликованных к годовщине Октябрьской революции, упор делался на международное ее значение накануне мировой революции, то в 1919 г. во вторую годовщину Октября («от которого наши потомки будут считать грядущие тысячелетия» [45, с. 1]) хотя и отмечалось, что «мы стоим на пороге мировой социалистической революции», однако все же большая часть текстов выходила под знаком «борьбы с белогвардейщиной» [45, с. 1], внимание акцентировалось именно на Советской России, которая должна «светить всему миру» [46, с. 1] как авангард мировой революции, которая, несмотря на задержки, все же «неутомимо идет все вперед» [47, с. 1]. «Третий год великой революции» [48, с. 1] начинался с заверения в том, что весь мир находится под напором новой революционной волны. Но уже в декабре 1919 г., описывая успехи Красной армии, авторы заметки на эту тему ставили задачу поднятия духа революционного пролетариата в Западной Европе на второе по значимости место – первое занимал разгром белогвардейцев [49, с. 1].

1920 г. также начинался с концентрации внимания на фронтах Гражданской войны, а не мировой революции. Выделялась тема скорейшего завершения Гражданской войны и подписания мира с другими государствами на территории бывшей Российской империи, например с Эстонией [50, с. 1]. Мировая война с буржуазией постепенно уступала место «войне хозяйственной разрухе» [51, с. 1], появилась даже новая рубрика – «На бескровном фронте» [52, с. 1]. Однако эта будущая «война» с разрухой также описывалась военными терминами: «Переход на „мирное“ положение означает перемену фронта, но не уничтожение его» [53, с. 1]. Автор данной заметки призывал читателей готовиться к тому, что ради такой формы ведения хозяйства придется экстраординарными мерами перемещать людей с одной работы на другую, искать слабые отрасли народного хозяйства и резко направлять людей на их развитие. Победы и укрепление советской власти в России трактовались как одновременно и причины быстрого повсеместного роста коммунизма [54, с. 1] – так решение внутренних проблем Советской России связывалось с внешним вектором на мировую революцию. Вместе с тем в марте 1920 г. в «Правде» широко освещался Капповский путч в Германии, вызвавший рабочие демонстрации по всей стране и одну из крупнейших рабочих забастовок. Рубрика «Военный переворот в Германии» [55, с. 1] вскоре была переименована в «Гражданскую войну в Германии» [56, с. 1]. Однако, когда ситуация в Германии стабилизировалась, рубрика вновь была переименована в «События в Германии» [57, с. 2], уменьшена в размерах и перемещена на вторую страницу, а затем и вовсе убрана.

Перешедшая в активную фазу война с Польшей в первую очередь трактовалась как защита Отечества, но помимо этого выражалось и стремление «помочь освобождению польских братьев от старых панских цепей» [58, с. 1]. С развитием успеха советского наступления риторика «Правды» также менялась – появлялись статьи о необходимости агитации среди поляков, чтобы те поняли, что советские войска воюют ради «независимости рабоче-крестьянской Польши от ее буржуазно-помещичьих верхов» [59, с. 1]. Угасание мировой революции все же требовало объяснения, хотя бы следующего: «Мы, большевики, не говорим, что революция вспыхнет завтра, или послезавтра, или через неделю – мы говорим: революция будет, потому что она неизбежна» [60, с. 1].

В августе 1920 г. революционные ожидания переживали очередной пик – первая половина месяца ознаменовалась наступлением на Варшаву. «Мы вступаем в новую полосу солидарных действий международного пролетариата. <…> к полуразрушенной Европе приближается вплотную коммунизм-победитель», – декларировалось на страницах «Правды» [61, с. 1]. Даже еще в сентябре 1920 г. обсуждалось создание Балканской Социалистической Федеративной Советской Республики, где «будет достигнуто действительное национальное освобождение и объединение всех балканских народов» [62, с. 1]. Однако поражение советских войск привело к очередному спаду сообщений о дальнейшем продвижении мировой революции. Лейтмотивом стало требование о справедливом мире с Польшей: «Мир должен быть завоеван, и он будет завоеван» [63, с. 1], «Один для нас выход: <…> заставить врагов заговорить языком мира» [64, с. 1]. В статье от 6 ноября 1920 г. говорилось, что выполнение пошивочной повинности поможет солдатам Красной армии «одержать славные победы и вернуться домой, к упорному труду и бескровной войне с разрухой, к строительству нашего будущего» [65, с. 1]. Основная цель теперь сводилась не к внешнеполитическим успехам, а к внутригосударственному мирному

строительству. В материалах, посвященных очередной годовщине Октября, также звучали эти мотивы: «Добивать последних врагов и строить, воссозидать, творить новую жизнь – таков ее клич!» [66, с. 1]. «Для хозяина-строителя время у нас до сих пор еще не доходило. Борец оттеснял строителя. Но уж близится время, когда строительству откроется широкий, необъятный простор» [67, с. 3]. «Только коммунистические приемы работы могут спасти и спасут человеческое общество <…> Общая работа на общий котел» [68, с. 2] – так теперь выглядели представления о будущем. Переход работы на трудовой фронт, работа «вглубь», на вовлечение масс в коммунистическое движение [69, с. 1] – такими становились новые цели. Пафос войны и битв сменился пафосом труда и творчества: «Наши военные сводки превращаются в сухую и короткую формулу: на фронтах все спокойно <…> гул канонады они сменили шумом работающих машин. Пусть от этих дней пойдет начало новой жизни, которая из ничего творит и строит, которая поднимет измучившихся и настрадавшихся на новые ступени счастливой и здоровой жизни!» [70, с. 1]. Все это не означало, что мировая революция была снята с повестки (например, установление советской власти в Грузии в марте 1921 г. именовалось как «новый шаг революции на Восток» [71, с. 1]), однако большее внимание все же стало уделяться мирному строительству внутри Советской России.

1921 г. встречал читателей заявлениями, что «на бескровном фронте будем тратить свои силы, свои нервы, свои мускулы, чтобы росла, крепла, ширилась великая пролетарская республика» [72, с. 1]. Окончательно новый этап в советской истории закреплен на X съезде РКП(б), когда ввели продналог, началась новая экономическая политика, и заявили, что «война на фронтах нами победоносно закончена. Но наши враги ведут против нас всю ту же войну, только в других формах <…> на внутреннем фронте» [73, с. 1].

Образ мировой революции на страницах «Правды» появлялся не только в статьях и заметках, но и в стихотворениях, которые нередко печатались в «Правде». Например, в июне 1918 г. в газете было опубликовано стихотворение пролетарского поэта В.Д. Александровского «Неизбежность»:

Победа труда – неизбежна <…>
Восток был великим началом,
Докончит-же Запад стальной <…>
Что дали нам черные годы
Сожжет Революции взрыв! [74, с. 4].

Подобные призывы нередки – к Западу обращался И.Е. Ерошин: «Встаньте! Взор на Восток устремите!» [75, с. 3] и неоднократно сам Александровский: «Товарищи, помощь близка! // В западных странах <…> Вспыхнет багряно пожар» [76, с. 3]. «Сольются, как братья, народы земли!» [77, с. 1], «Мы вышли на битву – нам смерть лишь преграда // В великое царство любви!» [78, с. 2] – такие перспективы демонстрировали перед читателями советские поэты. В стихотворении Е. Красной пролетарские силы представали в образе кузнеца, который кует свободу и счастливое будущее [79, с. 2]. На фоне разворачивающихся революционных событий в Германии в декабре 1918 г. В.Д. Александровский декларировал: «Сотрите границы // Земли, – // Вчера – // Умерло навсегда! <…> Сегодня в Германии, // Завтра в Америке // Будут восстания, // Будут истерики» [80, с. 3]. Уже весной 1919 г., в контексте установления советской власти в Венгрии и Баварии, Д. Бедный заверял читателей в том, что «запылает завтра Вена, // А за ней – Берлин!» [81, с. 2]. В «Светлое царство свободных людей», «К Солнцу» взывал С. П. Павлов, автор «Марша коммунистов» [82, с. 2]. Как видно, мировая революция и коммунистическое будущее здесь преподносились через аллегории взрыва, огня (который диалектически одновременно и дарует тепло, свет, и сжигает, разрушает), потока энергии. Старый мир бился в истерике, обреченный на погибель. Однако уже к 1920 г. риторика того же Д. Бедного изменилась: в «Песне труда» он призывал читателей усердно трудиться, «чтоб Русь в довольстве расцвела» [83, с. 1]. Результатом этого, по его мнению, станет обилие товаров, расцвет народного хозяйства, всеобщая грамотность и полезный досуг горожан и сельских жителей, превращение Советской России в «цветущий рай»: «Вчера – винтовка, нынче – плуг, // Работай, друг!» [83, с. 1].

Образ мировой революции был только частью (хотя и немалой) представлений о будущем на страницах газеты. Помимо этого аспекта, затрагивались в «Правде» футуристические про-

гнозы и замыслы другого характера. Будущее коммунистическое общество обрисовывалось как мир, «где не будет угнетения и зла, где все одинаково будут наслаждаться радостями жизни» [84, с. 2]. Публиковались и заметки, касавшиеся будущего во внутренних делах советской республики. В июне 1918 г. заявлялось, что скоро будут увеличены налоги на роскошь, авторы заметки предлагали ввести налоги на «барские выезды», рояли и счета в дорогих ресторанах [85, с. 4]. Простых граждан заверяли в том, что постепенно крестьяне поймут выгоды социализма, который «поднимает его, вместе с рабочими города, на высочайшую ступень и экономического благосостояния и социалистической сознательности» [86, с. 2], тем самым подготавливая почву для коммунистического строя [87, с. 2].

За два года до выработки плана ГОЭЛРО на страницах газеты предлагалась эксплуатация различных источников энергии – угля, нефти, потоков воды (прообразы ГЭС), чтобы «осветить не только города, но села и деревни» [88, с. 4]. В новом обществе найдется место каждому – это демонстрировалось на примере РККА, где «каждый годен и каждому свое место», где «творится новая жизнь» [89, с. 1]. В номере от 5 июля была опубликована заметка, касающаяся будущего театра в социалистическом обществе, репертуар которого должны были составлять пьесы, «способные закалить бунтарский дух, <…> закрепить социалистическое мировоззрение зрителей». Театр должен был стать «орудием социального прогресса» [90, с. 3]. Также на страницах «Правды» сообщалось о сооружении в Москве памятников выдающимся революционерам и культурным деятелям – «Пантеон бессмертных» (видимо, воплощение ленинского плана монументальной пропаганды), вид которых рождал бы в душах граждан «героические чувства, воспоминания о героическом прошлом», которое стало бы фундаментом для общества, где люди будущего «будут жить в благодатной атмосфере труда, знания и красоты» [91, с. 2]. Рабочий класс сможет освоить знания, накопленные человечеством и создать свою интеллигенцию, убеждали читателей [92, с. 2]. О создании рабочей интеллигенции говорилось, например, в статье, посвященной открытию Московского пролетарского университета: «Освобождающемуся человечеству <…> придется предварительно пройти через период нарождения пролетарской, рабочей интеллигенции с тем, чтобы впоследствии с ее помощью разрешить задачу слияния высокоорганизованного физического труда с таким же умственным трудом» [93, с. 1].

В апреле 1919 г., в период весеннего наступления Колчака, в «Правде» была опубликована статья Л. Д. Троцкого, в которой описываются следующие перспективы развития России в случае скорого окончания Гражданской войны: рабочие вернутся к станкам, крестьяне – в деревни, «освобожденный труд вступит в свои права. Два-три года мира и покоя – и России нельзя будет узнать! <…> Дети рабочих и крестьян получат доступ ко всем источникам знания. Социалистическая страна сделает могучий прыжок вперед по пути довольства, знания и счастья» [94, с. 1]. Внимание уделялось и женскому вопросу – читателей призывают как можно скорее решить его и дать дорогу советской женщине – «строительнице нового, лучшего мира!» [95, с. 1]. В статье от 4 сентября 1919 г. говорилось, что уже осуществленных мер в сфере женского вопроса (равноправие с мужчинами) недостаточно – необходимо «изыскать пути и средства для полного, окончательного освобождения женщины-работницы» [96, с. 3] от оков домашних и материнских обязанностей. Постепенно происходило осмысление событий Октября 1917 г., их значение для будущего человечества. Новая эра рождала в ужасных условиях «новый строй – царство Труда» [97, с. 1].

Помимо позитивных сценариев будущего, рассматривались на страницах «Правды» и негативные. Например, Н. И. Бухарин анализировал возможные варианты развития России в случае отказа от курса на социализм и советской власти: «Немецкий капитал высосет <…> все соки <…> Английский капитал превратит <…> в мочало» [98, с. 2]. В другом выпуске он рассматривал перспективы возрождения монархии в России – по его мнению, это было возможно лишь путем оккупации, которая привела бы к хаосу, рабочим и крестьянским восстаниям и в итоге к расчленению России [99, с. 2]. Во время наступления Польши осенью 1920 г. в «Правде» была опубликована статья о планах Польши на соседние страны – «создать из Белоруссии и Литвы своих, якобы независимых, вассалов <…> требует <…> передачи всей Украины „демократическому правительству украинцев“» [100, с. 1]. Основным же признаком негативного образа будущего, возникавшего на страницах газеты вплоть до Кронштадтского восстания [101, с. 1],

являлось возвращение помещиков и капиталистов, т. е. поворот вспять, в прошлое, с точки зрения большевистской прессы.

Таким образом, на страницах газеты «Правда» существовало сразу несколько образов будущего, транслировавшихся читателям. Важнейшим из них был образ мировой революции – мирового восстания рабочих, которое смело бы старый, капиталистический мир, чтобы освободившееся человечество построило новое, счастливое коммунистическое общество. Укреплению этих представлений способствовала кризисная ситуация в послевоенной Европе, создание советских республик за пределами бывшей Российской империи. Мировая революция встречалась читателям не только в форме призывов и убеждающих высказываний, что она неизбежна, нередко ее облекали в стихотворную форму. Конечно, качество этих стихов могло разниться от номера к номеру (что, впрочем, субъективно), но так или иначе красочные метафоры и убедительные картины грядущей революции могли прочитать (или услышать от грамотных людей) во всем мире. Этот образ, в зависимости от внешнеполитической обстановки, а также внутреннего положения в Советской России, то угасал, то вспыхивал с новой силой – крупные революционные подъемы пришлись на период с осени 1918 г. по осень 1919 г., а также на лето 1920 г. Однако и после этого лейтмотив мировой революции не исчез со страниц газеты – он изменился, уступил свое место идее мирного строительства социализма, борьбы на «мирном фронте», которая тоже была нацелена на будущее – в результате упорного труда советские люди должны были оживить охваченную разрухой Россию и построить в ней общество будущего – и связана с мировой революцией, ведь Советская Россия в такой интерпретации становилась оплотом социализма, предвестником-факелом, который должен был не погаснуть, а укрепиться для последующих боев.

Если во внешней сфере авторы «Правды» делали упор на солидарность с трудящимися других стран, то, затрагивая внутреннюю, стремились описать особенности мира, который воплотится в жизнь после социалистических преобразований, где не будет угнетения и зла, где все будут равны и никто не будет бесполезен и одинок – ни инвалиды, ни женщины. Самые различные сферы затрагивались в подобных представлениях о будущем – экономика, культура. Советская власть обещала гражданам доступ к знаниям и ресурсам, которые преобразят всю Россию и, при возможности, весь мир. «Царству труда», миру будущего противопоставлялось прошлое, которое на страницах «Правды» выступало в качестве врага – в лице буржуазии, капиталиста, помещика, которые оккупируют, расчленят и заберут в свою собственность все ресурсы России.

Данные образы свидетельствуют: вульгарным преувеличением является мнение, что большевиков после прихода к власти интересовала лишь мировая революция. На примере представлений о будущем на страницах газеты «Правда» видно, что образы мировой революции и социалистического прогрессивного рывка в России взаимосвязаны. Две противоположности порождали синтез чего-то нового, обещавшего читателям освобождение и счастье. И, что немаловажно отметить, нередко описывая признаки грядущего, авторы «Правды» опирались на те преобразования и планы, которые уже были воплощены в жизнь или оказались реализованы в скором времени (например, ГОЭЛРО). Советские граждане могли видеть, что будущие преобразования произрастают из настоящих действий власти, которые касались не только внешнеполитических маневров, но и решения внутренних проблем, накопившихся за долгое время. И это, на наш взгляд, стало одним из факторов победы большевиков в Гражданской войне.

Список источников

1. *Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.* Политическое конструирование образа будущего // Вестн. Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 285–299.

2. *Шлегель Е.* Роль и развитие средств массовой информации времён Гражданской войны // Гражданская война как феномен мировой истории : материалы науч. конф. Екатеринбург: УрФУ, 2008. С. 254–258.

3. *Барг М.А.* Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 49–66.

4. *Желтикова И.В*. Образ будущего. Орёл: Картуш, 2021. 164 с.

5. *Фокин А.А.* «Будущее два»: опыты теоретического подхода к истории будущего // Пути России. Будущее как культура: прогнозы, репрезентации, сценарии : докл. участников XVII Междунар. симп. М.: Ред. журн. «Новое литературное обозрение», 2011. С. 514–521.
6. *Глухарев Н.Н.* Формирование образов будущего в СССР в 1920-е гг. // Genesis: ист. исследования. 2024. № 1. С. 28–43.
7. *Кузнецов И.В.* История отечественной журналистики (1917–2000). 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2006. 640 с.
8. Калединское царство // Правда. 1917. № 204.
9. *Е. П.* Английский империализм и колонии // Правда. 1918. № 9.
10. Европейская Республика Советов // Правда. 1918. № 2.
11. *Кун Б.* Красная армия. Два первых мая // Правда. 1918. № 85.
12. *Кун Б.* Развитие революционных сил в Австрии // Правда. 1918. № 97.
13. *Сокольников Г.* Социалистическая революция и иностранный капитал // Правда. 1918. № 72.
14. Правда. 1918. № 85.
15. *Л-ко*. Красная армия. К товарищам красноармейцам // Правда. 1918. № 104.
16. Воззвание к украинцам // Правда. 1918. № 159.
17. *Н. О.* Города ужаса // Правда. 1918. № 160.
18. *Сосновский Л.* Из словаря буржуазии. «Общенародная власть» // Правда. 1918. № 113.
19. *Волин Б.* Удушливые газы буржуазии и противогазы пролетариата // Правда. 1918. № 137.
20. Революционное движение в Европе // Правда. 1918. № 237.
21. *Майзель Б.* О создании Красной Армии // Правда. 1918. № 229.
22. Правда. 1918. № 237.
23. Как оканчивается мировая война // Правда. 1918. № 239.
24. *Мгеладзе И.* Размышления // Правда. 1918. № 241.
25. Немецкая прокламация // Правда. 1918. № 156.
26. Лозунги к октябрьским торжествам // Правда. 1918. № 237.
27. Новый год, новая борьба, новое счастье // Правда. 1919. № 1.
28. Большевистский империализм // Правда. 1919. № 22.
29. Волна за волной // Правда. 1919. № 34.
30. *Альберт М.* Революционизация крестьянства в Германии // Правда. 1919. № 63.
31. Венгрия – советская республика // Правда. 1919. № 63.
32. *Мещеряков Н.* Венгерская пролетарская революция // Правда. 1919. № 64.
33. *Пятаков Г.* Западные перспективы // Правда. 1919. № 65.
34. Баварская революция и мировое положение // Правда. 1919. № 76.
35. Отклики. Земледельческий коммунизм в Венгрии // Правда. 1919. № 77.
36. *Ганецкий Ч.* Положение в Польше // Правда. 1919. № 89.
37. Весна человечества // Правда. 1919. № 92.
38. Мюнхен – Париж // Правда. 1919. № 95.
39. Обер-жандармы // Правда. 1918. № 174.
40. *Магер-Паули В.* На западе загорелось // Правда. 1919. № 123.
41. Борьба по всему фронту // Правда. 1919. № 145.
42. *К. Т.* Выступление итальянских рабочих // Правда. 1919. № 152.
43. Правда. 1919. № 172.
44. Правда. 1919. № 181.
45. Ко всем рабочим, ко всем трудящимся, ко всем красноармейцам // Правда. 1919. № 249.
46. *Сольц А.* Красный факел // Правда. 1919. № 250.
47. *Сорин Вл.* Слава первому // Правда. 1919. № 250.
48. Перевал // Правда. 1919. № 251.
49. Под ударами красной армии // Правда. 1919. № 277.
50. Под ударом наших побед // Правда. 1920. № 3.
51. Начало наступления // Правда. 1920. № 26.
52. На бескровном фронте // Правда. 1920. № 26.
53. *Ходоровский И.* Работа «по мирному» // Правда. 1920. № 26.
54. Причины миролюбия // Правда. 1920. № 42.
55. Военный переворот в Германии // Правда. 1920. № 58.
56. Гражданская война в Германии // Правда. 1920. № 63.
57. События в Германии // Правда. 1920. № 81.
58. Старый и новый спор // Правда. 1920. № 95.
59. *Преображенский Е.* Необходимое напоминание // Правда. 1920. № 154.
60. *Меньшой А.* Виды на революцию // Правда. 1920. № 154.

61. Международный пролетарский фронт // Правда. 1920. № 56.
62. *Кобакчиев Хр*. Национальный вопрос и балканские коммунисты // Правда. 1920. № 196.
63. Несколько документов // Правда. 1920. № 207.
64. Одиннадцатая заповедь // Правда. 1920. № 218.
65. Кризис одежды и трудовая пошивочная повинность // Правда. 1920. № 249.
66. Растущий великан // Правда. 1920. № 250.
67. *Сосновский Л*. Строители России // Правда. 1920. № 250.
68. Общий котел и общая работа // Правда. 1920. № 252.
69. Текущий момент и задачи партии // Правда. 1920. № 260.
70. Спокойствие на фронтах, работа в тылу // Правда. 1920. № 275.
71. *Мещеряков Н.* Революция в Грузии // Правда. 1921. № 47.
72. Партия к Новому году // Правда. 1921. № 1.
73. Ко всем членам партии // Правда. 1921. № 64.
74. *Александровский В.Д.* Неизбежность // Правда. 1918. № 108.
75. *Ерошин И*. Западу // Правда. 1918. № 135.
76. *Александровский В*. Товарищи, помощь близка! // Правда. 1918. № 181.
77. *Фриче В.* Волна растет! // Правда. 1918. № 152.
78. *Нелюдим*. Борцы // Правда. 1918. № 164.
79. *Красная Е.* Кузница свободы // Правда. 1918. № 237.
80. *Александровский В.* Огненные цветы // Правда. 1918. № 276.
81. *Бедный Д*. Буржуазный цыпленок и советские орлята // Правда. 1919. № 77.
82. *Павлов С. П*. Марш коммунистов // Правда. 1919. № 92.
83. *Бедный Д.* Песня труда // Правда. 1920. № 22.
84. *Оольц А.* Два праздника // Правда. 1918. № 87.
85. В правит. учреждениях. В Комиссариате торговли и промышленности // Правда. 1918. № 108.
86. *Преображенский Е*. Пугают социализмом // Правда. 1918. № 140.
87. *Мещеряков Вл.* О сельскохозяйственных коммунах // Правда. 1918. № 155.
88. *Еремеев К*. Работа вглубь // Правда. 1918. № 149.
89. *Серебряков А*. Там, где творится новая жизнь // Правда. 1918. № 141.
90. *Фриче В*. Революционный театр // Правда. 1918. № 136.
91. *Фриче В*. Пантеон международной культуры // Правда. 1918. № 165.
92. *Ярославский Ем.* Дорогу пролетариям // Правда. 1918. № 170.
93. Неотложная задача // Правда. 1919. № 60.
94. *Троцкий Л. Д*. Что нужно России // Правда. 1919. № 88.
95. *Бергман Г.* Дорогу женщине! // Правда. 1918. № 245.
96. *Вардин Ил.* Работницы и власть Советов // Правда. 1919. № 195.
97. Три года без царя // Правда. 1920. № 56.
98. *Бухарин Н*. На мировых путях // Правда. 1918. № 160.
99. *Бухарин Н.* Порядок (Статья для обывателей) // Правда. 1918. № 170.
100. Несколько документов // Правда. 1920. № 207.
101. Уроки жизни // Правда. 1921. № 47.

References

1. Shcherbinin A.I., Shcherbinina N.G. Political construction of the image of the future. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2020;(56):285-299. (In Russ.).

2. Shlegel E. The role and development of mass media during the Civil War. *Civil War as a phenomenon of world history*. Proceedings of the Scientific Conference. Ekaterinburg: Ural Federal University; 2008:254-258. (In Russ.).

3. Barg M.A. Historical consciousness as a problem of historiography. *Questions of History*. 1982;(12):49-66. (In Russ.).

4. Zheltikova I.V. *The image of the future*. Orel: Kartouche; 2021. 164 p. (In Russ.).

5. Fokin A.A. “Future two”: experiments of a theoretical approach to the history of the future. *Ways of Russia. The future as culture: forecasts, representations, scenarios*. Reports of the participants of the 17th International Symposium. Moscow: Editorial Office of the journal “New Literary Review”; 2011:514-521. (In Russ.).

6. Glukharev N.N. Formation of images of the future in the USSR in the 1920s. *Genesis: Historical Research*. 2024;(1):28-43. (In Russ.).

7. Kuznetsov I.V. *The history of Russian journalism (1917-2000)*. 3rd ed., correct. Moscow: Flinta; Science; 2006. 640 p. (In Russ.).

8. The Kaledin Kingdom. *Truth*. 1917;(204). (In Russ.).

9. E. P. English imperialism and colonies. *Truth*. 1918;(9). (In Russ.).
10. The European Republic of Soviets. *Truth*. 1918;(2). (In Russ.).
11. Kun B. The Red Army. The two First May. *Truth*. 1918;(85). (In Russ.).
12. Kun B. The development of revolutionary forces in Austria. *Truth*. 1918;(97). (In Russ.).
13. Sokolnikov G. The Socialist Revolution and foreign capital. *Truth*. 1918;(72). (In Russ.).
14. *Truth*. 1918;(85). (In Russ.).
15. L-ko. The Red Army. To the Red Army soldiers comrades. *Truth*. 1918;(104). (In Russ.).
16. Appeal to Ukrainians. *Truth*. 1918;(159). (In Russ.).
17. N. O. Cities of horror. *Truth*. 1918;(160). (In Russ.).
18. Sosnovsky L. From the Dictionary of the bourgeoisie. “National power”. *Truth*. 1918;(113). (In Russ.).
19. Volin B. Suffocating gases of the bourgeoisie and gas masks of the proletariat. *Truth*. 1918;(137). (In Russ.).
20. The Revolutionary movement in Europe. *Truth*. 1918;(237). (In Russ.).
21. Maisel B. About the creation of the Red Army. *Truth*. 1918;(229). (In Russ.).
22. *Truth*. 1918;(237). (In Russ.).
23. How the World War ends. *Truth*. 1918;(239). (In Russ.).
24. Mgeladze I. Reflections. *Truth*. 1918;(241). (In Russ.).
25. German proclamation. *Truth*. 1918;(156). (In Russ.).
26. Slogans for the October celebrations. *Truth*. 1918;(237). (In Russ.).
27. New Year, new struggle, new happiness. *Truth*. 1919;(1). (In Russ.).
28. Bolshevik Imperialism. *Truth*. 1919;(22). (In Russ.).
29. Wave after wave. *Truth*. 1919;(34). (In Russ.).
30. Albert M. Revolutionization of the peasantry in Germany. *Truth*. 1919;(63). (In Russ.).
31. Hungary - Soviet Republic. *Truth*. 1919;(63). (In Russ.).
32. Meshcheryakov N. The Hungarian Proletarian Revolution. *Truth*. 1919;(64). (In Russ.).
33. Pyatakov G. Western perspectives. *Truth*. 1919;(65). (In Russ.).
34. The Bavarian Revolution and the world situation. *Truth*. 1919;(76). (In Russ.).
35. Responses. Agricultural Communism in Hungary. *Truth*. 1919;(77). (In Russ.).
36. Ganetsky H. The situation in Poland. *Truth*. 1919;(89). (In Russ.).
37. Spring of humanity. *Truth*. 1919;(92). (In Russ.).
38. Munich - Paris. *Truth*. 1919;(95). (In Russ.).
39. Chief gendarmes. *Truth*. 1918;(174). (In Russ.).
40. Mager-Pauli V. It caught fire in the West. *Truth*. 1919;(123). (In Russ.).
41. The struggle on the whole front. *Truth*. 1919;(145). (In Russ.).
42. K. T. The speech of the Italian workers. *Truth*. 1919;(152). (In Russ.).
43. *Truth*. 1919;(172). (In Russ.).
44. *Truth*. 1919;(181). (In Russ.).
45. To all workers, to all working people, to all Red Army soldiers. *Truth*. 1919;(249). (In Russ.).
46. Solts A. The red torch. *Truth*. 1919;(250). (In Russ.).
47. Sorin Vl. Glory to the first. *Truth*. 1919;(250). (In Russ.).
48. The pass. *Truth*. 1919;(251). (In Russ.).
49. Under the blows of the Red Army. *Truth*. 1919;(277). (In Russ.).
50. Under the blow of our victories. *Truth*. 1920;(3). (In Russ.).
51. The beginning of the offensive. *Truth*. 1920;(26). (In Russ.).
52. On the bloodless front. *Truth*. 1920;(26). (In Russ.).
53. Khodorovsky I. Work “on the peaceful”. *Truth*. 1920;(26). (In Russ.).
54. The reasons for peacefulness. *Truth*. 1920;(42). (In Russ.).
55. Military coup in Germany. *Truth*. 1920;(58). (In Russ.).
56. The Civil War in Germany. *Truth*. 1920;(63). (In Russ.).
57. Events in Germany. *Truth*. 1920;(81). (In Russ.).
58. Old and new dispute. *Truth*. 1920;(95). (In Russ.).
59. Preobrazhensky E. A necessary reminder. *Truth*. 1920;(154). (In Russ.).
60. Menshoy A. Views on revolution. *Truth*. 1920;(154). (In Russ.).
61. International Proletarian Front. *Truth*. 1920;(56). (In Russ.).
62. Kobakchiev Hr. The national question and the Balkan Communists. *Truth*. 1920;(196). (In Russ.).
63. Several documents. *Truth*. 1920;(207). (In Russ.).
64. The eleventh commandment. *Truth*. 1920;(218). (In Russ.).
65. The crisis of clothing and labor sewing service. *Truth*. 1920;(249). (In Russ.).
66. The growing giant. *Truth*. 1920;(250). (In Russ.).

67. Sosnovsky L. Builders of Russia. *Truth*. 1920;(250). (In Russ.).
68. Common boiler and common work. *Truth*. 1920;(252). (In Russ.).
69. The current moment and tasks of the party. *Truth*. 1920;(260). (In Russ.).
70. Calmness on the fronts, work in the rear. *Truth*. 1920;(275). (In Russ.).
71. Meshcheryakov N. Revolution in Georgia. *Truth*. 1921;(47). (In Russ.).
72. The party for the New Year. *Truth*. 1921;(1). (In Russ.).
73. To all party members. *Truth*. 1921;(64). (In Russ.).
74. Alexandrovsky V.D. Inevitability. *Truth*. 1918;(108). (In Russ.).
75. Eroshin I. To the West. *Truth*. 1918;(135). (In Russ.).
76. Alexandrovsky V. Comrades, help is near! *Truth*. 1918;(181). (In Russ.).
77. Fritsche V. The wave is growing! *Truth*. 1918;(152). (In Russ.).
78. Unsociable. Wrestlers. *Truth*. 1918;(164). (In Russ.).
79. Krasnaya E. Forge of freedom. *Truth*. 1918;(237). (In Russ.).
80. Alexandrovsky V. Fiery flowers. *Truth*. 1918;(276). (In Russ.).
81. Bedny D. Bourgeois chicken and Soviet eaglets. *Truth*. 1919;(77). (In Russ.).
82. Pavlov S.P. March of the Communists. *Truth*. 1919;(92). (In Russ.).
83. Bedny D. Song of labor. *Truth*. 1920;(22). (In Russ.).
84. Oolts A. Two holidays. *Truth*. 1918;(87). (In Russ.).
85. In government institutions. At the Commissariat of Trade and Industry. *Truth*. 1918;(108). (In Russ.).
86. Preobrazhensky E. They scare with socialism. *Truth*. 1918;(140). (In Russ.).
87. Meshcheryakov Vl. About agricultural communes. *Truth*. 1918;(155). (In Russ.).
88. Eremeev K. Deep work. *Truth*. 1918;(149). (In Russ.).
89. Serebryakov A. Where a new life is being created. *Truth*. 1918;(141). (In Russ.).
90. Fritsche V. The revolutionary theater. *Truth*. 1918;(136). (In Russ.).
91. Fritsche V. Pantheon of international culture. *Truth*. 1918;(165). (In Russ.).
92. Yaroslavsky Em. Make way for the proletarians. *Truth*. 1918;(170). (In Russ.).
93. An urgent task. *Truth*. 1919;(60). (In Russ.).
94. Trotsky L.D. What Russia needs. *Truth*. 1919;(88). (In Russ.).
95. Bergman G. Make way for a woman! *Truth*. 1918;(245). (In Russ.).
96. Vardin Il. Women workers and the Power of the Soviets. *Truth*. 1919;(195). (In Russ.).
97. Three years without a emperor. *Truth*. 1920;(56). (In Russ.).
98. Bukharin N. On world routes. *Truth*. 1918;(160). (In Russ.).
99. Bukharin N. Order (Article for everyman). *Truth*. 1918;(170). (In Russ.).
100. Several documents. *Truth*. 1920;(207). (In Russ.).
101. Life lessons. *Truth*. 1921;(47). (In Russ.).

Информация об авторах

А.В. Аверьянов – доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории XX–XXI веков (базовая кафедра ЮНЦ РАН) Института истории и международных отношений ЮФУ.

Е.В. Камынин – магистрант кафедры отечественной истории XX–XXI веков (базовая кафедра ЮНЦ РАН) Института истории и международных отношений ЮФУ.

Information about the authors

A.V. Averyanov – Doctor of Science (History), Head of the Department of Russian History of the 20th-21st Centuries (basic department of the SSC RAS), Institute of History and International Relations, SFedU.

E.V. Kamynin – Master Student of the Department of National History of the 20th-21st centuries (basic department of the SSC RAS), Institute of History and International Relations, SFedU.

Статья поступила в редакцию 28.08.2025; одобрена после рецензирования 07.09.2025; принята к публикации 12.09.2025.
The article was submitted 28.08.2025; approved after reviewing 07.09.2025; accepted for publication 12.09.2025.

Научная статья
УДК 94
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-31-35

ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОЕ ОСВОЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛАНДШАФТА И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Абидат Абдулаевна Газиева [1]✉, Ирина Витальевна Сухарева [2]
[1] Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Республика Дагестан, Россия
[2] Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Республика Башкортостан, Россия
[1] gazieva.abidat@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-8109-2861
[2] ira.sarigel@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается военно-инженерная деятельность Российской империи на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX в. и её влияние на природно-географический ландшафт региона, процессы государственной аккультурации и формирование исторической памяти в регионе с помощью ландшафтных преобразований. На основе архивных документов и литературы выявляются масштабы и характер фортификационного строительства на левом фланге Кавказской кордонной линии, включая возведение крепостей, расчистку просек, прокладку дорог, регулирование русел рек. Показано, что ландшафтные преобразования сопровождались трансформацией хозяйственных практик, социокультурными взаимодействиями между империей и местными народами. Военные объекты и измененные природные пространства выступают как маркеры имперского присутствия в регионе, закрепившиеся в коллективной памяти местных народов.

***Ключевые слова*:** экосистема, историческая память, кордонные участки, природа, казаки, фронтир, экономика, взаимовлияние

Для цитирования: Газиева А.А., Сухарева И.В. Военно-инженерное освоение Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX века: трансформация ландшафта и социокультурные последствия // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 3. С. 31–35. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-31-35

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

MILITARY ENGINEERING DEVELOPMENT OF THE NORTH-EAST CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY: LANDSCAPE TRANSFORMATION AND SOCIO-CULTURAL CONSEQUENCES

Abidat A. Gazieva [1]✉, Irina V. Sukhareva [2]
[1] Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia
[2] Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia
[1] gazieva.abidat@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-8109-2861
[2] ira.sarigel@yandex.ru

Abstract. The article examines the military engineering activities of the Russian Empire in the North-Eastern Caucasus in the first half of the 19th century and its impact on the natural and geographical landscape of the region, the processes of state acculturation and the formation of historical memory in the region through landscape transformations. Based on archival documents and literature, the scale and nature of fortification

© Газиева А.А., Сухарева И.В., 2025

construction on the left flank of the Caucasian cordon line are developed, including the construction of fortresses, clearing of clearings, laying roads, and regulation of river beds. It is shown that landscape transformations were accompanied by a transformation of economic practices, socio-cultural interactions between the empire and local peoples. Military facilities and altered natural spaces act as markers of the imperial presence in the region, entrenched in the collective memory of local peoples.

***Keywords*:** ecosystem, historical memory, cordon areas, nature, Cossacks, frontier, economy, mutual influence

For citation: Gazieva A.A., Sukhareva I.V. Military Engineering Development of the North-East Caucasus in the First Half of the 19th Century: Landscape Transformation and Socio-Cultural Consequences. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(3):31-35. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-31-35

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В первой половине XIX в. Северо-Восточный Кавказ стал пространством интенсивного военного и инженерного освоения, вызванного необходимостью закрепления Российской империи на пограничной территории. Строительство фортификационных сооружений левого фланга Кавказской кордонной линии, расчистка просек, прокладка дорог, регулирование речных русел и ирригационные работы сопровождались глубокой трансформацией природно-географического ландшафта. Эти процессы влияли на экосистему региона, состояние лесных массивов, гидрологический режим и хозяйственную жизнь местного населения.

Военно-инженерные проекты несли в себе противоречивый характер. С одной стороны, они обеспечивали военную маневренность и укрепляли стратегический контроль над регионом; с другой – влекли за собой экологические проблемы, включая вырубку лесов, заболачивание территорий и истощение природных ресурсов. Российская администрация предпринимала меры по частичной регуляции хозяйственной деятельности и сохранению экосистемы (например, ограничение выращивания риса под Кизляром или предписания по восстановлению лесов), однако масштабы преобразований значительно изменили привычную среду обитания.

Помимо материальных последствий, фортификационное строительство становилось фактором культурного взаимодействия. Новые военные центры и дороги превращались в точки соприкосновения местных сообществ и имперских структур, что способствовало обмену хозяйственными навыками и формированию новых моделей землепользования. В дальнейшем изменённый ландшафт и сами военные сооружения получили символическое измерение, закрепившись в коллективных воспоминаниях как материальные свидетельства эпохи Кавказской войны.

Актуальность исследования заключается в необходимости комплексного анализа того, как военно-инженерные мероприятия Российской империи воздействовали на природно-географическую среду и каким образом эти преобразования вплетались в социальный и культурный контекст региона. Такой подход позволяет выявить долговременные последствия инженерного освоения не только в экологическом, но и в культурно-историческом измерении.

Методология исследования базируется на междисциплинарном подходе, объединившем методы военной истории и культурной антропологии. Использование историко-системного метода позволяет рассмотреть военно-инженерную деятельность России в регионе как комплексный процесс, в котором стратегические, культурные и экономические задачи взаимодействовали с природно-географической средой. Выбор культурно-антропологического метода обусловлен необходимостью исследования процесса аккультурации, возникшего в ходе взаимоотношений местного населения с военно-административными структурами империи и выявления роли фортификационных сооружений и других инженерных объектов в формировании исторической памяти.

Российская администрация для скорейшего укрепления в крае активизировала и возводила иерархичные фортификационные группы с налаженной, по мере природных условий, коммуникацией, образуя новую субсистему жизни в регионе. В результате возведения кордонов природный ландшафт претерпел определенные изменения.

Стоит отметить, что природно-климатические условия на протяжении всей кордонной линии левого фланга не были одинаковыми, что влекло за собой многочисленные реорганизации и необходимость перенесения крепостей и укреплений.

Военно-политические стратегии и экономические планы империи сталкивались с природой региона. Экономические связи между народами в регионе обладали многовековой историей, что было отчасти обусловлено природно-климатическими особенностями, определившими хозяйственную специализацию Восточного Кавказа. Кизлярский участок Терской кордонной линии находился в менее благоприятных природных условиях относительно других кордонов. Болотистая, сырая местность способствовала развитию таких сельскохозяйственных культур, как рис, каперсы, бахчевые культуры, виноград, но параллельно с этим оказывала и негативное влияние: к примеру, сырой климат не позволял длительно хранить вино. Кизляр имел не очень удачное расположение с точки зрения природно-климатических условий, но выгодное стратегическое положение. Власти города и кавказского руководства в целом неоднократно подчеркивали негативное воздействие природно-климатического ландшафта, приводящее к болезням населения, но перенесение города оставляло бы без прикрытия стратегически важные пространства. Служивший в Кизляре У. Гевитт отмечал, что сырой климат в городе еще более ухудшался от того, что население сажало рис в окрестностях крепости.

В 1751 г. главный командир Кизляра запретил выращивание риса вблизи Кизляра, но болезни продолжались. Болотистая местность служила средой обитания для болезнетворных комаров. Каналы, орошавшие многочисленные фруктовые сады, виноградники и рисовые поля в Кизляре и его окрестностях, только усиливали влажность. Командиры чувствовали связь между садоводством и болезнями и в то или иное время запрещали не только выращивание риса, но и выращивание хлопка, разведение шелкопряда и даже продажу фруктов, вина и овощей. В 1798 г., например, в Кизлярском гарнизоне от болезней умерло 652 человека. А.М. Павлов посетил Кизляр между 1824 и 1835 гг.: по его сведениям, летом из-за нездорового климата умирало два-три, а иногда и до пяти человек в неделю [1, p. 75].

Путешественники, приезжавшие в Кизляр, почти всегда отмечали промозглую атмосферу и плохое самочувствие. В начале 1770-х гг. А. Гюльденштедт писал, что вокруг Кизляра сыро и болотисто, много стоячей воды, а воздух был густым и миазматичным. И.П. Фальк заметил в 1775 г., что Кизляр высыхает только летом и что сырость очень вредна для здоровья. И.В. Гудович в 1792 г. сообщал, что Кизляр теперь представляет собой остров, окруженный болотами, часто затопляемыми, пронизанный нездоровым воздухом и болезнями. Шидловский, корреспондент Министерства внутренних дел, посетивший Кизляр в 1843 г., писал, что «винная, душная атмосфера начинает окутывать тебя, когда подходишь к городу». Весной и осенью дороги настолько мокрые и грязные, что передвигаться по улицам невозможно. Повозки с волами застревали на несколько месяцев. Ирригационные каналы гнили из-за отработанных дрожжей винокурен.

Так как вдоль нижнего Терека развивалось садоводство и виноградарство, надобность в поливной воде была острой, что вызывало необходимость изменения русла реки. Для обеспечения пахотных земель водой и илом были перерезаны оросительные каналы. Терек также нужно было сдерживать – наводнения были частой проблемой, поэтому пришлось возводить плотины, стены, фашины [1, p. 75].

Строительство укреплений, крепостей, а также дальнейшее поддержание построек по линии требовало большого количества леса. В результате использования пригодного для строительства леса по нижнему Тереку и массовой вырубки деревьев возник дефицит лесных массивов в данной части региона. В связи с этим по распоряжению атамана требовалось от казаков сажать ежегодно двадцать пять деревьев и запрещалось отапливать дровами дома и штаб полка. Вместо этого они должны были использовать тростник, сорняки и навозные кирпичи (кизяк), «которые накапливаются в большом количестве в каждом дворе» [1, p. 62].

Кроме того, строительство крепостей обусловливало освоение лесных массивов, вырубку просек, прокладывание дорог [2]. В 1822 г. были расчищены дороги от Ханг-Калы до Гойты, Урус-Мартан, Рошна и Гехи, к Майртупу, Герменчуку и Шали [3, с. 284].

В период возведения крепости Грозной некоторые селения, лежащие в отдалении Сунжи, уже приняли присягу. С этих территорий для строительства крепостей по Сунже собирали лес – для скорейшего возведения Сунженской линии. Ускоренными темпами завершилось строительство крепости Грозной, прокладывание дорог к Шали, Герменчуку, Гехи, Гойты и другим крупным населенным пунктам Чечни, для нужд которых также вырубались лесные массивы, что меняло экосистему региона. Особенно серьезные преобразования ландшафта произошли при занятии Таузена (Тевзана), когда «русские войска приступили к устройству колесного сообщения по пройденному пути и к рубке просек в 600 сажень ширины», Гельдыгенская просека «проложена шириною в 75 саж.» [4, с. 548]. Широкие просеки давали возможность маневренности русской армии, провоза артиллерии, а также способствовали успешному ведению боевых действий.

По линии продолжалась вырубка просек для свободного перемещения между фортификационными сооружениями на участках кордона в направлении Ауховского общества как одного из наиболее воинственных. Также было дано распоряжение администрации «от аула Шали к крепости Воздвиженской в 1852 г. расчистить просеку» [5, с. 23]. Расчистка шла при разделении войск на 2 колонны: «одна из них (4 батальона, 4 легких орудия и 1 сотня казаков) занялась позициею на Чингроевской высоте, начала расчистку просеки по направлению к Шали; другая работала от разрушенного аула Ставонкула к Чингрою» [5, с. 38].

6 апреля 1857 г. началась «вырубка леса, закрывающего Устархановское поле» [5, с. 38], «расчистка Гехинской просеки» [5, с. 38] и «расчистка просеки к Кишень-Ауху» [5, с. 36]. Так как просека к Кишень-Ауху имела важное значение, «весь лес, прикрывавший Ауховские поля, вырублен, дороги на бывшие аулы Сати-Юрт и Марцык-Юрт раскрыты и все засеки вокруг леса сожжены». Несмотря на то что леса систематически вырубали с 20-х гг. XIX в., актуальной оставалась проблема вырубки просек и прокладывания дорог и в 50-е гг. Так, в одном из источников говорится, что «в то время главнейшею преградою сообщений российской армии от укрепления Куринского с местностью за рекой Мичиком был громадный лес по южной покатости Качкалыковского хребта» [6, с. 10].

При возведении Лезгинской (Кахетинской) линии было принято решение вырубить просеки в нескольких местах, установить караульный пост между крепостью Закатальской и Муганинской переправой [7, л. 5].

Многочисленные работы по возведению фортификации на Восточном Кавказе требовали преобразований природно-географического ландшафта. Вырубка лесных массивов для строительства крепостей и укреплений, из-за прокладки дорог ухудшила экологическую ситуацию в регионе. Трансформации природно-географического ландшафта способствовала и быстроразвивающаяся экономика региона, которая требовала ресурсов для хозяйственного, промышленного развития и растущих потребностей рынка.

Таким образом, военно-инженерная деятельность Российской империи на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX в. оказала существенное влияние на природно-географический ландшафт региона. Строительство фортификационных сооружений, расчистка просек, прокладка дорог, возведение плотин и регулирование русел рек сопровождались масштабными изменениями экосистемы: происходила деградация лесных массивов, повышалась заболоченность территорий, изменялся гидрологический режим. Эти процессы напрямую затрагивали хозяйственную жизнь населения, вынуждая его адаптироваться к новым условиям – искать альтернативные источники топлива, корректировать систему земледелия и ирригации.

При этом российская администрация предпринимала определённые меры для смягчения негативных последствий инженерного вмешательства в природу, включая запреты на возделывание отдельных культур, регулирование ирригации и предписания по восстановлению лесов. Однако масштабы преобразований были столь значительными, что носили долговременный характер и определили дальнейшее развитие хозяйственного освоения региона.

Одновременно ландшафтные преобразования стали частью более широкого социального контекста Кавказской войны. Фортификационные сооружения и изменённая природная среда выступали символами имперского присутствия, что отразилось в восприятии местных сообществ и вошло в коллективные воспоминания о XIX в.

Список источников

1. *Barrett T.M*. At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700-1860. Boulder: Westview, 1999. 243 p.

2. *Агиева Л.Т.* К вопросу о Сунженской линии // Сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 25-летию II съезда ингушского народа. Назрань: КЕП, 2015. С. 32–58.

3. *Газиева А.А.* Историческое и военно-политическое значение Сунженского участка фортификационных сооружений левого фланга Кавказской кордонной линии // Военно-исторические аспекты жизни юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. М.: Сфера, 2021. С. 283–287.

4. Ведень: воен. сб. // Отдел редкой и старой книги ДФИЦ РАН.

5. Левое крыло Кавказской линии (Терская область). Прикаспийский край (Дагестанская область) и Лезгинская кордонная линия : сб. док. 752 с. // Отдел редкой и старой книги ДФИЦ РАН.

6. *Волконский Н.А.* Погром Чечни в 1852 году. Тифлис, 1880. 154 с.

7. Сведения крепостей и укреплений на Кавказе и за Кавказом, ныне существующих и упраздненных, и о произведении в разное время Областей Закавказского края в Российской империи // Науч. архив Ин-та истории, археологии, этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97.

References

1. Barrett T.M. *At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700-1860*. Boulder: Westview; 1999. 243 p.

2. Agieva L.T. On the issue of the Sunzhensky line. *Collection of reports of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 25th anniversary of the 2nd Congress of the Ingush people*. Nazran: KEP; 2015:32-58. (In Russ.).

3. Gazieva A.A. Historical and military-political significance of the Sunzhensky section of the fortifications of the left flank of the Caucasian cordon line. *Military-historical aspects of life in the south of Russia in the 17th-21st centuries*: *issues of study and museumification*. Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference. Moscow: Sphere; 2021:283-287. (In Russ.).

4. Veden: military collection. *Department of Rare and Old Book of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences*. (In Russ.).

5. The left wing of the Caucasian line (Terek region). The Caspian region (Dagestan region) and the Lezgin cordon line. Collection of reports. 752 p. *Department of Rare and Old Book of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences*. (In Russ.).

6. Volkonsky N.A. *Riot of Chechnya in 1852*. Tiflis; 1880. 154 p. (In Russ.).

7. Information on fortresses and fortifications in the Caucasus and beyond the Caucasus, currently existing and abolished, and on the production at different times of the Regions of the Transcaucasian Territory in the Russian Empire. *Scientific archive of the Institute of History, Archaeology, Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences*. Fund 1. In. 1. File 97. (In Russ.).

Информация об авторах

А.А. Газиева – младший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Дагестана ИИАЭ ДФИЦ РАН.

И.В. Сухарева – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, истории и востоковедения УГНТУ.

Information about the authors

A.A. Gazieva – Junior Researcher of the Department of Modern and Contemporary History of Dagestan, IHAE DFRC RAS.

I.V. Sukhareva – Doctor of Science (History), Professor of the Department of International Relations, History and Oriental Studies, USPTU.

Статья поступила в редакцию 18.08.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 12.09.2025.
The article was submitted 18.08.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 12.09.2025.

К 110-летию Южного федерального университета

Научная статья
УДК 93
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-36-43

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДОНУ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ОТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ К СОЗДАНИЮ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ЦЕНТРА

Анжела Николаевна Деордиева
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
andeordieva@sfedu.ru

Аннотация. На основе анализа архивных материалов, документов государственных учреждений и периодической печати начала XX в. исследуются ключевые этапы становления высшего образования в Области Войска Донского. Особое внимание уделено процессу трансформации эвакуированного Варшавского университета в Донской университет как примеру успешной адаптации академического учреждения в новых социально-политических условиях. Исследование демонстрирует, как региональные инициативы, проявленные в критический исторический период, заложили основы одного из ведущих научно-образовательных центров Юга России.

***Ключевые слова*:** высшее образование, Варшавский университет, Донской университет, Ростов-на-Дону, Первая мировая война, эвакуация вузов, региональная образовательная политика, история Юга России

Для цитирования: Деордиева А.Н. Формирование системы высшего образования на Дону в начале XX века: от региональных инициатив к созданию университетского центра // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 3. С. 36–43. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-36-43

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

FORMATION OF THE HIGHER EDUCATION SYSTEM IN THE DON REGION AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY: FROM REGIONAL INITIATIVES TO THE CREATION OF A UNIVERSITY CENTER

Anzhela N. Deordieva
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
andeordieva@sfedu.ru

Abstract. Based on the analysis of archival materials, documents of state institutions and periodicals of the early 20th century, the key stages of the formation of higher education in the Don Host Region are studied. Particular attention is paid to the process of transformation of the evacuated Warsaw University into the Don University as an example of successful adaptation of an academic institution in new socio-political conditions. The study demonstrates how regional initiatives, demonstrated in a critical historical period, laid the foundations of one of the leading scientific and educational centers of the South of Russia.

***Keywords*:** higher education, Warsaw University, Don University, Rostov-on-Don, World War I, evacuation of universities, regional educational policy, history of Southern Russia

For citation: Deordieva A.N. Formation of the Higher Education System in the Don Region at the Beginning of the 20th Century: From Regional Initiatives to the Creation of a University Center. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(3):36-43. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-36-43

© Деордиева А.Н., 2025

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Современный этап развития исторической науки характеризуется повышенным вниманием к изучению региональных моделей становления высшего образования в контексте взаимодействия центральных и местных инициатив. Особую актуальность данное направление приобретает в преддверии 110-летия Южного федерального университета – старейшего вуза Юга России, история которого восходит к эвакуации Варшавского императорского университета в Ростов-на-Дону в 1915 г. Юбилейная дата создает уникальную исследовательскую перспективу для переосмысления истоков академических традиций ЮФУ, уходящих корнями в дореволюционный период, преемственности образовательных моделей от имперской к советской и современной эпохам, а также роли университета в формировании интеллектуального ландшафта Юга России.

В начале XX в. российские регионы активно развивали высшее образование. Однако в Области Войска Донского до 1915 г. функционировал лишь Донской политехнический институт.

Идея основания университета в Ростове-на-Дону начала активно обсуждаться в 1910–1911 гг. Важным шагом стало решение Ростовской городской думы от 18 февраля 1910 г.: после рассмотрения предложения группы гласных и анализа заключения специальной комиссии приняли постановление о направлении ходатайства правительству с просьбой об учреждении университета, включающего медицинский факультет. Для реализации этой инициативы были назначены представители: депутат III Государственной думы от партии кадетов М.С. Аджемов и деятель Союза русского народа М.И. Кирьянов, впоследствии занявший пост городского головы [1, с. 7]. В апреле 1910 г. Ростовская городская дума приняла решение о выделении 2 млн р. на строительство университетского комплекса и предоставлении для этих целей земельного участка для постройки зданий [2, с. 46].

21 июня 1910 г. городское управление направило министру народного просвещения ходатайство об открытии университета в Ростове-на-Дону. В обоснование своей инициативы администрация указывала на ключевую роль города как центра обширной территории, охватывающей не только Область Войска Донского, но и прилегающие районы Екатеринославской губернии, а также Северного Кавказа. Согласно представленным данным, численность населения этих земель составляла более 17 млн жителей. В регионе функционировало 96 средних учебных заведений, подведомственных министерству просвещения, однако отсутствие собственного вуза вынуждало местную молодёжь покидать родные места ради обучения в столичных и других университетских городах Российской империи [1, с. 8].

В 1911 г. администрация Ростова-на-Дону вновь обратилась к министру народного просвещения Л. А. Кассо с тем же вопросом. В свою очередь, Войсковое правительство ОВД также направило ходатайство, но настаивало на размещении университета в Новочеркасске – административном, образовательном и культурном центре региона.

Однако обе инициативы встретили сопротивление центральных властей, опасавшихся роста оппозиционных настроений и нарушения регионального баланса. Несмотря на готовность Ростова финансировать проект и поддержку местных элит, все попытки открыть вуз в тот период оказались безрезультатными.

С началом Первой мировой войны обстоятельства резко изменились. В 1915 г., когда русская армия отступала под натиском противника, особенно остро встала проблема спасения Варшавского университета – важнейшего научного и образовательного учреждения западных территорий России. Этот университет, учреждённый в 1869 г., имел глубокие исторические корни. Его предшественниками были Главная школа, созданная в 1862 г., а также Педагогическая семинария и Медико-хирургическая академия. К моменту эвакуации вуз располагал четырьмя факультетами: медицинским, физико-математическим, юридическим и историко-филологическим, что делало его многопрофильным учебным заведением [3, с. 10].

В 1915 г., когда Варшавский университет готовился к эвакуации, между Министерством народного просвещения и академической общественностью возникли серьезные разногласия относительно его дальнейшей судьбы. Вопреки ожиданиям, полного перевода вуза в Москву не планировалось – министерство разработало схему рассредоточения факультетов по разным го-

родам империи. Согласно этому плану, три факультета – историко-филологический, юридический и физико-математический – должны были остаться в столице, а естественно-научное и медицинское отделения предполагалось разместить в провинциальных университетских центрах, среди которых рассматривались Саратов, Томск и Казань. Подобное решение вызвало решительный протест со стороны профессорско-преподавательского состава. Ученый совет университета, отстаивая принцип целостности учебного заведения, указывал на недопустимость административного разделения.

В этот критический момент администрация Ростова-на-Дону предприняла решительные шаги, выступив с предложением о размещении эвакуированного учебного заведения в пределах города. Особую активность в продвижении данной инициативы проявили донские парламентарии – депутаты Государственной думы от региона, поддержанные представителями местного самоуправления.

25 июля 1915 г. на частном собрании гласных Ростовской городской думы было решено предоставить Варшавскому университету пристанище в Ростове-на-Дону. В связи с этим главный врач Николаевской городской больницы Н.В. Парийский по поручению городских властей отправился в Москву для переговоров с ректором университета С.И. Веховым. Ростовская делегация предложила перевести в город весь университетский комплекс, включая все факультеты и преподавателей. О предложении было уведомлено Министерство народного просвещения.

10 августа 1915 г. состоялось совместное заседание Ростовской городской думы с представителями Варшавского университета. Ректор университета С.И. Вехов, поблагодарив за тёплый приём и серьёзное отношение к вопросу перевода вуза, заявил: «Мы пока приедем в Ростов в качестве гостей, но я уверен, мы станем здесь постоянными жителями... Если нам придётся работать в Ростове, мы приложим все силы и знания на благо города и края» [4, с. 3].

Городская дума приняла решение обратиться к министру народного просвещения с ходатайством о переводе университета. В рамках этого решения предусматривалось выделение оборудованных помещений с коммунальными удобствами, 300 тыс. р. на закупку мебели, лабораторного оборудования и книг для библиотеки, а также резервирование 2 млн р. для дальнейшего развития учебного заведения. Для провинциального города начала XX в. такие обязательства были исключительными и демонстрировали решимость создать в Ростове-на-Дону полноценный университетский центр.

Делегация, возвратившись в Москву, представила совету университета доклад. При описании радушного приема ростовчанами университетской делегации приводится, в частности, и такой эпизод: «Местное население при появлении профессоров Варшавского университета в Ростовском городском саду оказало им редкое академическое приветствие: симфонический оркестр исполнил университетский гимн и при этом вся многочисленная присутствовавшая публика встала со своих мест и обнажила головы» [2, с. 49].

12 августа 1915 г. состоялись два заседания совета университета, посвящённых обсуждению доклада делегации и решению вопроса о переезде учебного заведения. На утреннем заседании, где присутствовали исключительно члены совета, было принято практически единогласное решение (при одном воздержавшемся) о целесообразности перевода университета в Ростов-на-Дону. Окончательный выбор пал на Ростов-на-Дону – город, который в то время не располагал ни одним высшим учебным заведением, а среди его жителей не было ни одного обладателя учёной степени или звания. Согласно архивным данным и справочникам рубежа XIX–XX вв., единственным учреждением, связанным с наукой и культурой, оставался музей церковных древностей.

17 сентября 1915 г. Варшавский университет начал масштабный переезд в Ростов-на-Дону, включавший весь преподавательский состав, четыре факультета, клинические отделения и научные лаборатории. Вместе с основной частью преподавателей в Ростов прибыли 724 студента, остальные получили возможность перевестись в другие вузы. Для размещения университета в городе создали все необходимые условия. Помимо зданий Николаевской больницы, ему выделили ряд других помещений, в том числе здание Ростовского реального училища, новое здание, возведённое городской думой под доходный дом (ныне – корпус на ул. Большой Садовой, 33) и др.

Проявленную городом заботу об университете отметил вице-директор Департамента народного просвещения Н.О. Палечек, в феврале 1916 г. проводивший инспекцию условий размещения Варшавского университета в Ростове-на-Дону. В своём докладе министру П.Н. Игнатьеву он дал высокую оценку созданным условиям: «Зная обстановку в российских университетах, утверждаю, что многие позавидовали бы предоставленным здесь помещениям». Н.О. Палечек также отметил, что на вывеске в главном здании вуз именовался просто Императорский университет, без указания варшавского происхождения [5, с. 13].

В конце сентября 1915 г. университет начал активную подготовку к учебному году. Под руководством выдающегося физика профессора А.Р. Колли в здании физико-математического факультета оперативно оборудовали лаборатории, что позволило проводить практические занятия уже в октябре. Одновременно профессор В.В. Курилов организовал химические лаборатории в Ростовском реальном училище. Вскоре и другие здания, которые предоставила университету городская администрация, приспособили для учебных занятий.

Перед университетом остро встала задача создания библиотеки, поскольку из Варшавы в Ростов была вывезена лишь малая часть фондов Варшавского университета. Ректорат обратился за помощью в ведущие научные центры страны: Императорскую академию наук, Московский университет, Киевское научное общество, а также в провинциальные библиотеки – всюду, где могли находиться дубликаты необходимых изданий. Профессора лично просили коллег о содействии. Значительную поддержку оказали местные предприниматели. Среди них – Николай Парамонов, владелец одной из крупнейших и наиболее технически оснащённых типографий Юга России – «Донская речь». Он организовал сбор книг для пополнения университетской библиотеки. Благодаря этим мерам к 1917 г. она насчитывала 44 тыс. томов, частично восполнив утраченные при эвакуации из Варшавы издания.

Одним из важных источников для изучения повседневной жизни университета в начальный период эвакуации является газета «Приазовский край». Она систематически освещала процесс адаптации преподавателей и студентов, а её материалы содержат ценные сведения, зачастую отсутствующие в официальных документах.

Ещё до прибытия университета городские власти начали подготовку: составляли списки свободных помещений, решали вопросы финансирования и организовывали помощь в обустройстве студентов и преподавателей. Особую роль в этом процессе играла общественная инициатива, заслуживающая отдельного внимания.

14 сентября на совещании университетской комиссии с представителем Всероссийского земского союза, депутатом Государственной думы от ОВД, членом партии кадетов В.А. Харламовым обсуждались вопросы размещения университета, осматривались помещения, в частности зимнее помещение коммерческого клуба, выяснялись нужды факультетов.

Отсутствие в городе университетских общежитий вынудило студентов искать жилье у частных лиц, что привело к резкому росту цен на аренду, порой даже вдвое. «Чтобы немного снизить финансовую нагрузку на студентов, на рассмотрение Нахичеванской городской думы был внесен вопрос о предоставлении студентам университета права проезда по линиям трамвая по удешевленному тарифу». А городская просветительская комиссия постановила предоставить студентам Варшавского университета и слушательницам Высших женских курсов право бесплатно посещать городскую публичную библиотеку [6, с. 4].

Ростовское общество вспомоществования нуждающимся учащимся высших учебных заведений назначило общее собрание членов на 27 сентября 1915 г. в зале Петровского реального училища. В повестку дня вошли вопросы оказания материальной помощи студентам, организации университетской инфраструктуры (библиотек, общежитий и столовых), создания студенческого бюро труда.

Газета «Приазовский край» информировала, что уже функционируют временные общежития для студентов в доме Иванова напротив городских боен (предположительно, в районе северной части пер. Крепостного), в доме Грекова в пер. Никольском (пер. Халтуринский) и для курсисток на углу Дмитриевской ул. и Казанского пер., в доме Московского купеческого банка (угол ул. Шаумяна и пер. Газетного). Заведование общежитиями поручено члену правления общества помощи студентам С.О. Шендерову [6, 7].

С целью поддержки студентов в трудоустройстве и улучшения их материального положения совет профессоров университета решил создать бюро труда и обратился к ректору С.И. Вехову с просьбой направить ходатайство министру народного просвещения об отмене циркуляра, разрешавшего создание при Варшавском университете только студенческих обществ академического характера [8].

В условиях военного времени и вынужденного перемещения университет остро нуждался в поддержке региональных властей для обеспечения нормального функционирования учебного процесса и создания приемлемых условий для преподавателей и студентов, что и отразилось в прессе: «Ректор Варшавского университета С.И. Вехов третьего дня (8 октября) представлялся войсковому наказному атаману Войска Донского, генералу от кавалерии В.И. Покотило и его старшему помощнику по гражданской части генералу М.А. Туроверову» [9, с. 3].

1 декабря 1915 г. университет начал свою деятельность в Ростове-на-Дону. Как отмечала газета «Приазовский край», в этот день открылись все четыре факультета высшего учебного заведения. В публикации особо подчеркивалось: «Сегодня Императорский Варшавский университет начинает занятия в Ростове, сохранив полный состав факультетов. Лишь историко-филологический факультет приступил к работе с небольшой задержкой по сравнению с остальными» [10, с. 4].

В Ростове-на-Дону учебная деятельность велась по тем же программам и в том же объёме, что и в Варшавском университете в 1914/1915 учебном году. Специальные квоты при зачислении, закрепленные решением университетского правления, отдавали приоритет абитуриентам из Ростова и Нахичевани-на-Дону. Особые условия поступления, введенные на основании постановления Совета министров от 10 августа 1915 г., распространялись на две категории лиц: детей военнослужащих, находившихся на фронте, и бывших солдат и офицеров, комиссованных по состоянию здоровья после ранений или заболеваний [11, с. 38].

Статистические данные свидетельствуют о небольшом росте контингента учащихся: если на момент начала эвакуации в 1915 г. в стенах вуза в Варшаве числилось 2062 студента, то после переезда в Ростов-на-Дону к началу 1916 г. их количество увеличилось до 2103. Распределение студентов по факультетам на 1916 г. выглядело следующим образом: юридический факультет – 771 чел. (36,6 % от общего числа), медицинский – 640 (30,4 %), историко-филологический – 431 (20,5 %), физико-математический – 261 (12,4 %), в том числе естественное отделение – 123, математическое – 138. Социальный состав учащихся: дети духовенства – 686 чел., мещане и цеховые – 840, потомственные и личные дворяне – 173, крестьяне – 170, почётные граждане и купцы – 126, иностранцы – 90, казаки – 14, прочие – 4 [1, с. 20].

По данным на 1 января 1917 г. общее количество учащихся в университете сократилось до 2007. На юридическом факультете обучалось 637 студентов, на медицинском – 733, историко-филологическом – 222, физико-математическом – 415 [12, л. 64, 66]. Сословный состав: детей потомственных дворян – 89, личных дворян – 158, духовного звания – 407, почетных граждан и купцов – 135, мещан и цеховых – 848, казаков – 24, крестьян – 204, иностранцев – 100, прочих – 42 [13, л. 24–25]. Как видно, к 1917 г. наблюдается незначительный спад численности контингента студентов, вероятно, из-за войны, мобилизации и трудностей с обучением, а также резкий сдвиг в сторону практических специальностей – медицины, точных наук.

Новое учебное заведение сохранило преемственность по отношению к Варшавскому университету, обеспечив непрерывность научно-исследовательской и учебной работы. Основу профессорско-преподавательского состава составили сотрудники, переведённые из Варшавы. Ректором университета оставался профессор С.И. Вехов (назначен ректором Варшавского университета в 1913 г.). В сентябре 1916 г. совет университета переизбрал его на пост ректора на новый трёхлетний срок (39 голосов «за», 11 – «против»). Деканами факультетов были назначены профессора, ранее работавшие в Варшавском университете.

Университет не только занимался подготовкой специалистов, но и активно способствовал распространению знаний среди различных слоев населения. В 1916 г. при университете были открыты Высшие женские курсы с тремя факультетами, на которых обучались 722 слушательницы. Занятия проводились как в университетских зданиях силами его преподавателей, так и в арендованном доме Мордовцева (сегодня это известный городской ориентир – Дом книги на

Большой Садовой, 45). Аренду помещения организовало Ростово-Нахичеванское общество содействия высшему женскому образованию, что подчеркивает активное участие местной интеллигенции в развитии просвещения.

В ноябре 1916 г. в Ростове-на-Дону начал работу Женский медицинский институт, созданный по решению городской думы при участии профессуры Варшавского университета. Возглавил институт профессор А.А. Колосов. Занятия проводились в помещениях университета во внеурочное время силами его преподавателей, а обучение стоило 200 р. в год.

В 1916 г. университет запустил дополнительную образовательную программу – одногодичные педагогические курсы, целью которых стала подготовка квалифицированных преподавателей для средних школ. Этот проект представлял собой важный шаг в развитии системы педагогического образования в регионе. Структура курсов включала пять отделений: словесное, историческое, классическое, физико-математическое, естественно-химическое. На первом этапе обучение проводилось на безвозмездной основе, что делало его доступным для широких слоев населения [1, с. 27].

Уже в 1918 г. был открыт Археологический институт с отделениями истории искусств и археологии, а также Коммерческий институт, преобразованный позднее в Институт народного хозяйства. Эти структурные подразделения университета способствовали расширению образовательных возможностей в регионе и отвечали потребностям в подготовке квалифицированных специалистов различных профилей.

Профессорско-преподавательский состав университета активно участвовал в работе научных сообществ. Часть этих объединений сохранилась ещё со времён пребывания в Варшаве, другие возникли уже в Ростове-на-Дону. Среди них – Общество истории, филологии и права, продолжавшее традиции варшавского периода, Ростовское общество истории, древностей и природы – новое объединение, созданное на Дону.

В 1916 г. в Обществе истории, филологии и права провели девять учебных собраний, а к 1 января 1917 г. в нём состояло 107 членов. Руководство обществом распределилось следующим образом: его председатель – профессор Н.Н. Любович, историко-филологическое отделение возглавил профессор С.И. Вехов, юридическое отделение – профессор П.В. Верховский. За год было издано 6 номеров «Варшавских университетских известий», начали выпускаться научные труды профессуры.

Преподаватели университета активно публиковались в местной прессе. Профессор-юрист И.А. Малиновский печатался в «Ростовской речи», «Приазовском крае» и «Донской жизни», участвуя также в их редакционной работе. Член партии кадетов с 1905 г., после Февральской революции он использовал «Приазовский край» для пропаганды либеральных идей. В статьях «Муниципальная политика и партия народной свободы» и «Вопросы городского самоуправления» Малиновский изложил программу кадетов в отношении реформирования местного управления, подчеркивая необходимость децентрализации и расширения полномочий органов самоуправления [14, 15].

В Ростове университет организовал масштабную просветительскую программу для жителей города. Профессора читали публичные лекции по различным научным направлениям, вызывая живой интерес у аудитории. Часть мероприятий проводилась на благотворительной основе – собранные средства направлялись на поддержку тех, кто в ней особенно нуждался: беженцев, оказавшихся в трудной ситуации, малообеспеченных школьников и студентов, а также раненых воинов [16, 17]. Студенты также активно участвовали в благотворительности: при университете действовал студенческий кружок помощи воинам. В условиях военного времени они приходили на помощь везде, где не хватало квалифицированных рабочих рук [18].

В 1916–1917 гг. вопрос о постоянном размещении Варшавского университета в Ростове оставался открытым: рассматривались варианты перевода в другие города. Лишь в феврале 1917 г. Министерство народного просвещения завершило работу над проектом представления «Об учреждении университета в Ростове-на-Дону», в котором подчёркивалась государственная важность этого решения. Законопроект прошёл все согласования и был готов к внесению в Государственную думу, но его принятию помешала революция.

Февральская революция 1917 г. была встречена в Варшавском университете с надеждой. Академическое сообщество видело в революции возможность достижения подлинной свободы преподавания и науки, а также залог развития правового государства. 4 марта 1917 г. в телеграмме председателю Государственной думы М.В. Родзянко, председателю правительства Г.Е. Львову от имени преподавателей трех учебных заведений Ростова говорилось: «Преподавательский состав Университета, Высших женских курсов и Женского медицинского института горячо приветствует верных сынов Родины, в годину тяжких испытаний возложивших на себя великое бремя государственного строительства» [1, с. 32].

5 мая 1917 г. в «Вестнике Временного правительства» было опубликовано постановление об учреждении Донского университета с 1917/1918 учебного года. В документе указывалось: «Варшавский университет в Ростове-на-Дону упраздняется. Студенты, преподаватели и административный состав переводятся в новый вуз. Профессора сохраняют свои должности, но в статусе экстраординарных. При зачислении в Донской университет преимущество отдаётся детям коренных жителей Ростова-на-Дону и Нахичевани, а также выпускникам местных средних учебных заведений» [19, с. 4].

Решение Временного правительства от 5 мая 1917 г. о создании Донского университета на базе эвакуированного Варшавского университета имело стратегическое значение. Оно сохранило академическую среду в условиях войны и революции, став примером эффективной образовательной миграции. Преимущества для местных абитуриентов заложили основу устойчивого образовательного кластера на Юге России, предвосхитив современную модель опорных университетов.

Становление университета в Ростове-на-Дону стало катализатором развития науки и образования на Юге России, способствовало формированию интеллектуальной среды и подготовке кадров для региона. Опыт адаптации эвакуированного вуза, его интеграции в местную культурно-образовательную среду и последующей трансформации в самостоятельный университетский центр сохраняет актуальность и сегодня, демонстрируя важность гибкости образовательной политики и роли региональных инициатив в развитии высшей школы.

Таким образом, история создания университета в Ростове-на-Дону – это не только часть академического наследия Юга России, но и пример эффективного решения сложных задач в условиях социально-политических трансформаций. Преемственность традиций, заложенных в начале XX в., прослеживается в современном статусе Южного федерального университета как одного из ведущих научно-образовательных центров страны.

Список источников

1. Летопись университетской жизни : в 3 ч. / науч. ред. А.В. Белоконь. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 2003. Ч. 1. 80 с.
2. *Белозеров С.Е.* Очерки истории Ростовского университета. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1959. 362 с.
3. *Есипов В.В.* Материалы к истории Варшавского университета // Варшавские университетские известия. 1914. № 9. С. 10–15.
4. Приазовский край. 1915. 12 авг.
5. Ростовский государственный университет (1915–1985) / под ред. Ю.А. Жданова. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1985. 221 с.
6. Приазовский край. 1915. 16 сент.
7. Приазовский край. 1915. 24 сент.
8. Приазовский край. 1915. 16 нояб.
9. Приазовский край. 1915. 10 окт.
10. Приазовский край. 1915. 1 дек.
11. XX лет Ростовского-на-Дону государственного университета : учен. зап. Ростов н/Д.: Бюро хозбюллетеней, 1935. 151 с.
12. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 527. Оп. 1. Д. 79.
13. ГАРО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 124.
14. Приазовский край. 1917. 8 июня.
15. Приазовский край. 1917. 2 июля.
16. Приазовский край. 1915. 8 окт.

17. Приазовский край. 1915. 15 окт.
18. Приазовский край. 1915. 25 окт.
19. Вестн. Временного правительства. 1917. № 49. 5 мая.

References

1. Belokon A.V., ed. *Chronicle of University life*: in 3 parts. Rostov-on-Don: Rostov State University Publishing House; 2003, part 1. 80 p. (In Russ.).
2. Belozerov S.E. *Essays on the history of Rostov University*. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House; 1959. 362 p. (In Russ.).
3. Esipov V.V. Materials for the history of Warsaw University. *Warsaw University News*. 1914;(9):10-15. (In Russ.).
4. *Priazovye Region*. 1915. 12th August. (In Russ.).
5. Zhdanov Yu.A., ed. *Rostov State University (1915-1985).* Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House; 1985. 221 p. (In Russ.).
6. *Priazovye Region*. 1915. 16th September. (In Russ.).
7. *Priazovye Region*. 1915. 24th September. (In Russ.).
8. *Priazovye Region*. 1915. 16th November. (In Russ.).
9. *Priazovye Region*. 1915. 10th October. (In Russ.).
10. *Priazovye Region*. 1915. 1st December. (In Russ.).
11. *20th Anniversary of Rostov-on-Don State University*: Academic Records. Rostov-on-Don: Bureau of Economic Bulletins; 1935. 151 p. (In Russ.).
12. *State Archive of the Rostov Region* (hereinafter - SARR). Fund 527. In. 1. File 79. (In Russ.).
13. *SARR*. Fund 527. In. 1. File 124. (In Russ.).
14. *Priazovye Region*. 1917. 8th June. (In Russ.).
15. *Priazovye Region.* 1917. 2nd July. (In Russ.).
16. *Priazovye Region*. 1915. 8th October. (In Russ.).
17. *Priazovye Region*. 1915. 15th October. (In Russ.).
18. *Priazovye Region*. 1915. 25th October. (In Russ.).
19. *Bulletin of the Provisional Government*. 1917;(49). 5th May. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Н. Деордиева – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений ЮФУ.

Information about the author

A.N. Deordieva – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Institute of History and International Relations, SFedU.

Статья поступила в редакцию 09.08.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 12.09.2025.
The article was submitted 09.08.2025; approved after reviewing 29.08.2025; accepted for publication 12.09.2025.

Научная статья
УДК 94(470.6)+930.2
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-44-50

СТРАСТИ ВОКРУГ АЛАНИИ-ОСЕТИИ КАК АЛЬТЕРНАТИВА НАУЧНОМУ ПОДХОДУ К ИЗУЧЕНИЮ АКТУАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Валерий Дударович Дзидзоев
Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, Цхинвал, Республика Южная Осетия
dzidzoevv@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются малоисследованные проблемы истории Алании-Осетии позднего Средневековья. Особое внимание уделяется дискуссии автора с доктором исторических наук, проф. СОГУ Р.С. Бзаровым, который отстаивает концепцию существования государства-конфедерации в Горной Алании в позднем Средневековье. По его мнению, Горная Алания по существу была так называемой свободной конфедерацией 11 областей осетинского народа, обладавших собственным гражданством, представительной демократией и парламентским самоуправлением. Автор статьи признает эти дефиниции спорными для осетинского народа позднего Средневековья и приводит конкретные факты в подтверждение своей версии.

***Ключевые слова*:** Осетия, Северный Кавказ, научное исследование, конфедерация, Российская империя, Аланское царство, Горная Алания, Главный Кавказский хребет, самоуправление, гражданин, феодалы, помещики, баделята, алдары, Вачилло, Тума, Дигория, Коста Хетагуров, вассалитет, Кокиев, Блиев, Бзаров

Для цитирования: Дзидзоев В.Д. Страсти вокруг Алании-Осетии как альтернатива научному подходу к изучению актуальной проблемы // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 3. С. 44–50. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-44-50

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

PASSIONS AROUND ALANIA-OSSETIA AS AN ALTERNATIVE TO A SCIENTIFIC APPROACH TO THE STUDY OF AN URGENT PROBLEM

Valery D. Dzidzoev
Tibilov South Ossetian State University, Tskhinval, Republic of South Ossetia
dzidzoevv@mail.ru

Abstract. The article examines the poorly studied problems of the history of Alania-Ossetia in the late Middle Ages. Particular attention is paid to the author's discussion with doctor of historical sciences, professor of the North Ossetian State University R.S. Bzarov, who defends the concept of a confederal state in Mountain Alania in the late Middle Ages. In his opinion, Mountain Alania was essentially a so-called free confederation of 11 regions of the Ossetian people, which had their own citizenship, representative democracy and parliamentary self-government. The author of the article recognizes these definitions as controversial for the Ossetian people of the late Middle Ages and cites specific facts to support his version.

***Keywords*:** Ossetia, North Caucasus, scientific research, confederation, Russian Empire, Alanian Kingdom, Mountain Alania, Main Caucasian Ridge, self-government, citizen, feudal lords, landowners, badelats, aldars, Vachillo, Tuma, Digoria, Kosta Khetagurov, vassalage, Kokiev, Bliev, Bzarov

For citation: Dzidzoev V.D. Passions around Alania-Ossetia as an Alternative to a Scientific Approach to the Study of an Urgent Problem. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(3):44-50. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-44-50

© Дзидзоев В.Д., 2025

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В последние несколько десятков лет проблематика научно-исследовательской работы в Осетии переживает достаточно сложный период по объективным и субъективным причинам. Многие актуальные научные темы еще остаются вне исследований в сфере отечественной науки, например участие представителей Осетии, в целом Северного Кавказа в советско-финской войне 1939–1940 гг., отходническое движение в Осетии, в целом на Северном Кавказе, участие представителей Осетии в различных локальных войнах (например, на Халхин-голе, в Египте, Сирии и т.д.). Есть немало и других, в высшей степени интересных и актуальных проблем, которые ждут своего кропотливого и вдумчивого исследователя. Разумеется, на подготовку серьезной научной работы по отечественной истории требуется достаточно много кропотливого труда, на что не каждый ученый соглашается.

Сегодня можно смело говорить о том, что по русско-кавказским отношениям в Осетии и в некоторых других республиках Северного Кавказа настоящих специалистов остается так мало, что мы уже опаздываем с подготовкой в этой сфере. Некоторые специалисты, кто себя переоценивает, называя себя знатоками по русско-кавказским отношениям, а в более узком смысле – по русско-осетинским отношениям, совершают иногда непростительные ошибки, имеющие далекоидущие неблаговидные последствия.

В Осетии достаточно популярным и авторитетным историком считается доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и археологии при СОГУ Р.С. Бзаров. Известно, что некоторые версии этого историка подвергаются критике со стороны коллег не только в Осетии, но и в других республиках Северного Кавказа. Сосредоточим свое внимание на одной его так называемой концепции, согласно которой в период позднего Средневековья у предков современных осетин-алан функционировало конфедеративное государственное образование. Р.С. Бзаров утверждает: «Горная Алания позднего Средневековья, пришедшая на смену разрушенному Аланскому царству, включала территории в самом центре Кавказа по обеим сторонам Главного хребта. Сюда, на юго-восточную горную окраину своей разоренной страны, отступили в конце XIV в. выжившие аланские группы. Три долгих столетия – с XV по XVII в. – они боролись за выживание, обороняя от врагов свои тесные ущелья и альпийские долины. Горная Алания того времени – свободная конфедерация одиннадцати земель-областей (комбаста) с собственным гражданством, представительной демократией и парламентским самоуправлением» [1, с. 73].

Здесь, на наш взгляд, имеются отдельные позиции, которые нуждаются в уточнениях и дополнениях. Во-первых, не совсем понятно, о какой конфедерации он говорит. Уточним, что под «конфедерацией понимается форма государственного устройства, при которой государства, образующие конфедераты, полностью сохраняют свою независимость, имеют собственные органы государственной власти и управления; специально объединенные органы создаются только для координации действий в определенных целях (военные, внешнеполитические и т.д.)» [2, с. 567]. Вряд ли аланы-осетины, вынужденные поселиться в чрезвычайно трудных горных условиях, были конфедерацией, так как у них к этому времени уже не было даже элементарных признаков государственности. Они в тяжелейших и суровых условиях, как выражается сам Р.С. Бзаров, «боролись за собственное выживание».

Другим парадоксом, по нашему убеждению, следует признать «собственное гражданство» в мифической конфедерации. Достаточно заглянуть в любое энциклопедическое издание по отечественной истории, политологии или юриспруденции, чтобы понять суть и значение «гражданства» (англ. citizenship), под которым понимается «политическая и правовая принадлежность лица к конкретному государству» [2, с. 102]. Всего этого уже не было после катастрофических событий XIII–XIV вв. для алан-осетин, в целом Алании. Тем не менее Р.С. Бзаров вопреки очевидным историческим фактам искажает их, по сути фальсифицируя нашу общую историю. Ученый говорит и о «представительной демократии», суть и значение которой должен пояснить, но не пояснил. Поэтому непонятно, что имеет в виду профессор истории.

К более серьезным искажениям истории осетинского народа можно отнести утверждение Р.С. Бзарова относительно «парламентского самоуправления» у осетин в мифической конфеде-

рации. Вызывает удивление утверждение о парламенте, с которым осетины, по нашему убеждению, познакомились только в советский период. Необходимо подробнее остановиться на понятии и значении термина «самоуправление». Реальное, а не надуманное самоуправление любого народа необходимо рассматривать, на наш взгляд, как великое благо, колоссальное достижение по сложному и тернистому пути прогресса, демократии и цивилизации. В этой связи достаточно сомнительным представляется утверждение, что в «свободной конфедерации осетин в позднем Средневековье, т.е. в XV–XVII вв.. функционировало парламентское самоуправление». Подчеркнем, что самоуправление проявляется по-разному. Оно предполагает осознанный выбор целей и путей их достижения самоуправляющимися структурами. Самоуправление в государстве можно себе представить, если конституция, как главный политико-правовой документ, или иные государственные акты дают право местным органам власти (говоря современным и более понятным языком, администрации местного самоуправления, скажем, селения или района) решать на свое усмотрение конкретные вопросы, которые законодательно переходят временно или на постоянной основе к компетенции селения или района. Проще говоря, местные органы власти решают свои проблемы, которые спускаются сверху, так как это полномочие вышестоящих органов государственной власти. Самоуправление может проявляться и в решении «текущих административных, хозяйственных, кадровых и иных вопросов государственными и общественными организациями, опирающимися на демократические принципы выборности и сменяемости руководства на основе выборов, его подотчетности членам коллектива, обеспечения возможности ротации руководства в рамках коллектива и по его инициативе» [3, с. 346].

Хочется спросить коллегу, что из всего этого было в мифической конфедерации Горной Алании в позднем Средневековье? При большом желании и богатой фантазии, наверное, можно найти какие-то не очень убедительные факты, привести надуманные или полумифические примеры, неподтвержденные более или менее убедительными данными, которые, на наш взгляд, будут далеки от действительности. Миф о существовании Горной Алании в позднем Средневековье у алан-осетин звучит как минимум патриотично с точки зрения современного осетинского обывателя. Такое утверждение ласкает его слух, он далек от исторической науки, в любом случае любит Осетию и клянется по поводу и без повода ее именем.

Еще один парадокс в утверждениях коллеги состоит в том, что, по его словам, «полноправный гражданин [в Горной Алании] владел наследственной землей, вел независимое хозяйство и пользовался избирательным правом» [1, с. 73]. Вряд ли есть необходимость еще раз поправлять Р.С. Бзарова по вопросу гражданства. Сосредоточим внимание на следующем аспекте проблемы, связанной с наследственными землями в Горной Алании, которых, как известно, было крайне мало. Архивные документы, другие исторические источники, а самое главное путевые заметки известных путешественников и ученых XVIII–XIX вв. однозначно свидетельствуют о земельном голоде горцев-осетин. Из-за нехватки земельных участков очень часто происходили между ними даже стычки и серьезные недоразумения. Это общеизвестный исторический факт. Напомним, что во всех многочисленных просьбах осетин к властям Российской империи нехватка земли в горных условиях проходит красной нитью, что, кстати сказать, приводит и сам Руслан Сулейманович, когда говорит «об обращении аланских старшин в 1755 г. на имя императрицы Елизаветы Петровны» [1, с. 73–74].

В горных условиях земельными участками в очень небольшом объеме пользовались осетинские феодалы, которых по-разному называют в исторических документах – старшины, таубии, помещики, дворяне и т.д. В Северной Осетии их именовали (в Южной Осетии их не было) у осетин-иронцев – алдары, а у осетин-дигорцев – баделята. До баделят в Дигории были три влиятельные фамилии – Карабугаевы, Кантемировы и Таймазовы, имевшие небольшие земельные участки и считавшиеся феодалами. Отметим, что в условиях гор земли было крайне мало как у алдаров (11 осетинских фамилий), так и у баделят (7 баделятских фамилий). Что касается других осетин, то они составляли сплошную крестьянскую массу, которая тоже делилась на несколько категорий в зависимости от социального статуса. Были свободные крестьяне у осетин-иронцев, которые именовались фарсаклаги («рядом стоящий»). Тем не менее их свободу фактически ограничивали алдары (помещики). В Дигории как составной части Северной Осетии в

социальном плане фарсаклагам соответствовали адамихаты («порода людей»), свободу которых также ограничивали баделята (помещики), особенно самые сильные из них. После них по социальной лестнице осетинского общества идут уже кавдасарды («рожденные в хлеву»), у которых отец был феодалом, а мать – наложницей. У дигорцев такая категория крестьян называлась кумаяги. Кавдасардов и кумаягов было достаточно много.

Так, в первой половине XVIII в. русский топограф Степан Чичагов, приезжавший по заданию Петербурга в Северную Осетию, зафиксировал два больших селения недалеко от современного с. Хазнидона (бывшее Каражаево), где жили исключительно незаконнорожденные дети баделят [4, с. 93]. В основном это были потомки баделятской фамилии Каражаевы. Благодаря С. Чичагову мы знаем о существовании двух населенных пунктов – Вачилло (Василлово) и Тума. Что означает Вачилло (Василлово) – неизвестно, а Тума в переводе с кабардинского языка означает «незаконнорожденный».

Между кабардинскими и осетинскими феодалами на протяжении многих веков сложились в целом терпимые и взаимовыгодные условия. Мы не располагаем точными сведениями, в каких горных селениях проживали кавдасарды и кумаяги, но можно быть уверенным, что осетинское крестьянство ежегодно пополнялось за счет этой категории. После кавдасардов и кумаягов еще ниже по социальному статусу у осетин-иронцев были кусаги (работники), а у осетин-дигорцев – косаги (работники). А на низшей ступени социальной лестницы находились рабы.

Внимательный анализ проблем осетинского крестьянства не позволяет обойти и такие категории крестьян, как хехесы (в переводе с кабардинского «пришелец») в Дигории и гурдзиаги (грузины), К.Л. Хетагуров описывал их как бесправную категорию крестьян. Основоположник осетинской литературы и языка в работе «Особа» указывал и на некоторые другие категории крестьян: ælхад (купленный), цагъайраг (крепостной), уацайраг (пленник) и т.д. Он писал, что «ælхаæд, саулæг или цагъайраг был еще более обижен судьбой. Приобретенный где-нибудь на стороне, купленный или похищенный ребенком или даже взрослым, взятый в плен во время набега в какое-нибудь отдаленное ущелье, всегда иной национальности, этот несчастный ælхæд делался жертвой полнейшего произвола своих хозяев, это был безусловный раб, которого можно продать, купить, убить и помиловать … Есть, впрочем, в Осетии местности, где купленных называли „гурдзиаг“ – грузин. Впрочем, по всей Осетии таких бесправных рабов можно было насчитать не более двух-трех десятков» [5, с. 323].

В статье Р.С. Бзарова, на наш взгляд, встречаются и некоторые другие ошибочные суждения, неточности и т.д. Так, он утверждает: «Вступление в вассальную зависимость от кабардинских или грузинских князей открывало выход на равнину. Но такая „колонизация“ оборачивалась для осетинской знати потерей суверенитета, а для крестьян – удвоением повинностей» [1, с. 74]. Во-первых, в вассальную зависимость не вступают, как в какой-то престижный клуб, а туда, как правило, попадают более слабые, у которых имеются проблемы. Вассальная зависимость фактически является насильственной акцией, и очень часто ее реализация подразумевает и кровопролитие. Во-вторых, вассал (лат. vassus; англ., фр. vassal) означает подчиненное, зависимое положение. В Средние века – «феодал, подпадающий под подчинение более крупного феодала (сеньора) в связи с получением земельного владения (лена, феода и др.)» [6, с. 113]. Обращаем внимание, что вассалитет означает «систему отношений личной зависимости одних феодалов (вассалов) от других (сеньоров)» [6, с. 113] и определяет иерархический характер земельной собственности, как правило, оформлялся различными видами договоренностей. Он существовал не только в Западной Европе, но и на Кавказе. При этом «вассал обязывался нести у сеньора военную службу, участвовать в его суде, оказывать ему материальную и иную помощь. Сеньор покровительствовал вассалу» [6, с. 113]. Таким образом, в вассальную зависимость попадали более слабые (государства, народы), и это можно рассматривать как определенную долю унижения, оскорбления, зависимости и т.д. Однако указанный недостаток не самое главное в пространных рассуждениях коллеги, который пишет о возможной потере для осетинской знати «суверенитета». Так, суверенитет (от фран. souveraineté – «верховная власть»; англ. sovereignty; нем. Souveränität) «означает верховенство и независимость власти» [6, с. 431]. О каком же суверенитете идет речь, если сам Р.С. Бзаров говорит «о вассальной зависимости

алан-осетин от кабардинских или грузинских князей»? По нашему убеждению, это настоящая фальсификация истории осетинского народа, которая ведется по незнанию или сознательно.

Есть еще и другие ошибочные утверждения и заблуждения в вопросах истории. Не останавливаясь на всех, укажу лишь на самое главное из них, которое касается поэтапного сложного присоединения Осетии к Российской империи. Проблема в том, что в современной Осетии очень мало настоящих специалистов по русско-осетинским отношениям, в более широком плане – по русско-кавказским отношениям. Имеется в виду не только высокий профессиональный уровень исторического анализа, но и кропотливая работа в архивах страны, где еще имеются десятки, а то и сотни томов уникальных архивных документов, проливающих свет на русско-осетинские отношения. Первым обратил внимание на эту в высшей степени актуальную проблему талантливый историк, проф. Г.А. Кокиев, который по наветам своих земляков оказался в тюрьме, где и скончался от инфаркта в самом начале 50-х гг. XX в. После него основательно этой проблемой занимался доктор исторических наук, проф. М.М. Блиев, которому современные ученые обязаны многим, в том числе его идейный ученик Р.С. Бзаров. Марк Максимович много работал в архивах, ввел в научный оборот большое количество архивных документов – и в этом его неоспоримая заслуга. После него мало кто из современных осетинских ученых так трудился в архивах.

В Осетии в последние годы в силу нескольких субъективных причин наблюдается разночтение по вопросу и времени присоединения Осетии к России. Известно, что Северная Осетия становилась частью Российской империи поэтапно, а датой этого события считается 1774 г. [7, с. 127]. Что касается Южной Осетии, то она присоединилась вместе с Восточной Грузией, т.е. в 1801 г. [8, с. 3]. Эти истины, основанные на солидных архивных источниках, были опубликованы авторитетными учеными: Г.А. Кокиевым, З.Н. Ванеевым, Г.Д. Тогошвили, М.М. Блиевым, Л.А. Чибировым, В.И. Маргиевым и др.

Не вызывает сомнений, что северная часть единой Осетии и южная ее часть в силу различных объективных обстоятельств присоединялись к Российской империи в разные периоды. Но именно этот фактор в последние годы из конъюнктурных соображений стал фальсифицироваться, и показывают дело так, будто «единая Осетия добровольно объединилась и стала в 1774 г. составной частью Российской империи». Одним из знаменосцев этой идеи и, прямо скажем, фальсификационной версии является доктор исторических наук, профессор СОГУ Р.С. Бзаров. Эту идею он и его единомышленники на севере и юге Осетии на уровне газетно-журнальной публицистики настойчиво и методично пропагандируют. В результате этого во Владикавказе и Цхинвале в 2023–2024 гг. торжественно отмечали «250-летие вхождения Осетии в состав России». Самое удивительное во всех этих мероприятиях состоит не только в том, что они проводятся в столицах двух осетинских республик с большой помпой, но еще и без действительных специалистов по русско-осетинским отношениям (за очень редким исключением), русско-кавказским историческим связям. Таким образом, в сознание широкого круга недостаточно осведомленных в исторических реалиях любителей истории внедряется ложная версия «о едином вступлении всех осетин в состав Российской империи».

Чтобы не быть голословным, приведу конкретные факты. В 1988 г. по решению Академии наук СССР в издательстве «Наука» были изданы две объемные книги «История народов Северного Кавказа». Первая из них охватывает древнейший период до конца XVIII в., а вторая – с конца XVIII в. по 1917 г. Первоначально планировались 4 книги, но почему-то остановились на двух. Разумеется, история народов Северного Кавказа, в том числе и осетин, была доведена до 1917 г. Но здесь в первой книге сказано о «добровольном присоединении к России всей Осетии в 1774 г.» [9, с. 513]. А во второй книге утверждается «вхождение Северной Осетии в состав России в 1774 г.» [10, с. 570]. Как видим, разночтение бросается в глаза. Но это только «мелочь» по сравнению с действительностью. Разумеется, любое историческое явление, важный факт нашей общей истории следует описывать на основе документов.

Исходя из этого, обратим внимание на то, что сказано о присоединении Южной Осетии в состав Российской империи. Так, в «Истории Юго-Осетии в документах и материалах (1800–1864 гг.)», где составителем является к. и. н. И.Н. Цховребов, во втором томе, изданном в Сталинире (ныне – г. Цхинвал) в 1960 г., сказано: «Подписанный Александром I Манифест 1801 г. возвещал, что Грузия входит в состав Российской империи. По Манифесту и Южная Осетия,

как неотъемлемая часть Грузии, также вошла в состав Российской империи» [4, с. 17; 10, с. 3]. На основе объективного анализа документов к такому же заключению пришли профессора З.Н. Ванеев [11, с. 156], Л.А. Чибиров [12, с. 5–6] и В.И. Маргиев [13, с. 88]. Все они считают, и мы солидарны с ними, что Южная Осетия присоединилась к Российской империи в 1801 г. К этому следует добавить, что в учебнике для учащихся образовательных школ Республики Южная Осетия, чьим автором является известный и признанный ученый Осетии Л.А. Чибиров, прямо говорится, что «вхождение южных осетин в состав Российской империи произошло после присоединения Восточной Грузии, т.е. в 1801 г.» [12, с. 4–5, 159]. Подчеркнем и то, что по этому учебнику уже 11 лет занимаются десятки тысяч юношей и девочек в средних школах Южной Осетии. Таким образом, вольно или невольно отдельная часть научного сообщества Осетии занимается фальсификацией важнейших исторических данных, в том числе существенно искажается поэтапное и разрозненное присоединение отдельных частей Осетии в состав Российской империи.

Список источников

1. *Бзаров Р.С.* О том, как Алания присоединилась к России и стала называться Осетией // Вестн. Медиацентра «ИР». 2010. № 1. С. 72–80.
2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб.: Большая рос. энциклопедия, 1997. 1434 с.
3. Юридическая энциклопедия / под общ. ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2007. 488 с.
4. *Гутнов Ф.Х.* Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе: Ир, 1989. 175 с.
5. *Хетагуров К.* Полн. собр. соч. : в 5 т. Владикавказ: Менеджер, 2000. Т. 4. 506 с.
6. Юридическая энциклопедия / под общ. ред. М.Ю. Тихомирова. М.: Юринформцентр, 1998. 526 с.
7. *Блиев М.М.* Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе: Ир, 1959. 159 с.
8. История Юго-Осетии в документах и материалах (1800–1864 гг.) : в 3 т. / сост. И.Н. Цховребов. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1960. Т. 2. 738 с.
9. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. 543 с.
10. История народов Северного Кавказа с конца XVIII в. по 1917 г. / отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М.: Наука. 1988. 659 с.
11. *Ванеев З.Н.* Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Южной Осетии в XIX в. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1956. 465 с.
12. *Чибиров Л.А.* Южная Осетия в XIX – начале XX в.: учеб. пособие для учащихся общеобраз. школ РЮО. Цхинвал; Владикавказ, 2014. 163 с.
13. *Маргиев В.И.* История государства и права Осетии. Майкоп: Меоты, 1997. 208 с.

References

1. Bzarov R.S. About how Alania joined Russia and became known as Ossetia. *Bulletin of the Media Center "IR"*. 2010;(1):72-80. (In Russ.).
2. Prokhorov A.M., ed. *The Great encyclopedic dictionary*. 2nd ed., revis. and expan. Moscow, St. Petersburg: The Great Russian Encyclopedia; 1997. 1434 p. (In Russ.).
3. Tikhomirov M.Yu., ed. *Legal encyclopedia*. Moscow, 2007. 488 p. (In Russ.).
4. Gutnov F.Kh. *Genealogical traditions of the Ossetians as a historical source*. Ordzhonikidze: Ir; 1989. 175 p. (In Russ.).
5. Khetagurov K. *Complete work :* in 5 vol. Vladikavkaz: Menezhder; 2000, vol. 4. 506 p. (In Russ.).
6. Tikhomirov M.Yu., ed. *Legal encyclopedia*. Moscow: Legal Information Center; 1998. 526 p. (In Russ.).
7. Bliev M.M. *The annexation of North Ossetia to Russia*. Ordzhonikidze: IR; 1959. 159 p. (In Russ.).
8. Tskhovrebov I.N., comp. *History of South Ossetia in documents and materials (1800-1864)*: in 3 vols. Stalinir: South Ossetia State Publishing House; 1960, vol. 2. 738 p. (In Russ.).
9. Piotrovsky B.B., ed. *History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century*. Moscow: Science; 1988. 543 p. (In Russ.).
10. Piotrovsky B.B., ed. *History of the peoples of the North Caucasus from the end of the 18th century to 1917*. Moscow: Science; 1988. 659 p. (In Russ.).
11. Vaneev Z.N. *Peasant question and peasant movement in South Ossetia in the 19th century*. Stalinir: South Ossetia State Publishing House; 1956. 465 p. (In Russ.).

12. Chibirov L.A. *South Ossetia in the 19th - early 20th century*. Teaching aid for students of comprehensive schools of South Ossetia. Tskhinval, Vladikavkaz, 2014. 163 p. (In Russ.).
13. Margiev V.I. *History of the state and law of Ossetia*. Maikop: Meotes; 1997. 208 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В.Д. Дзидзоев – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Осетии и кавказоведения ЮОГУ.

Information about the author

V.D. Dzidzoev – Doctor of Science (History), Professor of the Department of History of Ossetia and Caucasian Studies, SOSU.

Статья поступила в редакцию 21.08.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 12.09.2025.
The article was submitted 21.08.2025; approved after reviewing 29.08.2025; accepted for publication 12.09.2025.

Научная статья
УДК 94 (470.620).84
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-51-59

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ГЕЛЕНДЖИКСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В 1920–1930-е ГОДЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВКП(б)

Лева Александрович Карапетян
Краснодарский государственный институт культуры, Краснодар, Россия
leva.karapetyan.53@mail.ru

Аннотация. На основе архивных материалов из фондов Центра документации новейшей истории Краснодарского края анализируются некоторые вопросы общественно-политической жизни Геленджикского района, в частности проблема партийного влияния в ходе утверждения однопартийной системы. Согласно первоисточникам, количественные показатели партстроительства (число партячеек и членов партии, социальный и гендерный состав, их процентное соотношение) в районе свидетельствуют в целом о динамике роста. Однако это непосредственно не сказывалось на политико-просветительной работе. Невысокая общая и политическая грамотность членов и кандидатов в партию, отсутствие серьезных теоретических работников мешали агитационно-пропагандистской работе, осознанному участию в дискуссиях. Хотя в районном комитете ВКП(б) предпринимали шаги к повышению политической грамотности членов партии через систему партийной учебы. Методы и формы работы были более демократичными в 1920-е гг. Переход к нэпу оживил деятельность эсеров и меньшевиков, но большинство населения поддержало социально-экономическую политику коммунистов. Поэтому борьба с инакомыслием была не единственным способом утверждения однопартийной системы ВКП(б). К числу слабых направлений политико-просветительной работы районного комитета относился охват ею национальных меньшинств, прежде всего греков, а также женского населения, это объясняет их незначительный процент в партии. Оставалось малоэффективным и партийное влияние на профсоюзы района, особенно в 1930-е гг.

***Ключевые слова*:** общественная организация, политическая партия, большевики, меньшевики, эсеры, идейное противостояние, профсоюзы

Для цитирования: Карапетян Л.А. К вопросу об общественно-политическом развитии Геленджикского района Краснодарского края в 1920–1930-е годы через призму деятельности ВКП(б) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 3. С. 51–59. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-51-59

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

TO THE QUESTION OF SOCIAL AND POLITICAL DEVELOPMENT OF THE GELENDZHIK DISTRICT OF KRASNODAR REGION IN THE 1920-1930s THROUGH THE PRISM OF THE ACTIVITIES OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY OF BOLSHEVIKS

Leva A. Karapetyan
Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russia
leva.karapetyan.53@mail.ru

Abstract. Based on archival materials from the funds of the Center of Documentation of Contemporary History of Krasnodar region, some issues of the socio-political life of the Gelendzhik district are analyzed, in particular the problem of party influence during the establishment of a one-party system. According to prima-

© Карапетян Л.А., 2025

ry sources, quantitative indicators of party building (the number of party cells and party members, social and gender composition, their percentage ratio) in the district generally indicate growth dynamics. However, this did not directly affect political and educational work. Low general and political literacy of party members and candidates, the absence of serious theoretical workers interfered with agitation and propaganda work, conscious participation in discussions. Although the district committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) took steps to improve the political literacy of party members through the system of party education. The methods and forms of work were more democratic in the 1920s. The transition to the NEP revived the activities of the Socialist Revolutionaries and Mensheviks, but the majority of the population supported the socio-economic policy of the communists. Therefore, the fight against dissent was not the only way to establish the one-party system of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Among the weak areas of the political and educational work of the district committee was its coverage of national minorities, primarily Greeks, as well as the female population, which explains their insignificant percentage in the party. The party's influence on the district trade unions also remained ineffective, especially in the 1930s.

***Keywords*:** public organization, political party, Bolsheviks, Mensheviks, Socialist Revolutionaries, ideological confrontation, trade unions

For citation: Karapetyan L.A. To the Question of Social and Political Development of the Gelendzhik District of Krasnodar Region in the 1920-1930s Through the Prism of the Activities of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(3):51-59. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-51-59

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В социальной реальности вопросы социально-экономического, политического и культурного развития представляют собой неразрывно связанные подсистемы общества. Рассмотрение проблем общественно-политической жизни Геленджикского района Краснодарского края предпринято по следующим причинам. Во-первых, в региональной историографии слабо изучена история малых городов и районов. Во-вторых, в советском типе общественного и государственного устройства формы и методы партийной работы были главными в управлении общественными, политическими, хозяйственными и культурными процессами.

В указанные годы утвердилась однопартийная система в лице РКП(б) (Российская коммунистическая партия (большевиков) (с 1918 до 1925 г.) – ВКП(б) (Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) (с 1925 г.). В Конституции СССР 1936 г. (ст. 126) и Конституции РСФСР 1937 г. (ст. 130) отмечалось, что «партия являлась руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так государственных» [1, с. 97, 119]. То есть она считалась «партией-государством», в котором нашли отражение и принципы партийного устава.

Цель статьи – на основе архивных материалов актуализировать проблему партийного управления некоторыми аспектами общественно-политической жизни района в ходе утверждения однопартийной системы. Для её реализации решены следующие задачи: 1) определена организация, численный, социальный, гендерный и национальный состав районного комитета (РК) партии большевиков; 2) выявлены формы, методы, степень политической грамотности членов партии, итоги деятельности РК, включая отношения с идейными противниками в контексте дискуссий 1920-х гг. и репрессий 1930-х гг.; 3) представлена динамика профсоюзного движения с учетом результатов партийного влияния.

В 1917–1920 гг. Геленджик входил в состав Черноморской губернии. В ходе Гражданской войны советская власть в Геленджике была восстановлена 15 марта 1920 г. Следует заметить, что в эти годы в губернии, прежде всего среди сельского населения, серьезным влиянием пользовались эсеры. К тому же в объединенных организациях социал-демократов процесс размежевания между меньшевиками и большевиками шел медленно. В Геленджике подпольная ячейка РКП(б) возникла осенью 1918 г., в ней видная роль принадлежала И. М. Федюкевичу, У. А. Бобруку и М. Г. Бобрук [2, с. 198].

Не углубляясь в причины частых административно-территориальных преобразований региона, отметим, что Геленджик получил статус районного центра 23 января 1923 г. [3, с. 73–74]. По данным Всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг., в Геленджикском районе проживало 17 526 [4, с. 76] и 22 800 чел. соответственно [5]. Его особенность заключалась в том, что

почти половина населения сосредоточена в городе. Причем по сведениям за 1926 г. в городе женское население (2442 чел.) незначительно преобладало над мужским (2079), хотя к 1940 г. в целом по району наблюдался гендерный паритет. Состав населения был многонациональным. Крупными этносами являлись русские (более 25 %), украинцы (≈35 %), греки (30 %).

Утверждение моноидеологии было невозможно без борьбы с идейными противниками большевиков. В условиях противостояния исход во многом зависел от организационно-идейного единства. Поэтому остановимся на организационной структуре, численном, социальном, гендерном и национальном составе районной партийной организации. Согласно уставу, Геленджикский районный комитет партии избирался высшим органом – районной партийной конференцией в составе 5–9 чел. Для координации текущей работы создавался президиум (3 чел.) (табл. 1).

Таблица 1

Количественные показатели Геленджикского районного комитета партии в 1923–1927 гг. [6, л. 8; 7, л. 37, 38; 8, л. 3, 4] / Quantitative indicators of the Gelendzhik District Party Committee in 1923-1927 [6, p. 8; 7, p. 37, 38; 8, p. 3, 4]

Год	Кол-во партячеек	Членов, чел. (%)	Кандидатов в члены партии, чел. (%)	Всего	Социальный состав (с учетом членов и кандидатов в члены партии), %, в том числе			Гендерный состав (с учетом членов и кандидатов в члены партии), чел. (%)	
					Рабочих	Крестьян	Служащих	М	Ж
1923	7	63 (76)	20 (24)	83	–	–	–	71 (85,2)	12 (14,8)
1924	11	94 (70)	42 (30)	136	–	–	–	120 (88,2)	16 (11,8)
1925	10 + 3 канд. гр.	128 (52)	118 (48)	246	30	44	23	209 (85)	37 (15)
1926	12	112 (46,4)	125 (53,6)	237	39,6	35	≈26	200 (85)	37 (15)
1927	–	132 (61,5)	81 (38,5)	213	42,2	21,5	36,2	–	–

Данные табл. 1 свидетельствуют о росте количества партячеек с 7 в 1923 г. (в г. Геленджике, управлении культуры, на цементном заводе и в селах: Марьиной Роще, Солнцедаре, Прасковеевке, Пшаде) до 11 в 1924 г. за счет сельских организаций (2 городские, цементный завод, Солнцедар, Марьина Роща, Кабардинка, Пшада, Адербиевка, артель «Труд» с. Архипо-Осиповка, Прасковеевка, Архипо-Осиповка). В 1925 г. функционировали 4 партячейки в городе, 5 – в деревне, в пограничном отряде и 3 сельские кандидатские группы. Усиление внимания к сельским организациям и крестьянству было связано с решением Пленума ЦК партии (10.2024) о задачах в деревне. В этом контексте укажем на примечательный факт. В 1925 г. кандидатами в партию были приняты 71 крестьянин и 18 рабочих. Хотя в целом по району попрежнему числилось больше партийцев в городских организациях (93 члена партии и 63 кандидата, всего 156), чем в сельских. Соотношение членов и кандидатов партии свидетельствует в целом о росте численности кандидатов. Относительно социального состава в 1925–1927 гг. отмечалось увеличение количества служащих. Соотношение мужчин и женщин оставалось в целом стабильным – в пределах 84–85 и 14–15 %.

Национальный состав партии в 1925 г. был следующим: русских – 216, греков – 11, евреев – 4, молдаван – 3, латышей – 3, грузин – 2, поляков – 2, сербов, татар, чехов, эстонцев – по 1 [8, л. 3]. Здесь не указаны отдельно украинцы, которые вошли в число русских (более 88 %), второй по численности этнос – греки (4,5 %). Это скажется в целом негативно на работе, прежде всего среди греков и других этнических групп.

На партсобраниях периода нэпа указывалось на большую текучесть состава организаций – до 60 %. Например, в 1925 г. в основном по причинам несогласия с политикой нэпа вышли из партии 29 чел. [8, л. 3]. В 1926 г. текучесть удалось сократить до 30 %. Принимали в партию достойных. Так, в 1925 г. из 37 подавших заявление членами партии стали 19 чел. [9, л. 33].

Сама партия освобождалась от классово-чуждых элементов. В указанном году исключено из партии 14 чел. (более 5 %) [9, л. 39], а годом раньше – 8, получили, соответственно, строгий выговор и выговор 8 и 13 чел. [8, л. 3, 4].

Однако еще более серьезной проблемой для РК партии был уровень общей и политической грамотности членов и кандидатов партии, который не коррелировался с указанными в таблице показателями численного роста. Например, за 1925 г. их подавляющее большинство (220 чел.) имели низшее образование, 24 – среднее и 2 были неграмотными. А обследование городских членов и кандидатов партии на предмет политической грамотности выявило, что 14 – неграмотны, 87 – слабограмотны, удовлетворяли требованиям – 34 члена партии (чуть более 20 %).

Системных количественных данных за 1928–1932 гг. у нас нет. Сведения по 1930-м гг. представлены в табл. 2.

Таблица 2

Численность и социальный состав членов ВКП(б) в Геленджикском районе в 1933–1940 гг. [10, л. 40; 11, л. 29; 12, л. 47; 13, л. 50] / The number and social composition of the members of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in the Gelendzhik region in 1933-1940 [10, p. 40; 11, p. 29; 12, p. 47; 13, p. 50]

Год	Кол-во партячеек	Членов партии	Кандидатов в члены партии	Всего	Рабочих		Крестьян		Служащих	
					чел.	%	чел.	%	чел.	%
1933	30	283	139	422	233	50	139	33	50	17
1934	–	288	132	420	235	50,5	135	32	50	17,5
1935	–	266	76	342	165	48,3	119	34,7	58	17
1936	–	340	71	411	198	48,2	152	37	61	14,8
1937	43	400	74	474	265	56	129	27,2	80	16,8
1938	49	320	96	416	–	–	–	–	–	–
1940	57	458	221	679	–	–	–	–	–	–

Из табл. 2 следует, что, за исключением 1935 и 1938 гг., численность по сравнению с предшествующим годом возрастала. Росло (с учетом 7 кандидатских групп и 2 комитетов в 1938 г.) и количество партячеек, в первую очередь за счет колхозов. Но оставалось еще 19 колхозов без парторганизаций [14, л. 97]. В социальном отношении преобладали рабочие. По данным на 1933 г. национальный состав по представительству крупных этносов выглядел следующим образом: русских – 186 членов и 117 кандидатов (70,4 %), украинцев – 47 и 14 (более 14 %), греков – 15 и 7 (более 5 %) [10, л. 40].

Однако в общем положительная динамика количественных показателей партстроительства автоматически не вела к качественным изменениям в политико-просветительной деятельности организации. Её содержание зависело от политического и общетеоретического уровня членов местных партийных ячеек, их способности распространять в различных формах свое влияние на другие общественные организации. В этом отношении самым сложным временем для правящей партии были первая половина и середина 1920-х гг., проходившие в условиях острых внутрипартийных дискуссий.

С сентября 1923 г. по январь 1924 г. было проведено 14 заседаний райкома, на которых рассмотрено 75 вопросов. Из них 10 относилось к общепартийным, общеполитическим и тактическим проблемам, 30 касалось работы среди молодежи, профсоюзов, безработных, женщин, национальных меньшинств, образовательных учреждений, кооперации, а остальные – других тем. Эти же проблемы были в центре внимания семи заседаний президиума, где было обсуждено 104 вопроса [7, л. 1, 8]. На заседаниях расширенного пленума райкома внимание акцентировалось на руководстве партийными ячейками и воспитательной работе. В ноябре 1925 г. на седьмой районной партийной конференции, судя по отчету секретаря т. Шилова, был рассмотрен 201 вопрос. Из них относились: 111 – к организационным и отчетам местных партийных организаций, включая вопросы подготовки кадров и политического просвещения, 19 – торговле и кооперации, 18 – советам, 13 – профсоюзам и др. [8, л. 4].

В партийных организациях района имели место дискуссии по вопросам внутрипартийной демократии, отношения к разным группировкам, нэпу. Так, 27 января 1923 г. на заседании го-

родской партийной организации И. Павлюков, выступивший с докладом «Нэп и положение рабочих», не считал его обязательной переходной ступенью к социализму и исходил из того, что при хороших экономических условиях в нем не было бы необходимости. Ему оппонировал Фалько, полагавший нэп неизбежным этапом на пути к коммунизму [15, л. 31, 35]. Дискуссия продолжалась на районной партконференции в январе 1924 г. Выявились две точки зрения. Одну отстаивал Ковалев, говоривший о негативном влиянии нэпа на рабоче-крестьянские массы. Основную причину неуспешной борьбы с ним он видел в нехватке политически грамотных секретарей партячеек и коммунистов и враждебном окружении. По его мнению, все это мешало развитию внутрипартийной демократии. Оппонировали ему Гонтарь, Яковлев, Калинкин, Болдырева и секретарь РК Воронков, считавшие виновниками слабости внутрипартийной демократии или ее отсутствия недостаточную политическую сознательность членов партии, усиление бюрократизма в партийных и советских аппаратах [7, л. 3 об.].

13 января 1924 г. принята резолюция, в которой указывалась необходимость выработки конкретных мер действия, коррелируемых с планом Черноморского окружного комитета (ЧОК) в контексте резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии». Прежде всего, речь шла о недопущении внутрипартийных группировок и фракционных течений. Для улучшения ситуации ставилась задача перевыборов в партийных организациях района. В качестве метода проведения внутрипартийной демократии признавалось широкое обсуждение организацией вопросов и мероприятий политического и экономического характера [16, л. 1].

Специально вопрос о внутрипартийной демократии обсуждался 16 января 1924 г. в Геленджике на общегородском партсобрании с повесткой «Новая задача партии». С докладами о проведении внутрипартийной демократии выступили секретарь райкома Воронков и член партии Павлюков, предложив свои резолюции. Собрание, приняв их за основу, поручило избранной комиссии выработать общее решение по вопросу. К этой проблеме общегородское партсобрание вернулось 5 февраля 1924 г. после XIII (16–18.01.1924) Всероссийской партконференции. С докладом выступил Кортуков [17, л. 3, 8, 9]. Принятая резолюция гласила, что для РК постановления конференции обязательны, с ними следует ознакомить все партячейки. Но особое внимание обращалось на решение о партстроительстве, где говорилось о развертывании внутрипартийной демократии без разрешения свободы фракций и группировок и итогах дискуссии с троцкистской оппозицией (ноябрь1923 г. – январь 1924 г.), которая признавалась мелкобуржуазным уклоном.

Упомянутая резолюция собрания от 16.01.1924 была принята на собрании 19 марта 1924 г. В ней констатировалось, что со стороны некоторых руководителей партии допущены серьезные ошибки, которые привели к отступлению от решений партийных съездов, прежде всего X съезда о единстве партии, и конференций, развитию бюрократизма, отрыву хозяйственников от партии. Предлагаемые меры для исправления создавшегося положения сводились к следующим: перевыборы руководителей партячеек; переход полностью к принципу выборности руководящих работников; систематическая отчетность партийных, советских, профсоюзных руководителей на общегородских собраниях и собраниях первичных парторганизаций; усиление работы по привлечению в партию батраков; отмена секретных характеристик и личных дел членов партии; запрет фракций [17, л. 18]. На собрании 24 марта 1924 г. утвержден план работы по борьбе против роскоши и излишества работников партийных и советских аппаратов. А в апреле организовали аналогичную комиссию по чистке советских и общественных учреждений [16, л. 4].

Но, судя по отчетам первичных организаций во время совещаний секретарей партячеек района в августе и сентябре 1924 г., дела обстояли не совсем благополучно. Совещания удовлетворительными признали работу следующих сельских партийных организаций: Марьиной Рощи (секретарь Колесниченко), Прасковеевки (секретарь Стефанов), Архипо-Осиповки (секретарь Скрипник), Пшады (секретарь Лащенко). Президиумом РК партии были заменены секретари партячеек Кабардинки (вместо Глущенко – Григорьев), Солнцедара (вместо Погивко – Пироженко) с целью улучшения их работы. В числе наиболее слабых сторон местных организаций – политико-просветительная работа среди населения и членов партии, руководство комсомолом. Исследование политической грамотности членов городской организации Геленджика летом 1924 г. показало: 73 % неграмотных, 24 % слабограмотных и лишь 3 % хорошо грамотных [7,

л. 8]. О нехватке в партийных организациях политически грамотных кадров говорилось и на партконференции в октябре 1927 г., что мешало пониманию дискуссий между ЦК ВКП(б) и «новой оппозицией» в лице троцкистско-зиновьевского блока [7, л. 13].

Одним из слабых мест оставалась политико-просветительная работа среди нерусских национальностей. Например, по данным на начало 1924 г. агитационно-пропагандистская работа не достигала своей цели среди греческого населения, не владевшего в большинстве русским языком [18]. В начале 1937 г. то же самое повторил секретарь райкома Земляченко: среди 30 % греческого населения не проводится политико-массовая работа [19, л. 15]. Поэтому, по мнению начальника райотделения НКВД Величко, грекоподданные настроены не по-советски [11, л. 10–11]. На такое положение дел влиял и незначительный процент греков в партии.

Таким образом, уровень общей и политической грамотности, отсутствие серьезных теоретических сил, работа по политпросвещению членов партии, незначительное число в партии представителей национальных меньшинств сказывались на результатах работы РК.

Из общественных организаций района самыми крупными считались профсоюзы. Они входили в приоритетное направление политико-просветительной деятельности райкома. Особое внимание к ним связано с тем, что, во-первых, они были самыми многочисленными и полинациональными организациями, наделенными и некоторыми управленческими правами. Во-вторых, наряду с защитой экономических и социальных прав трудящихся профсоюзы выполняли и воспитательную функцию. Согласно партийному уставу, основной формой работы во внепартийных учреждениях являлась организация своих фракций. Они создавались во всех структурах, где имелось не менее 3 членов партии. Их задачей было всестороннее усиление влияния партии, проведение ее политики во внепартийной среде. Отчеты данных фракций служили базой для принятия необходимых решений. В январе 1921 г. в отчете Геленджикского городского волостного исполкома отмечалось: «Все трудящиеся организованы в союзы, даже кустари, но профессионально-трудовая дисциплина в них очень слабая. Профсоюзы не деятельны и не имеют прочной товарищеской спайки. До сих пор они почти не принимали никаких мер к повышению производительности труда, борьбе с трудодезертирством, повышению культурного и политического уровня своих членов. Объясняется это отсутствием опытных и энергичных работников. Сами трудящиеся с большой охотой идут в профсоюзы, но участия в работе не принимают» [20, с. 62].

В это время продолжалась дискуссия о роли и задачах профсоюзов, происходившая в РКП(б) в условиях социально-политического кризиса конца 1920 – начала 1921 г. Выявились два принципиальных подхода:

1. ЦК РКП(б) считал необходимым отказаться от военных методов профсоюзной работы и перейти к последовательной рабочей демократии в профсоюзных организациях.

2. Член ЦК партии Л. Д. Троцкий на V Всероссийской конференции профсоюзов и в тезисах, представленных ЦК РКП(б) (ноябрь 1920 г.), требовал расширения и усиления административных методов работы, огосударствления профсоюзов.

Пленум ЦК РКП(б) (8–9 ноября 1920 г.) отверг тезисы Троцкого и его сторонников. X съезд РКП(б) (март 1921 г.) подвёл итоги дискуссии, принял ленинскую платформу и осудил взгляды оппозиционных групп. В специальной резолюции «О единстве партии», принятой по предложению Ленина, съезд предписал немедленно распустить все оппозиционные группы и не допускать впредь каких-либо фракционных выступлений в рядах партии.

К началу 1924 г. в профсоюзах района состояло не менее 600 чел. В первой половине 1920-х гг. на партийных конференциях систематически ставился вопрос о влиянии на профсоюзы и отмечалось слабое руководство ими. Наиболее значимые решения в этом направлении были приняты шестой районной партконференцией в ноябре 1924 г. В резолюции по докладу о работе в профсоюзах ставились следующие задачи: 1) в районе с преобладанием сельского населения активизировать работу среди батрачества; 2) усилить работу по увеличению производительности труда; 3) акцентировать внимание на повышении политических и профессиональных знаний; 4) с целью укрепления партийного влияния принять меры к укомплектованию коммунистами руководящих структур профсоюзов [7, л. 9, 33]. Планировалось окончательное закрепление партийного руководства профсоюзами.

Здесь определенные успехи была достигнуты к 1927 г. Росла численность профсоюзов и их членов. В 1925 г. в 7 союзах было 1279 членов, а в 1926 г. в 11 союзах (Медсантруд, Строительный, Нарпит, Горгослужащих, Рабпрос, Пищевкус, Нарсвязь, «Водник», Рабис, «Работники земли», Местран) – 1755 чел. Через 10 лет, к 1 января 1937 г., насчитывалось 3375 членов профсоюзов, включая 1816 рабочих и 1319 служащих [9, л. 43, 67; 10, л. 36]. К 1940 г. их численность удвоилась. По данным на 1940 г. функционировало 9 райкомов союзов (известны наименование четырех: Медсантруд, Политпросветучреждений, Строительный, Госторговли), 5 групкомов, 2 завкома, 2 рабочкома. Самым крупным был райком Медсантруд с численностью 2159 членов. Однако в плане партийного руководства ими ситуация ухудшилась. Райком партии признавал, что существенным недостатком работы профсоюзов оставалась слабая инициативность их руководителей, поскольку многие из них были беспартийными и находились вне влияния партии [11, л. 110, 111].

Для улучшения положения в сфере политико-просветительной работы в парторганизациях и среди населения планировалось организовать школы политграмоты двух типов: пониженного на 80 чел. и повышенного для сравнительно подготовленных лиц по изучению марксизма. В сельской местности для слабых партячеек основной формой деятельности признавались политбеседы и коллективное прочтение газет. Так, в районе в середине 1926 г. выписывалось 1560 экз. газет и журналов [9, л. 42]. В наиболее подготовленных организациях приоритет отдавался кружковой работе. Особое внимание уделялось объединению и координации работы среди пограничников, красноармейцев, милиции путем создания военной избы-читальни [21, л. 1, 2]. В данном контексте отметим, что интересный материал о значении красноармейской пропаганды в печати представлен в статье А.В. Сароглиди [22].

В 1925 г. в Геленджике организовали курсы для подготовки партийных активистов с целью усиления пропагандистской и агитационной работы. С 1928 г. их преобразовали в Ленинский партийный учебный городок (Ленпартучетгородок) Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). Его основной задачей являлась подготовка и переподготовка партийных кадров, пропагандистов, секретарей парткомов, инструкторов райкомов, работников печати. С 1931 по 1936 г. включительно учебу в ней прошли 14 500 чел. [10, л. 42]. Наряду с этим в мае 1938 г. в районе функционировала 31 партийная школа, своей работой они охватили 302 членов партии, 84 кандидатов и 104 сочувствующих [10, л. 106]. В целом внимание к кадровой работе дало позитивные результаты, что сказалось на организационном и пропагандистском процессе.

Ведущим направлением деятельности райкома партии было противостояние и подавление иной идеологии в лице других политических партий, в том числе социалистических, внутрипартийной и внепартийной оппозиции. Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б), выполняя решения XII Всероссийской партийной конференции, организовало в регионе осенью 1923 – первой половине 1924 г. ликвидационные конференции эсеров, социал-демократов, анархистов. К концу 1924 г. их деятельность в Геленджикском районе была практически прекращена. Некоторые члены этих партий вступили в ряды РКП(б). По данным на середину ноября 1924 г. членами РКП(б) стали 10 представителей других партий (3 эсера, 2 социал-демократа, 1 социал-демократ-интернационалист, 2 анархиста, 1 эсер-максималист и еще 1 эсер-максималист являлся кандидатом) [7, л. 37, 38]. Хотя секретари райкома в своих докладах на седьмой (в ноябре 1925 г.) и десятой (в октябре 1927 г.) районных партконференциях говорили о 12 членах иных партий, пытавшихся укрепиться в руководстве кооперации в Архипо-Осиповке и профсоюза строителей [8, л. 3], и некоторых колеблющихся и «эсерствующих» [23, л. 13, 15]. В целом для 1920-х гг. идейное противостояние в районе не выливалось в насильственное действие. Так, за распространение письма Л.Д. Троцкого Бахмутову и Кулику в феврале 1924 г. были вынесены замечание и выговор [24, л. 3]. Но позже, в 1926–1927 гг., Павлюкова, Кулика и Бахмутова как сторонников Троцкого исключили из партии [25, с. 219].

В 1930-е гг., особенно после убийства 1 декабря 1934 г. С. М. Кирова, ширится репрессивная политика. Её теоретическим обоснованием становится концепция усиления классовой борьбы по мере строительства социализма. В 1936–1938 гг. работа райкома партии прошла под знаком борьбы с врагами партии и народа: троцкистами, зиновьевцами, правыми, левыми, примиренцами с опорой на революционную бдительность. Но при этом говорилось о сохранении внут-

рипартийной демократии, критики и самокритики. Членов указанных групп именовали «наймитами передового отряда международного кровавого фашизма, шпионами и террористами». Согласно протоколам девятнадцатой районной партийной конференции от 4 мая 1938 г., усилиями парторганизации, народных масс и органов НКВД выявлено около 500 контрреволюционеров и 100 шпионов иностранных разведок, из которых 20 человек с партбилетами. Они были обнаружены практически повсюду, включая и райком партии. Но наиболее крупная шпионская организация (11 чел.) зафиксирована в райисполкоме. Из партии за указанное время было исключено 45 чел.: шпионов и диверсантов – 20; за связь со шпионами – 5; притупление политической бдительности – 8; кулаков, скрывающих от партии свое социальное происхождение, – 2; морально разложившихся – 8; за нарушение правил учета коммунистов – 2. Из них 22 были арестованы органами НКВД и переданы суду [10, л. 36, 39]. Начальник районного отделения НКВД Величко в 1937 г. критиковал секретаря райкома Земляченко за то, что он не мобилизовал партийную организацию на борьбу с врагами народа [10, л. 13, 14].

Выводы

1. Статистические показатели партстроительства в Геленджикском районе Краснодарского края свидетельствуют в целом о динамике роста. Архивные источники позволяют получить в общем объективное представление о внутриорганизационной и идейной деятельности как райкома партии, так и некоторых внепартийных учреждений.

2. Однако рост количественных показателей автоматически не означал успеха в политико-просветительной работе. Невысокая общая и политическая грамотность членов и кандидатов в партию, их теоретический уровень мешали агитационно-пропагандистской работе, осознанному участию в дискуссиях. РК предпринимал меры для повышения политической грамотности через систему партийной учебы. Методы и формы работы были более демократичными в 1920-е гг.

3. Переход к нэпу оживил деятельность эсеров и меньшевиков, но большинство населения поддержало социально-экономическую политику коммунистов. Поэтому партийные чистки и контроль были не единственными и преобладающими способами утверждения однопартийной системы.

4. В числе наиболее слабых направлений политико-просветительной работы – охват ею национальных меньшинств, в частности греческого населения, а также женщин. Это следует объяснить их незначительным процентом в партии.

5. В общем оставалось малоэффективным и партийное влияние на профсоюзы, особенно в 1930-е гг.

Список источников

1. Конституции и конституционные проекты в истории России : сб. док. / сост. И. В. Упоров, О. В. Старков. М.: Юрлитинформ, 2013. 592 с.
2. Очерки истории Краснодарской организации КПСС. 2-е изд., доп. Краснодар: Кн. изд-во, 1976. 656 с.
3. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.) / сост.: А.С. Азаренкова, И.Ю. Бондарь, Н.С. Вертышева. Краснодар: Кн. изд-во, 1986. 394 с.
4. *Ракачев В.Н.* Население Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. 350 с.
5. URL: https://gelmusey.ru/%D0%B3%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D0%BA-%D0%B2 (дата обращения: 03.05.2025).
6. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 412. Оп. 1. Д. 1.
7. ЦДНИКК. Ф. 412. Оп. 1. Д. 2.
8. ЦДНИКК. Ф. 412. Оп. 1. Д. 11.
9. ЦДНИКК. Ф. 412. Оп. 1. Д. 17.
10. ЦДНИКК. Ф. 412. Оп. 1. Д. 52.
11. ЦДНИКК. Ф. 412. Оп. 1. Д. 93.
12. ЦДНИКК. Ф. 412. Оп. 1. Д. 106.
13. ЦДНИКК. Ф. 412. Оп.1. Д. 124.
14. ЦДНИКК. Ф. 412. Оп. 1. Д. 125.
15. ЦДНИКК. Ф. 412. Оп.1. Д. 2а.
16. ЦДНИКК. Ф. 412. Оп. 1. Д. 3.
17. ЦДНИКК. Ф. 412. Оп. 1. Д. 7.

18. Красное знамя. 1924. № 19. 25 янв.
19. ЦДНИКК. Ф. 412. Оп. 1. Д. 97.
20. *Чупрынников С.А.* Профессиональные союзы Кубани (1905–1930). Краснодар: Диапазон-В, 2009. 368 с.
21. ЦДНИКК. Ф. 412. Оп. 1. Д. 6.
22. *Сароглиди А.В*. Агитационно-пропагандистская деятельность Красной армии в периодической печати 1920-х годов (на примере Кубано-Черноморской области) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 1 (225). С. 65–70. EDN: FCAKUJ. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-65-70
23. ЦДНИКК. Ф. 412. Оп.1. Д. 28.
24. ЦДНИКК. Ф. 412. Оп.1. Д. 4.
25. *Баранов А.В.* Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.). СПб.: Нестор, 1996. 353 с.

References

1. Uporov I.V., Starkov O.V., comp. *Constitutions and constitutional projects in the history of Russia*. Collection of documents. Moscow: Yurlitinform; 2013. 592 p. (In Russ.).
2. *Essays on the history of the Krasnodar organization of the CPSU*. 2nd ed., suppl. Krasnodar: Book Publishing House; 1976. 656 p. (In Russ.).
3. Azarenkova A.S., Bondar I.Yu., Vertysheva N.S., comp. *The main administrative-territorial transformations in Kuban (1793-1985)*. by. Krasnodar: Book Publishing House; 1986. 394 p. (In Russ.).
4. Rakachev V.N. *Population of Kuban and Stavropol in the 1930-1950s: historical and demographic study*. Krasnodar: Kuban State University; 2017. 350 p. (In Russ.).
5. Available from: https://gelmusey.ru/%D0%B3%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D0%BA-%D0%B2 [Accessed 3rd May 2025]. (In Russ.).
6. *Center for Documentation of the Recent History of Krasnodar Region* (hereinafter - CDRHKR). Fund 412. In. 1. File 1. (In Russ.).
7. *CDRHKR*. Fund 412. In. 1. File 2. (In Russ.).
8. *CDRHKR*. Fund 412. In. 1. File 11. (In Russ.).
9. *CDRHKR*. Fund 412. In. 1. File 17. (In Russ.).
10. *CDRHKR*. Fund 412. In. 1. File 52. (In Russ.).
11. *CDRHKR*. Fund 412. In. 1. File 93. (In Russ.).
12. *CDRHKR*. Fund 412. In. 1. File 106. (In Russ.).
13. *CDRHKR*. Fund 412. In. 1. File 124. (In Russ.).
14. *CDRHKR*. Fund 412. In. 1. File 125. (In Russ.).
15. *CDRHKR*. Fund 412. In. 1. File 2a. (In Russ.).
16. *CDRHKR*. Fund 412. In. 1. File 3. (In Russ.).
17. *CDRHKR*. Fund 412. In. 1. File 7. (In Russ.).
18. *Red Flag*. No. 19 (1117) at 25th January 1924. (In Russ.).
19. *CDRHKR*. Fund 412. In. 1. File 97. (In Russ.).
20. Chuprynnikov S.A. *Kuban Trade Unions (1905-1930).* Krasnodar: Range-V; 2009. 368 p. (In Russ.).
21. *CDRHKR*. Fund 412. In. 1. File 6. (In Russ.).
22. Saroglidi A.V. Agitation and propaganda activities of the Red Army in the periodical press of the 1920s (on the example of the Kuban-Black Sea region). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(1):65-70. (In Russ.). EDN: FCAKUJ. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-65-70
23. *CDRHKR*. Fund 412. In. 1. File 28. (In Russ.).
24. *CDRHKR*. Fund 412. In. 1. File 4. (In Russ.).
25. Baranov A.V. *Social and political development of the North Caucasus in the context of the new economic policy (1921-1929).* St. Petersburg: Nestor; 1996. 353 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.А. Карапетян – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения КГИК.

Information about the author

L.A. Karapetyan – Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of History, Cultural Studies, and Museum Studies, KSIC.

Статья поступила в редакцию 14.05.2025; одобрена после рецензирования 27.08.2025; принята к публикации 12.09.2025.
The article was submitted 14.05.2025; approved after reviewing 27.08.2025; accepted for publication 12.09.2025.

Научная статья
УДК 93/94
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-60-67

РАБОЧИЙ ВОПРОС В ПРОГРАММНЫХ УСТАНОВКАХ ПАРТИЙНЫХ ФРАКЦИЙ III И IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Андрей Викторович Королев
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
korolieva_galina@mail.ru

Аннотация. Проводится сравнительный анализ программных установок партийных фракций III (1907–1912 гг.) и IV (1912–1917 гг.) Государственной думы Российской империи по рабочему вопросу. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления глубинных причин законодательного тупика в решении ключевого социального конфликта империи, предопределившего ее падение. На основе сравнительно-исторического метода и дискурс-анализа изучается эволюция позиций фракций (правые, октябристы, кадеты, эсеры, социал-демократы) по проблемам рабочего законодательства, роли профсоюзов, стачек и социального страхования. Исследование опирается на комплекс источников: стенограммы думских заседаний, программы ведущих политических партий, протоколы их заседаний. Выявлена глубокая идеологическая пропасть: от репрессивно-патерналистской модели правых («рабочий вопрос разрешится с уничтожением крамолы») до революционной программы социал-демократов, призывавшей к свержению самодержавия. Кадеты предлагали наиболее разработанные либеральные реформы (свобода коалиций, 8-часовой день, страхование), блокируемые большинством в III Думе. Октябристы, осознавая необходимость реформ, проявляли осторожность, отвергая радикальные меры как «гибельные для промышленности». К IV Государственной думе их потенциал к компромиссу был исчерпан. Инициативы левых и либералов систематически блокировались. Главным фактором, ставшим причиной неэффективности деятельности фракций по рабочему вопросу, стало непримиримое противоречие между радикализацией рабочего движения (подтверждаемой статистикой стачек) и нежеланием власти или правых партий идти на существенные уступки при слабости влияния в думах реформистского центра. Доказывается, что Дума не смогла стать инструментом решения рабочего вопроса, а её дебаты лишь консервировали конфликт, подталкивая страну к революции.

***Ключевые слова*:** рабочий вопрос, партийные фракции, III Государственная дума, IV Государственная дума, социальное законодательство, страховые законы 1912 г., РСДРП, кадеты, октябристы, правые, монархисты

Для цитирования: Королев А.В. Рабочий вопрос в программных установках партийных фракций III и IV Государственной думы Российской империи: сравнительный анализ // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 3. С. 60–67. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-60-67

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE WORKING QUESTION IN THE PROGRAM SETTINGS OF THE PARTY FACTIONS OF THE 3rd AND 4th STATE DUMAS OF THE RUSSIAN EMPIRE: A COMPARATIVE ANALYSIS

Andrey V. Korolev
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
korolieva_galina@mail.ru

© Королев А.В., 2025

Abstract. The article provides a comparative analysis of the programmatic guidelines of the party factions of the 3rd (1907-1912) and 4th (1912-1917) State Duma of the Russian Empire on the labor issue. The relevance of the study is due to the need to identify the underlying causes of the legislative impasse in resolving the key social conflict of the empire, which predetermined its fall. Based on the comparative historical method and discourse analysis, the article studies the evolution of the factions' positions (rightists, Octobrists, Cadets, Socialist Revolutionaries, Social Democrats) on the issues of labor legislation, the role of trade unions, strikes, and social insurance. The study is based on a set of sources: transcripts of Duma sessions, programs of leading political parties, minutes of political party sessions. A deep ideological gap was revealed: from the repressive-paternalistic model of the right ("the labor question will be resolved with the destruction of sedition") to the revolutionary program of the Social Democrats, calling for the overthrow of the autocracy. The Cadets proposed the most developed liberal reforms (freedom of coalitions, an 8-hour day, insurance), which were blocked by the majority in the Duma. The Octobrists, realizing the need for reform, were cautious, rejecting radical measures as "disastrous for industry". By the 4th State Duma, their potential for compromise had been exhausted. The initiatives of the left and liberals were systematically blocked. The main factor that caused the ineffectiveness of the factions' activities on the labor question was the irreconcilable contradiction between the radicalization of the labor movement (confirmed by strike statistics) and the unwillingness of the authorities or right-wing parties to make significant concessions given the weak influence of the reformist center in the Dumas. It is proven that the Duma was unable to become an instrument for resolving the labor issue, and its debates only preserved the conflict, pushing the country towards revolution.

***Keywords*:** labor question, party factions, 3rd State Duma, 4th State Duma, social legislation, insurance laws of 1912, RSDLP, Cadets, Octobrists, Rightists, Monarchists

For citation: Korolev A.V. The Working Question in the Program Settings of the Party Factions of the 3rd and 4th State Dumas of the Russian Empire: a Comparative Analysis. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(3):60-67. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-60-67

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Анализ программных установок и реальной думской деятельности различных партийных фракций по рабочему вопросу позволяет глубже понять не только спектр предлагавшихся решений острейшей социальной проблемы, но и эволюцию политических стратегий в условиях нарастающего кризиса. Сравнительный подход выявляет глубинные идеологические противоречия и тактические маневры, предопределившие как законодательный тупик, так и радикализацию рабочего движения накануне 1917 г.

Современные исследования демонстрируют заметный интерес к социальной истории думского периода, уделяя особое внимание взаимодействию власти и общества. В работах подчеркивается значение рабочего вопроса как индикатора кризиса имперской модели управления и неспособности всего спектра политических сил предложить адекватное моменту решение [1, 2]. Авторы делают акцент на роли социал-демократов (особенно меньшевиков) в формулировании рабочих требований и их продвижении в Думе, анализируя тактику «использования трибуны» [3, 4]. В ряде публикаций пересмотрены позиции октябристов, указывается на их попытки найти компромисс между правительственными проектами и требованиями рабочих [5–7]. В некоторых работах анализируется риторика правых фракций (националистов, крайне правых) по рабочему вопросу, подчеркивается сочетание охранительной риторики с элементами социального популизма [8, с. 5–7]. Издана энциклопедия деятельности Государственной думы с научными комментариями [9]. Тем не менее требуется систематизация данных о видении рабочего вопроса в программных декларациях, законопроектной деятельности и парламентских дебатах ключевых фракций.

В связи с этим важными задачами исследования становятся выявление и сравнение программных установок по рабочему вопросу (проблемы найма, охраны труда, рабочего времени, социального страхования, профсоюзов, стачек) основных фракций III и IV Государственной думы (правые, октябристы, кадеты, социал-демократы). Ставится вопрос об анализе эволюции позиций ключевых фракций по рабочему вопросу между III и IV Государственной думой. Кроме того, необходимо оценить степень отражения программных установок основных политиче-

ских партий в реальной законопроектной деятельности их фракций и думских дебатах, определить влияние факторов политического процесса начала XX в. на формирование и изменение фракционных позиций (политическая конъюнктура, давление правительства, влияние рабочего движения). Наконец, было бы значимо провести сравнение подходов фракций к стратегии решения рабочего вопроса: от эволюционно-реформаторского до революционно-трансформационного.

Исследование опирается на комплекс взаимодополняющих источников: в первую очередь это официальные стенографические отчеты заседаний III и IV Государственной думы – ключевой ресурс для реконструкции дебатов, обсуждения законопроектов, аргументации деятелей фракций. Данные материалы позволяют проследить эволюцию взглядов и тактику фракций по тому или иному вопросу (например, яркими являлись выступления А.И. Гучкова, П.Н. Милюкова, Н.С. Чхеидзе) [10, 11]. Вместе с тем во время публикации стенограмм данные речи подвергались цензуре и редакторской правке, что требует их постоянного критического анализа. Программы и уставы политических партий фиксируют исходные идеологические установки, в рамках которых формировалась позиция фракций [12]. Такие обширные материалы важны для сравнения декларируемых целей партий с думской практикой. Воспоминания и дневники политических деятелей дают представление о внутрифракционных дискуссиях, закулисных переговорах, личных мотивах [13–15]. Наконец, официальная статистика (данные фабричной инспекции, полиции) о числе рабочих, стачек, их участниках, условиях труда позволяет оценить остроту проблемы и контекст думских дискуссий [16, 17].

Ведущим методологическим подходом исследования выступает сравнительно-исторический, позволяющий сопоставить позиции различных фракций в рамках заседаний Государственной думы и проследить их эволюцию. Кроме того, анализ работы Думы как политического института, ее регламента, взаимодействия фракций, отношений с правительством проведен с опорой на институциональный подход. Рассмотрение рабочего вопроса в контексте социально-экономического развития и динамики рабочего движения в России подтверждается социально-историческим подходом.

Комплексный анализ завершен с помощью сочетания основных исторических методов: историко-генетического (выявление истоков позиций думских фракций), историко-системного (анализ взаимосвязей между решениями правительства, предложениями фракций и развитием стачечного движения) и контент-анализа программ политических партий и стенограмм Государственной думы.

Основную деятельность фракций политических партий в III Государственной думе можно охарактеризовать как развитие крайней поляризации позиций при одновременном поиске компромисса. Рабочий вопрос «стал ареной острого идеологического противостояния».

Политический ландшафт этого созыва определялся октябристским большинством, лавировавшим между правыми и левыми (кадеты, социал-демократы). Правые фракции видели корень назревшего рабочего вопроса в «крамоле» левых партий и «инородческом влиянии». Их программа сводилась к насильственному прекращению стачек и запрету революционных организаций, патерналистской «заботе» о «верноподданных» рабочих через церковно-приходские попечительства и ограниченную благотворительность. Выступали категорически против легализации профсоюзов, 8-часового дня и страхования за счет предпринимателей: «Рабочий вопрос ... разрешится сам собою, когда будет уничтожена крамола, разжигающая страсти» [18, стб. 1456].

Представители фракции «Союз 17 октября» осознавали необходимость реформ для стабилизации и поддерживали правительственные инициативы по страхованию, выступали за создание примирительных камер и ограниченное право коалиций. Однако их подход был крайне осторожен: они считали необязательным государственное страхование от безработицы; 8-часовой день отвергали как экономически гибельный; стачки допускали лишь как крайнюю меру в строго экономических спорах [11, стб. 1213–3501].

Кадеты выдвигали наиболее разработанную программу: свобода союзов и стачек, постепенное введение 8-часового рабочего дня, широкое государственное социальное страхование от болезней, инвалидности, старости, безработицы на паритетных началах со взносами рабочих, владельцев предприятий и государства. Представители фракции активно вносили соответству-

ющие законопроекты (например, проект о свободе коалиций в 1909 г.), но данные инициативы блокировались правыми и октябристами. П.Н. Милюков отмечал, что разыгравшаяся забастовка на Путиловском заводе готовилась в течение года. Предмет забастовки – экономическая борьба: «здесь особое положение: расценки труда здесь ниже, чем на других заводах. К тому же рабочие видят страшную неравномерность. Вследствие роста цен на изготовление шрапнелей и т. п. доходы завода страшно растут. Высшие служащие получили большие прибавки; есть инженеры, получающие до 12 000 р. в месяц. А низшие расценки очень неравномерны» [19, с. 226].

Социал-демократы (преимущественно меньшевики) использовали думскую трибуну для революционной агитации. Члены фракции предлагали радикальные запросы и законопроекты (например, полная свобода стачек и союзов, 8-часовой день, социальное страхование за счет государства и владельцев предприятий), заведомо обреченные на провал.

Итогом заседаний III Государственной думы стало принятие некоторых ограниченных по содержанию законов о страховании от несчастных случаев и по болезни (1912 г.), разработанных правительством при поддержке октябристов, но подвергнутых резкой критике слева за узость и неполноту [20].

Политическая атмосфера в IV Государственной думе накалилась из-за роста рабочего движения. Катализатором стал Ленский расстрел 1912 г., вызвавший подъем стачечного движения в стране.

Правые фракции ужесточили риторику, требуя беспощадного подавления стачек, обвиняя во всем «еврейских подстрекателей» и «либеральную интеллигенцию». Социальные предложения оставались патерналистскими и незначительными. Ровно такую же позицию занимали и представители дворянства вне Думы. Например, Н.Е. Марков, выступая, отмечал: «...это все равно, что требовать, чтобы рыбачья лодка могла бороться с броненосцем. Нет сомнения, что броненосец потопит лодку, ибо у нее нет никаких средств в борьбе» [21, с. 184].

Октябристы в период деятельности IV Государственной думы переживали кризис и раскол. Их позиция определялась положением промышленности и промышленников в России, связанным с последствиями ведения Первой мировой войны. В докладе В.И. Арандаренко отмечалось, что в народных массах рабочие представляют из себя «класс наиболее культурный и сплочённый. Поэтому при взаимной борьбе политических партий каждая старается привлечь его на свою сторону демонстрацией особого интереса к его нуждам и обещаниями самого широкого их удовлетворения» [22, с. 213–214]. Главной мерой, которая в наибольшей степени отвечала интересам рабочих, октябристы считали введение государственного страхования от несчастных случаев, «тем более, что оно является упорядочением действующего уже закона 2 июня 1903 года» [22, с. 220–221].

Фракция конституционных демократов стала активнее использовать запросы к правительству по поводу преследования профсоюзов и нарушений при применении страховых законов. Члены фракции остро критиковали правительство за Ленский расстрел. Одновременно с заседаниями Государственной думы проходили заседания ЦК партии и партийные конференции кадетов. На них разрабатывалась и уточнялась позиция фракции в Думе по основным вопросам социально-экономической и политической повестки. Фракция в Думе по сути выступала рупором принятых на заседаниях ЦК решений. На такого рода заседании, состоявшемся 15 марта 1915 г., выступил П.Н. Милюков с сообщением, что «сам народ одобрил ее (позицию фракции кадетов в Государственной думе. – *А.К.*) тем, что и в крестьянстве мобилизация прошла хорошо, с подъемом, и в рабочей среде прекратились забастовки и другие трения, которые могли бы вредно отражаться на общем деле» [23, с. 62]. Однако уже через 5 месяцев, в августе 1915 г., те же кадеты отмечали, что необходимо идти на согласие с трудовой группой в Думе, чтобы «подойти к рабочим», уже «обеспечив профессиональные организации, свободу слова, больничные кассы», артели, организовав статистику труда [24, с. 146].

3–5 апреля 1917 г. состоялась II Петроградская конференция партии социалистов-революционеров. Конференция призвала трудовые массы воспользоваться завоёванными свободами для «наискорейшей самоорганизации как в форме политической, так и в профессиональной и кооперативной» [25, с. 81]. Участники заявили, что в области практических задач

ближайшей рабочей политики является обязательным образование фабрично-заводских комитетов и отстаивание перед Временным правительством необходимости издания «особого декрета, долженствующего закрепить фактически осуществляемый восьмичасовой рабочий день, минимум заработной платы, коллективный договор между трудом и капиталом» [25, с. 81]. Вместе с тем одной из главных задач партии было заявлено последовательное отстаивание в Государственной думе привлечения пролетариата к организации производств при одновременном предостережении последнего «от утопий, вроде захвата самих производств» [26, с. 194].

Социал-демократы, как большевики, так и меньшевики, усилили революционную пропаганду. Их роль в заседаниях Думы была скорее разоблачительной, чем законодательной. Большевики занимали более непримиримую позицию, чем меньшевики. Фракция РСДРП активно поддерживала стачечное движение с думской трибуны, разоблачая связь капитала и власти. Но и меньшевики последовательно выступали за скорейшее исполнение мероприятий в области рабочего и земельного вопросов, согласованных с требованиями трудящихся масс и диктуемых жизненными интересами народного хозяйства. При этом делалась оговорка, что экономическая борьба рабочего класса должна быть согласована не только с фактическим соотношением сил труда и капитала и сосредоточением промышленности, но и со сложной обстановкой продолжающейся революции и затянувшейся войны [27]. Исходя из этого, меньшевики предлагали разработку стройного плана всесторонней законодательной охраны труда для последующего его проведения в Учредительном собрании. В то же время статистические данные за 1912–1914 гг. фиксируют взрывной рост стачек (как экономических, так и политических), а также значительное увеличение количества их участников [8], что делало думские дебаты все более оторванными от реальности. Законодательная деятельность по рабочему вопросу в IV Государственной думе была практически парализована.

Таким образом, программные установки фракций в III и IV Государственной думе по рабочему вопросу отражали глубокую идеологическую пропасть: от охранительно-репрессивной модели правых до радикально-революционной социал-демократов с либерально-реформистскими и умеренно-консервативными вариантами в центре.

Эволюция позиций ключевых центристских фракций (октябристы, кадеты) между разными созывами была незначительной в программном плане, но тактически октябристы в IV Государственной думе демонстрировали нарастающую неспособность к конструктивной деятельности из-за внутреннего кризиса и давления обстоятельств, в то время как кадеты активизировали критику правительства. Законодательная деятельность фракций в этот период была минимально результативна: лишь страховые законы 1912 г., в разработке и принятии которых принимали активное участие октябристы, стали реальным, но явно недостаточным достижением Думы. Подавляющая часть инициатив кадетов и социал-демократов блокировалась правым и октябристским большинством в III Государственной думе и правым большинством в IV Государственной думе. Программы оставались в значительной степени декларациями.

Главным фактором, определившим деятельность политических фракций в Думе, выступило непримиримое противостояние между требованиями левых фракций (и рабочего движения вне Государственной думы), видевших решение только в коренной политической трансформации, и упорным нежеланием самодержавия и поддерживавших его правых фракций идти на существенные уступки, ограничивавшие власть бюрократии и интересы крупных собственников при политической слабости и непоследовательности октябристов, не сумевших стать реальной реформистской силой.

Ни одна из фракций, обладавших реальным влиянием на принятие решений, не была готова предложить приемлемый для рабочих вариант реформ. Думские дискуссии лишь консервировали конфликт, подталкивая рабочее движение к внепарламентским, революционным методам борьбы, что подтверждается динамикой стачечной статистики. Рабочий вопрос в Думе стал не решаемой проблемой, а барометром нарастающей общенациональной катастрофы.

Список источников

1. *Балдин К.Е.* Рабочее кооперативное движение в России во второй половине XIX – начале XX века. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2006. 311 с.

2. Российский политический процесс XX–XXI вв.: власть, партии, оппозиция / М.А. Пономарева, С.М. Смагина, А.В. Аверьянов [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д., Таганрог: Южный фед. ун-т, 2018. 796 с.

3. *Подшибякин С.С.* Деятельность меньшевистской фракции в Первой и Второй государственных думах: историография проблемы // Вестн. Московского гор. пед. ун-та. Серия : Ист. науки. 2016. № 4 (24). С. 8–13.

4. *Садинов В.С.* Государственная дума России (1906–1917 гг.). Историография проблемы. М., 2001. 28 с.

5. *Парахин А.С.* Фракция октябристов в Государственной думе III созыва (1907–1912 гг.) // Вестн. Самарского ун-та. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 49–54.

6. *Соловьев К.А.* Союз 17 октября. Политический класс России: взлет и падение. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 344 с.

7. *Карнишин В.Ю.* «Союз 17 октября» в водовороте российской политической жизни начала XX в. // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Гуманит. науки. 2024. № 1. С. 126–133.

8. *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России, 1911–1917. М.: РОССПЭН, 2001. 461 с.

9. Государственная дума Российской империи, 1906–1917 : энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. Москва: РОССПЭН, 2008. 735 с.

10. Россия. Государственная дума. Созыв (3) : стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Указатель к стенографическим отчетам (Ч. 1–3). 3-й созыв, сессия 1 : Заседания 1–98 (1 ноября 1907 г. – 28 июня 1908 г.). СПб.: Гос. тип., 1908. 672 с.

11. Россия. Государственная Дума. Созыв (4) : стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия 1 : Заседания 1–30 (с 15 ноября 1912 г. по 20 марта 1913 г.). СПб.: Гос. тип., 1913. 2438 стб.

12. Политические партии России, конец XIX – первая треть XX в. : энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. 800 с.

13. Александр Иванович Гучков рассказывает... : воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М.: Ред. журн. «Вопросы истории», 1993. 143 с.

14. *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума (воспоминания современника). Лондон: OPI, 1991. 258 с. (Репринт. изд.).

15. *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Париж: La Haye, Mouton, 1963. Кн. 1. 492 с.; Кн. 2. 429 с.

16. *Варзар В.Е.* Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906–1908 гг. СПб.: М.Т. и П., Отд. промышленности, 1910. 220 с.

17. Статистический сборник за 1913–1917 годы. М., 1921. Т. 7, вып. 1. 275 с.

18. Выступление В.М. Пуришкевича // Государственная дума. Созыв III : стенографические отчеты. 1907–1912 гг. Сессия 1–5. СПб., 1908–1912.

19. Протокол заседания ЦК. 4 марта 1916 г. // Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии : в 6 т. Т. 3 : Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920-е гг. М.: РОССПЭН, 1998. С. 222–237.

20. Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Вып. 8, ч. 1 : 1902 год. М.: Издат. центр Ин-та рос. истории РАН, 2002. 404 с.

21. Заседание 21 февраля 1909 года // Объединенное дворянство : съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. : в 3 т. Т. 2 : 1909–1912, кн. 1 : 1909–1910. М.: РОССПЭН, 2001. С. 155–194.

22. *Арандаренко В.И.* По рабочему вопросу // Партия «Союз 17 октября» : протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК : в 2 т. Т. 2 : Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. 1907–1915 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 213–221.

23. Протокол заседания ЦК. 15 марта 1915 г. // Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии : в 6 т. Т. 3 : Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920-е гг. М.: РОССПЭН, 1998. С. 53–66.

24. Протокол заседания ЦК. 9 августа 1915 г. // Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии : в 6 т. Т. 3 : Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920-е гг. М.: РОССПЭН, 1998. С. 141–147.

25. Вторая Петроградская конференция партии социалистов-революционеров (3–5 апреля 1917 г.) : резолюции, принятые конеференцией по рабочему вопросу // Дело народа. 1917. № 18. 7 апреля // Партия социалистов-революционеров : док. и материалы : в 3 т. Т. 3, ч. 1 : Февраль – октябрь 1917 г. М.: РОССПЭН, 2000. С. 36–84.

26. Доклад о социально-экономической политике партии И.А. Прилежаева // Протоколы III съезда партии социалистов-революционеров (25 мая – 4 июня 1917 г.) : стенографический отчет. Заседание 26 мая 1917 года (утреннее) // Партия социалистов-революционеров : док. и материалы : в 3 т. Т. 3, ч. 1. Февраль – октябрь 1917 г. М.: РОССПЭН, 2000. С. 175–628.

27. Из личных писем Ю.С. Вайнберга, руководителя информационного бюро Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов в Стокгольме Ф.И. Дану // Меньшевики в 1917 году : в 3 т. Т. 1 : Меньшевики в 1917 году: от января до июльских событий / под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хемсона. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 577–578.

References

1. Baldin K.E. *The workers' cooperative movement in Russia in the second half of the 19th - early 20th century*. Ivanovo: Ivanovo State University; 2006. 311 p. (In Russ.).

2. Ponomareva M.A., Smagina S.M., Averyanov A.V. et al. *The Russian political process of the 20th - 21st centuries: power, parties, opposition*. 2nd ed., revised and suppl. Rostov-on-Don, Taganrog: Southern Federal University; 2018. 796 p. (In Russ.).

3. Podshibyakin S.S. The activities of the Menshevik faction in the 1st and 2nd State Duma: historiography of the problem. *MCU Journal of Historical Studies*. 2016;(4):8-13. (In Russ.).

4. Sadinov V.S. *The State Duma of Russia (1906-1917). Historiography of the problem*. Moscow, 2001. 28 p. (In Russ.).

5. Parakhin A.S. The Octobrist faction in the State Duma of the 3rd convocation (1907-1912). *Bulletin of the Samara University. History, Pedagogics, Philology*. 2021;27(3):49-54. (In Russ.).

6. Solovyov K.A. *Union on 17th October. The political class of Russia: rise and fall*. Moscow: New Literary Review; 2023. 344 p. (In Russ.).

7. Karnishin V.Yu. “Union of 17th October” in the whirlpool of Russian political life at the beginning of the 20th century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanities*. 2024;(1):126-133. (In Russ.).

8. Kiryanov Yu.I. *Right-wing parties in Russia, 1911-1917*. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2001. 461 p. (In Russ.).

9. Shelokhaev V.V., ed. *The State Duma of the Russian Empire, 1906-1917*: encyclopedia. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2008. 735 p. (In Russ.).

10. *Russia. State Duma. 3rd convocation: verbatim reports. 1907-1908*. Index to verbatim reports (Parts 1-3). 3rd convocation, session 1: Meetings 1-98 (1st November 1907 - 28th June 1908). St. Petersburg: State Printing House; 1908. 672 p. (In Russ.).

11. *Russia. The State Duma. 4th convocation: verbatim reports. 1912-1913*. Session 1: Meetings 1-30 (from 15th November 1912 to 20th March 1913). St. Petersburg: State Printing House; 1913. 2438 col. (In Russ.).

12. *Political parties of Russia, the end of the 19th - the first third of the 20th century*: encyclopedia. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 1996. 800 p. (In Russ.).

13. *Alexander Ivanovich Guchkov tells*. Memoirs of the chairman of the State Duma and the minister of war of the Provisional government. Moscow: Editorial office of the journal “Questions of History”; 1993. 143 p. (In Russ.).

14. Maklakov V.A. *The Second State Duma (memoirs of a contemporary).* London: OPI; 1991. 258 p. Reprint. (In Russ.).

15. Tsereteli I.G. *Memoirs of the February Revolution*. Books 1-2. Paris: La Haye, Mouton; 1963, book 1. 492 p.; book 2. 429 p. (In Russ.).

16. Varzar V.E. *Statistics of strikes of workers in factories and plants for the 1906-1908*. St. Petersburg: Ministry of Trade and Industry, Department of Industry; 1910. 220 p. (In Russ.).

17. *Statistical collection for the 1913-1917*. Moscow, 1921;7(1). 275 p. (In Russ.).

18. Speech by V.M. Purishkevich. *State Duma. 3rd convocation: verbatim reports. 1907-1912*. Session 1-5. St. Petersburg, 1908-1912. (In Russ.).

19. Protocol of the meeting of the Central Committee. 4th March 1916. *Protocols of the Central Committee and Foreign groups of the Constitutional Democratic Party: in 6 vols*. Vol. 3: Protocols of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party. 1915-1920. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 1998:222-237. (In Russ.).

20. *The labor movement in Russia. 1895 - February 1917*. Issue 8, part 1: 1902. Moscow: Publishing Center of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 2002. 404 p. (In Russ.).

21. Meeting on 21st February 1909. *United nobility: congresses of authorized provincial noble societies. 1906-1916*: in 3 vols. Vol. 2: 1909-1912, book 1: 1909-1910. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2001:155-194. (In Russ.).

22. Arandarenko V.I. On the labor question. *Party “Union of 17th October”. Protocols of congresses, conferences and meetings of the Central Committee*: in 2 vols. Vol. 2: Protocols of the 3th congress, conferences and meetings of the Central Committee. 1907-1915. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2000:213-221. (In Russ.).

23. Protocol of the Central Committee meeting. 15th March 1915. *Protocols of the Central Committee and overseas groups of the Constitutional Democratic Party*: in 6 vols. Vol. 3: Protocols of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party. 1915-1920. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 1998:53-66. (In Russ.).

24. Protocol of the Central Committee meeting. 9th August 1915. *Protocols of the Central Committee and foreign groups of the Constitutional Democratic Party*: in 6 vols. Vol. 3: Protocols of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party. 1915-1920. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 1998:141-147. (In Russ.).

25. The second Petrograd Conference of the Socialist Revolutionary party (3rd - 5th April 1917). Resolutions adopted by the Conference on a work issue. The People's Business. 1917;(18). 7th April. *The party of Socialist Revolutionaries. Documents and materials*: in 3 vols. Vol. 3, part 1: February - October 1917. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2000:36-84. (In Russ.).

26. Report on the socio-economic policy of I.A. Prilezhaev's party. Protocols of the 3rd Congress of the Socialist Revolutionary Party (25th May - 4th June 1917): verbatim report. Meeting on 26th May 1917 (morning). *The Socialist Revolutionary Party. Documents and materials*: in 3 vols. Vol. 3, part 1. February - October 1917. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2000:175-628. (In Russ.).

27. From personal letters from Yu.S. Weinberg, head of the information bureau of the Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies in Stockholm to F.I. Dan. *The Mensheviks in 1917*: in 3 vols. Vol. 1: Mensheviks in 1917: from January to July events. Z. Galili, A. Nenarokov, L. Hemson (eds.). Moscow: Progress-Academy; 1994:577-578. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Королев – соискатель кафедры отечественной истории XX–XXI веков Института истории и международных отношений ЮФУ.

Information about the author

A.V. Korolev – Competitor of the Department of Russian History of the 20th and 21st Centuries, Institute of History and International Relations, SFedU.

Статья поступила в редакцию 14.08.2025; одобрена после рецензирования 27.08.2025; принята к публикации 12.09.2025.
The article was submitted 14.08.2025; approved after reviewing 27.08.2025; accepted for publication 12.09.2025.

Научная статья
УДК 94(47+57) „1917/1991“
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-68-79

МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Павел Геннадьевич Култышев[1]✉, Георгий Рафаилович Абузяров[2]
[1, 2] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
[1] pgkultyshev@sfedu.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-8899-4158
[2] abuziarov@sfedu.ru, https://orcid.org/0009-0003-6777-3470

Аннотация. Рассматривается материально-бытовое положение российского студенчества конца XIX – начала XX в. на основе широкого круга исторических источников: документальных материалов, статистических данных, студенческих переписей, публицистических произведений и мемуаров. Исследование показывает, что большинство студентов сталкивалось с серьёзными материальными трудностями: высокой платой за обучение, нехваткой средств на проживание и питание. Основная масса учащихся была вынуждена снимать жильё в неблагоприятных условиях, часто деля комнату с несколькими товарищами. Анализируются основные источники дохода студентов, включая помощь родителей, проведение частных уроков и другие виды подработки. Показано, что почти половина учащихся была вынуждена совмещать учёбу с работой, что негативно сказывалось на успеваемости. Раскрываются проблемы питания, медицинского обслуживания и их влияние на здоровье студентов. В результате отмечается, что подавляющая часть студенчества находилась в тяжелом материальном положении, плохих санитарно-гигиенических жилищных условиях, состоянии постоянного недоедания, что, в свою очередь, приводило к ухудшению здоровья и уменьшению активности в академической жизни. Особое внимание уделяется сравнению условий жизни столичных и провинциальных студентов, выявляются общие черты и региональные особенности. Исследование демонстрирует, что тяжёлые бытовые условия и материальная необеспеченность во многом определяли социально-политические взгляды студенчества и его активное участие в революционных событиях начала XX в.

***Ключевые слова*:** повседневность, материальное положение, студенты, Российская империя, начало XX в.

Для цитирования: Култышев П.Г., Абузяров Г.Р. Материально-бытовое положение российского студенчества в начале XX века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 3. С. 68–79. https://doi.org/ 10.18522/2687-0770-2025-3-68-79

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE MATERIAL AND LIVING SITUATION OF RUSSIAN STUDENTS AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Pavel G. Kultyshev[1]✉, Georgy R. Abuzyarov[2]
[1, 2] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
[1] pgkultyshev@sfedu.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-8899-4158
[2] abuziarov@sfedu.ru, https://orcid.org/0009-0003-6777-3470

Abstract. This article examines the material and living conditions of Russian students in the late 19th and early 20th centuries, drawing on a wide range of historical sources, including documentary materials, statistical data from student censuses, journalistic works, and memoirs. The study reveals that most students faced serious financial difficulties, including high tuition fees and a lack of funds for accommodation and food. The majority of students were forced to rent housing in precarious conditions, often sharing a room with several other students. It analyzes students' primary sources of income, including parental support, private tutoring,

© Култышев П.Г., Абузяров Г.Р., 2025

and other forms of part-time work. It shows that almost half of students were forced to combine study with work, which negatively impacted their academic performance. Issues with nutrition and medical care and their impact on student health are explored. The study concludes that the overwhelming majority of students faced dire financial straits, poor sanitary and hygienic housing conditions, and persistent malnutrition, which, in turn, led to poor health and a decrease in academic activity. Particular attention is paid to comparing the living conditions of students in the capital and the provinces, identifying common features and regional differences. The study demonstrates that difficult living conditions and material insecurity largely determined the socio-political views of students and their active participation in the revolutionary events of the early 20th century.

***Keywords*:** everyday life, financial situation, students, Russian Empire, early 20th century

For citation: Kultyshev P.G., Abuzyarov G.R. The Material and Living Situation of Russian Students at the Beginning of the 20th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(3):68-79. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-68-79

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Изучение положения студенчества всегда являлось одной из ключевых тем в отечественной и мировой историографии. И данный интерес сложился под непосредственным влиянием того, что именно студенческие массы оказывались порой в авангарде социально-политических трансформаций. Студенчеству было свойственно чуткое, а зачастую и безоглядное восприятие революционных идей второй половины XIX – начала XX в. Именно студенческие массы в феврале-марте 1917 г. выступили в числе активных сил революционного процесса, в дальнейшем приняв одну из сторон в Гражданской войне. К факторам, обострявшим социально-политические взгляды российского студенчества, относится его сложное материально-бытовое положение.

Информацию по данному предмету исследования можно почерпнуть из самых разных исторических источников. В первую очередь это документальные источники, в частности актовый материал: уставы, регламентирующие деятельность того или иного учреждения, исходящие со стороны как университетской администрации (уставы общежитий [1]), так и учащихся высших учебных заведений (уставы студенческих обществ, созданные с целью оказания материальной помощи учащимся [2]). Благодаря им можно узнать о специфике деятельности этих обществ, целях его участников и нормативном пространстве, в рамках которого студенты должны были существовать. Особо ценный корпус источников представляет статистический материал: студенческие переписи и самопереписи разнообразных типов (квартирная [3], половая [4] и др.) в университетских городах (Москва, Томск, Санкт-Петербург, Юрьев и т. д.) [3–7], из которых можно извлечь подробную и полную информацию о материально-бытовых условиях жизни студенчества, вплоть до точной структуры студенческих бюджетов различных групп учащихся, их проблемах, а также сравнить положение учащихся разных высших учебных заведений, сопоставив полученные в переписях статистические выводы.

Что касается нарративных источников, то среди них выделяется публицистика и источники личного происхождения. Наиболее полный обзор материально-бытового положения студента московского университета дал П.К. Иванов. Его труд интересен не только уникальными свидетельствами о различных сторонах студенческого быта, но и статистическими данными и классификацией студенческого бюджета с точным описанием потенциальных доходных и расходных статей каждого [8]. Корпус источников личного происхождения представлен воспоминаниями бывших учащихся о своей студенческой жизни, позволяющими узнать ценные бытовые детали, а также эмоциональную характеристику положения студентов [9–13].

Если же обратиться к степени изученности темы в отечественной историографии, следует отметить монографию А.Е. Иванова [14], на страницах которой раскрываются отдельные элементы материально-бытового положения российского студенчества в начале XX в. В ней тщательно реконструируется студенческий бюджет, его доходные и расходные статьи, показываются особенности основных компонентов быта учащегося – жилищного вопроса, питания, здоровья, одежды и т. д., приводятся статистические материалы. Не менее интересны статьи Н.Н. Юркиной [15, 16], посвящённые как материальному положению студентов, так и их миро-

воззренческим императивам. Также следует упомянуть работу Н.Я. Олесича о студенчестве Санкт-Петербургского университета [17], где особенно ценными являются сведения о здоровье, питании учащихся и работе знаменитой студенческой столовой. Некоторые подробности о студенческом быте в общежитии в рамках строгого дисциплинарного надзора университетской администрации на примере общежития Томского университета даёт нам статья А.О. Степнова и С.Ф. Фоминых [18]. Однако, за малым исключением, перечисленные работы не позволяют составить целостную картину материально-бытового положения российского студенчества, поскольку рассмотрение такового дано без сопоставления с ценами на те или иные виды товаров и услуг на начало XX в. Более того, авторы порой уходят от сравнения положения студентов в столице и провинции, что неминуемо сказывается на полноте исследовательских выводов. А потому данная тема обладает перспективой дальнейшего изучения в указанном направлении.

Главным фактором, влияющим на сущность быта, была специфика материального положения студентов. Основную массу учащихся высших учебных заведений составляли приезжие из провинциальных городов, т. е. они были оторваны от своей семьи, которая ранее покрывала все их материальные расходы. К тому же студент оказывался в незнакомом ему городе, где не было каких-либо личностных связей, способных помочь ему в устройстве быта. Примерно половина доходной части бюджета большинства студентов базировалась на денежных поступлениях от родителей [14, с. 269], поэтому экономическая зависимость от семьи всё ещё существовала.

Приехав в город, где располагалось высшее учебное заведение, студент обязан был внести плату за обучение и преподавателям за выбранный лекционный курс, ее сумма колебалась в зависимости от конкретного заведения – от 50 до 100 р. Плата на протяжении второй половины XIX – начала XX в. неуклонно росла, например в Санкт-Петербургском университете только в период с 1897 по 1905 г. она возросла с 50 до 100 р. в год [17, с. 30]. Это была огромная сумма, поэтому стоимость обучения зачастую становилась причиной отчисления студента [14, с. 295].

Кроме того, студенту требовались средства на съём жилья, питание, одежду и другие жизненно важные расходы. Довольно дорогостоящими были и учебные материалы. Например, бывший студент В. Курбский сообщает, что для комфортного начала обучения первокурснику необходимо было иметь при себе 200 р. [15, с. 54]. Такой суммой обладали немногие, поэтому учащимся приходилось сокращать расходы и терпеть лишения по многим жизненно необходимым пунктам. Иными словами, буквально с первых дней поступления в университет студент оказывался в крайне стеснённых обстоятельствах и вынужден был находить деньги на стороне.

Существенную проблему для студентов любого года обучения составлял квартирный вопрос. В большинстве своём учащиеся останавливались на съёмном жилье, причем старались подыскать квартиру поближе к высшему учебному заведению, что, конечно, сказывалось на её благоустройстве в условиях ограниченного бюджета. Например, в Москве в 1907 г. студентов, живущих на частных квартирах, было 74,3 % [3, с. 23], в Томске в 1901 г. – 75,5 % [5, с. 39], в Киеве в 1910 г. – 84 % [14, с. 300]. Как видно, более 2/3 студентов предпочитали жить именно на съёмных квартирах. Причем подавляющее количество студентов снимало не отдельные квартиры (в подобных жили обычно студенты из состоятельных семей, в частности в Москве таковых было 3 % [3, с. 20], а в Петербурге – 2 % [6, с. 77]), а отдельную комнату либо даже угол в хозяйской квартире. Зачастую для уменьшения платы за жильё студенты делили комнату вместе с университетскими товарищами – по 2–3 человека [3, с. 39]. Данное обстоятельство нередко приводило к различным бытовым конфликтам в силу расхождения характеров, мелких привычек, вкусов, способных парализовать всю учебную работу на дому [3, с. 69]. К тому же это сказывалось на качестве циркуляции воздуха в квартире и пагубно влияло на санитарно-гигиенические условия [6, с. 54–55], что могло привести к распространению различных болезней.

Однако неудобства на этом не заканчивались. Студенчеству, находящемуся в скудном материальном положении, приходилось существовать в ужасных жилищных условиях. Судя по студенческим самопереписям начала XX в., типичным для студенческих комнат было отсутствие канализации, холод и сырость, кромешная темнота, связанная с наличием лишь одного окна в помещении, плохая звукоизоляция из-за тонких стен или перегородок и наличие шумных соседей, что не давало учащемуся побыть в тишине и сконцентрироваться на занятиях. Весьма раздражающим явлением выступало большое количество насекомых [3, с. 33–34; 6, с. 54]. По-

скольку комнаты, сдаваемые студентам, были самыми дешёвыми на рынке жилья, то их расположение в квартире оставляло желать лучшего: как правило, проходные, в подвальном помещении, заполнены душным, дымным или угарным воздухом [3, с. 65].

Особо отмечаются невыносимые условия в связи с предоставлением некачественных услуг хозяйкой квартиры, типичную характеристику которой дал П. К. Иванов: «она полуженщина, получиста … полукормит … полутухлятиной, комнату полуотапливает, держит полугрязную кухарку (очень грубую обыкновенно) … В одном только хозяйка – цельная натура – это в аккуратной получке денег со своего жильца…» [8, с. 28]. Бывали случаи и чрезвычайного внимания к учащейся молодежи от хозяйки, в частности попытки завязать сексуальные отношения. Также студенты попадались на хозяек – содержательниц притонов и нелегальных публичных домов [3, с. 68]. В этом случае гарантии сохранения в неприкосновенности съёмного жилья просто не существовало.

Всё это неизбежно вело к тому, что учащиеся постоянно меняли квартиры, практически никогда не закрепляясь на одном месте более трех месяцев [8, с. 20], а иногда переезжая по 6 раз за учебный год [3, с. 71]. Согласно московской студенческой самопереписи, на момент её проведения лишь 6 % студентов нравилось их местожительство [3, с. 64], однако и это не гарантировало сохранения хорошей квартиры за студентом, так как он, уезжая домой на летние каникулы, оставлял её, чтобы не платить лишние деньги [8, с. 20]. И как только студент возвращался с каникул, перед ним вновь вставал вопрос о поиске жилья. В редких случаях учащийся, не успевавший найти себе кров, был вынужден ночевать на улице [14, с. 305].

Более обеспеченные студенты, не имевшие возможности снимать дорогую квартиру, останавливались в дешевых гостиницах, так называемых меблированных комнатах у отставных лакеев, поваров и бывших содержанок [14, с. 306]. Они были оборудованы самой простой мебелью, но давали некую независимость от хозяев и более благоприятные условия учёбы и личной жизни, что, впрочем, не освобождало от довольно сомнительного контингента соседей, которые могли негативно влиять на молодежь в нравственном плане [8, с. 40–41].

В конце XIX в. у студенчества появляется возможность жить в государственных общежитиях: в Александровской коллегии Санкт-Петербурга, открытой в 1882 г. [16, с. 14], общежитии имени императора Николая II Москвы [1], общежитии при Томском университете [14, с. 285] и т. д. К явным преимуществам общежития относились как комфортные условия для жизни: приличное теплое помещение с хорошим освещением, питание, наличие библиотеки и вежливая прислуга за небольшую плату, так и его расположенность вблизи университета [1]. Томское студенчество умудрялось даже зарабатывать на продаже свечей, выдаваемых в общежитии [10, с. 413]. С другой стороны, жизнь в общежитии имела свои минусы, и студенты, очарованные прекрасными бытовыми условиями, вскоре это осознавали. К примеру, громкий шум и плотное расселение студентов мешали домашним занятиям [10, с. 417]. Однако самое большое недовольство у учащихся вызывал тотальный надзор инспекторов за студентами внутри общежития. Студенты должны были входить и выходить из него только в определенное время, соблюдать все нормы приличия, установленные инспекторами на субъективных основаниях, а сами университетские служащие могли врываться к студентам в любой момент и без предупреждения. Поэтому, получив несколько предупреждений, свободолюбивые студенты спешили покинуть общежитие по собственной воли [18, с. 186–188].

Возможностью проживать в государственных общежитиях воспользовались немногие, так как в них принимали казенных либо частных стипендиатов, которых было небольшое количество, и своекоштных студентов, однако платить около 300 р. в год могли не все [1], поэтому в той же Москве в казенных общежитиях проживали лишь 4,1 % студентов [4, с. 16]. Однако в Томске при открытии университета сложились особые условия: в местном общежитии обитали 85 % всех учащихся, что, впрочем, обусловливалось небольшим количеством студентов в только что открытом университете [10, с. 285].

В конце XIX в. появляются и частные общежития, открытые на средства меценатов. В Москве купцы Ляпины на свои средства создали подобное учреждение, прозванное в народе «Ляпинкой», с 34 номерами на 124 вакансии [14, с. 307]. Однако оно приобрело всеобщую ненависть среди учащейся молодежи в связи с отсутствием элементарных удобств, грязными номерами и столо-

вой казарменного типа. Поэтому при любой удачной возможности студенты спешили сбежать из этого «собрания бедняков среди беднейшей обстановки» [8, с. 73–78]. В противовес «Ляпинке» стояло Лепешкинское общежитие. Здесь студентов встречали образцовая чистота, прекрасное питание, богатая библиотека, читальня, а также два рояля и телефон, что позволяло им забыть о материальных тягостях и полноценно заниматься своим развитием [8, с. 72–78]. Доступно, правда, это было не всем – в общежитии было всего лишь 42 места [14, с. 308].

Следующей важной расходной статьей учащегося выступали траты на питание. Как отмечал П.К. Иванов, «московский студент всегда немножко голоден. Впрочем, это „немножко“ довольно растяжимо. Немножко голоден – после обеда, в остальное время – просто голоден. И … никогда студент не может сказать, положа руку на сердце: «„Я сыт“» [8, с. 49]. Описывая и характеризуя сложности питания российского студенчества, целесообразно обратиться к ценам на те или иные продукты. В частности, в 1910 г. по Москве стоимость некоторых продуктов питания выглядела следующим образом [19, с. 317–318]: мука пшеничная 1-го сорта, крупитчатая (1 мешок – 5 пуд.) – 1290 к.; хлеб пшеничный ситный крупитчатый (пуд) – 270 к.; хлеб ржаной (пуд) – 115 к.; говядина 1-го сорта (фунт) – 22 к.; баранина (фунт) – 17 к.; свинина (фунт) – 19 к.; куры парные (1 шт.) – 84 к.; молоко цельное (ведро) – 117 к.; масло сливочное (фунт) – 46 к.; сыр русский (фунт) – 40 к.; яйца 1-го сорта (100 шт.) – 299 к.; капуста кочанная белая (сотня) – 1281 к.; картофель (мера) – 40 к.; масло подсолнечное (пуд) – 736 к.; сахарный песок (пуд) – 502 к.

Таким образом, имея изначально весьма низкий достаток, студенты не имели возможности покупать те или иные продукты питания в достаточном количестве и приемлемого качества. Многим из них в решении этого помогали студенческие столовые. Но и в этом случае им приходилось значительно урезать свои гастрономические траты. В начале XX в. большинство имело только один полноценный прием пищи в день – обед. На завтрак и ужин же студент обыкновенно питался чаем с сахаром и хлебом или печеньем [5, с. 39]. Поэтому именно качество обеда служило критерием оценивания условий питания студента, что бралось за основу, например, в студенческих самопереписях [6, с. 51]. Согласно им, около 10 % всех студентов постоянно пропускали обед, т. е. не имели никакого приема пищи, кроме чая, фактически голодая, в связи с недостаточной материальной обеспеченностью [14, с. 313–314], в более редких случаях – из-за «рассеянности», «недостатка времени» [6, с. 49], поэтому студенты, отвечая на вопрос о постоянстве их обеда отвечали: «К счастью, да», «Пока что каждый день», «Слава Богу» и т. д. [6, с. 50–51]. Существовала определенная закономерность в том, что более старшие курсы тратили всё меньше денег на своё питание, с одной стороны, в силу того, что они адаптировались к новым условиям жизни [14, с. 316], но с другой – представляется, что у учащихся, стеснённых тяжелыми условиями жизни, росла апатия и формировались расстройства пищевого поведения, из-за чего они питались меньше и хуже.

Обедали студенты в основном в дешевых общественных столовых, создававшихся комитетами обществ вспомоществования нуждающимся студентам и поэтому называвшихся комитетскими. В Санкт-Петербургском технологическом институте в таких учреждениях обедали около 70 % учащихся [6, с. 75]. К тому же в подобных столовых для самой бедной части выдавались бесплатные обеды – этим пользовались 11 % петербургского студенчества [16, с. 14] и 10 % – московского [8, с. 55]. Обед студента в столовой состоял преимущественно из двух блюд – тарелки мясного супа и мясного жаркого. Иногда давались пирожки. Особо ценилась студентами возможность брать чёрный хлеб и квас, не ограниченные порциями [8, с. 57]. Студенты побогаче пользовались буфетом, где продавали молоко, кисели, пиво, шоколад и т. д. [17, с. 37]. За приготовлением блюд следили сами студенты, работающие в столовой на добровольческой основе, поэтому в качестве еды сомневаться не приходилось [11, с. 30].

Образцовым примером для всего российского студенчества в организации услуг столовых была комитетская столовая при Санкт-Петербургском университете, которая занимала большое трехэтажное помещение и способна была отпускать в день до двух тысяч обедов [17, с. 35–37] (для сравнения «питательная способность» томской столовой ограничивалась 100 клиентами [10, с. 374]). Она напоминала студенческий клуб, где учащиеся могли проводить свой культурный

досуг [14, с. 318]. Комитетские столовые являлись спасением для плохо обеспеченного студента, фактически это была единственная возможность поддерживать свою жизнедеятельность.

Учащиеся высших учебных заведений обедали также и в дешевых частных столовых, так называемых кухмистерских. Данные учреждения не были основаны на филантропических началах и стремились извлечь максимальную выгоду из дешевой стряпни, поэтому зачастую они представляли из себя тесное, грязное помещение с благородным названием отвратной еды – «ростбиф», «антрекот», «Беф строганый», после употребления которого «не успеешь дойти до дому, как опять хочется есть…» [8, с. 63]. В связи с ужасными условиями популярностью кухмистерские не пользовались, а студенты предпочитали иногда голодать, чем идти в подобное заведение [6, с. 75–76]. Примерно пятая часть учащихся выбирала домашние обеды у хозяек квартир за небольшую сумму. На качество предоставляемых услуг влияли сугубо кулинарные способности арендодательницы [8, с. 49–50], поэтому свидетельства об отвратительном качестве еды соседствуют с восторженными отзывами [11, с. 30].

Стеснённые тяжелыми бытовыми условиями, связанными с плохим качеством еды, студенты, получив некоторые права в области обустройства своего социокультурного быта в ходе первой русской революции, направляют свои общественные усилия на улучшение данного положения. В частности, создаются специальные общества, например Общество курсисток и студентов по устройству студенческой столовой в районе клиник в Москве, в деятельности которого принимали участие учащиеся Высших женских курсов и студенты-медики Московского университета, а также члены их семей. Для достижения цели они приобретали различное движимое и недвижимое имущество, нанимали прислугу и помещение [1]. Случалось, что студенты сами требовали от университетской администрации открытия столовой в рамках заведения, а если оказывалось, что в нём места не хватает, предлагали разместить её в частных комнатах ректора или инспектора, что, впрочем, не заканчивалось успехом [12, с. 65–66].

Другой важной расходной статьей учащейся молодежи были траты на одежду. Согласно Университетскому уставу 1884 г., в университетах и институтах вводилась единая обязательная униформа [20, с. 512]. Это было неудобно с материальной точки зрения, так как униформа включала в себя элементы одежды, которые выходили в денежном эквиваленте дороже, чем просто партикулярное платье. Штатный комплект форменного платья состоял из парадного мундира с золотым шитьем, шпаги, сюртука, тужурки, брюк, зимнего и летнего пальто, фуражки [21, с. 194–195]. В условиях ограниченного бюджета любая нештатная ситуация, например поломка обуви, могла привести к серьезному изменению экономического поведения учащегося. Так как одежда стоила дорого, студенты зачастую покупали её поддержанной, ношенной выпустившимися студентами, по дешевой цене в специальных магазинах [16, с. 14]. Бывало, что учащиеся ходили в университет по очереди в одном комплекте одежды. Одалживали студенческую униформу и на различные культурные мероприятия [22, с. 165, 169].

Однако некоторые студенты одевались в мундир, который они специально заказывали у портного, из тонкого английского сукна на белой подкладке, с белым кантом. Это были представители аристократии среди студенчества, которых ненавидела основная масса учащихся, – так называемые белоподкладочники [17, с. 19–20]. У большинства же, наоборот, сформировалась своеобразная мода на неряшливость – одежда должна была быть обязательно помятой, потертой, воротник – расстегнутым, рваная одежда не вызывала каких-либо негативных реакций. Аккуратность – признак буржуазности, по мнению основной массы студентов [22, с. 166–167].

У студенчества не всегда хватало материальных средств на покупку даже необходимых для нормальной жизнедеятельности элементов одежды, так как полный комплект одежды, по воспоминаниям одного из студентов, стоил 150 р. [14, с. 326–327]. В частности, в Томске с его холодным климатом у трети учащихся не было теплого пальто, которое помогло бы пережить морозы, а остальные могли довольствоваться лишь пальто на ватной подкладке [5, с. 48–49]. С другой стороны, некоторые элементы одежды отсутствовали в гардеробе большей части учащихся в связи с их малой востребованностью, например дорогие мундир и форменный сюртук заменяла тужурка [14, с. 329].

Для покрытия всех этих многочисленных расходов студенту необходимо было находить новые источники доходов. Кроме уже упомянутой помощи родителей, студенты активно направ-

ляли свою энергию на заработок денег с помощью той или иной работы. В начале XX в. в Томском университете работающих студентов было 53 % [5, с. 29], в Москве – 41,5 % [4, с. 30], в Петербургском технологическом институте – 36,5 % [6, с. 59]. Таким образом, от трети до половины учащихся в высших учебных заведениях России искали дополнительный заработок, что неминуемо сказывалось на их успеваемости. Самым распространенным и престижным родом работы среди студенчества являлось предоставление частных уроков, т. е. репетиторство. Основными работодателями таких студентов были представители средних городских слоёв, которые располагали лишними средствами, чтобы нанять студента для обучения своего ребёнка [9, с. 612]. Самая выгодная расценка за данный труд – от 20 до 25 р. за академический час. Но иногда репетиторство осуществлялось за чай, обед или квартиру [14, с. 286]. Чрезмерное распространение частных уроков создало ситуацию, когда предложение услуг со стороны студенчества стало превышать спрос на них среди населения. Это привело, во-первых, к тому, что большое количество студентов не могло найти себе работу в этой сфере из-за серьезной конкуренции, а в выигрыше находились, конечно, старшекурсники, у которых в городе были связи [6, с. 64]; во-вторых, к потребительскому, неуважительному отношению нанимателей к труду студентов, что проявлялось в неадекватных требованиях к студентам, зачастую субъективных и не связанных с их профессиональными качествами [14, с. 287]. Вдобавок между нанимателем и студентом не заключалось никакого письменного договора, поэтому учащийся был беззащитен в правовом поле, если происходил какой-нибудь казус, например отказ от оплаты труда. Бывало, что студенты продолжали заниматься репетиторством и в период каникул, переезжая на лето к хозяевам – здесь они были наименее защищены, их часто шантажировали, склоняли к бракам и обманывали в финансовом плане [23, с. 72–73]. Сами учащиеся испытывали разочарование в данном виде работы, считая, что не могут дать полноценного знания своим ученикам и только усугубляют их уровень образования [13, с. 169].

Поскольку не каждый студент соглашался давать частные уроки или мог найти себе ученика с платежеспособными родителями, вставал вопрос о поиске иной работы, зачастую несовместимой с будущей профессией учащегося. «Недостойными» заработками в массе считались служба в качестве контролеров на железных дорогах и пароходах, статистов, пианистов в кинематографах, работа слесарем и на других подобных должностях в промышленном производстве [5, с. 34], не уважали также и тех, кто пел в церковном хоре [15, с. 56]. Трудились учащиеся и в периодической печати и конторах, где переводили произведения с иностранных языков, в которых, впрочем, также существовала проблема отсутствия подобия трудового договора [13, с. 168–169]. Найти работу студентам помогали различные бюро трудоустройства, некоторые из них, например, за 1 р. подыскивали им подходящую должность [17, с. 32]. Однако устремление усилий вне зданий университета зачастую приводило к тому, что страдал уровень учебы студента, его мысли были заняты материальными вопросами, а не академической деятельностью.

Важным подспорьем в материальной сфере считались также стипендии – казенные или частные. Они были способны практически полностью обеспечить жизнь студента, однако количество стипендиатов было строго ограничено, поэтому этим преимуществом довольствовались лишь немногие. Часто большие стипендиальные квоты предоставляли государственные технические институты, например Горный институт в Санкт-Петербурге, почти половина студентов которого могла получить стипендию [12, с. 60], однако это скорее исключение из правил. К тому же критиковалась сама процедура выбора учащегося, которому присуждалась стипендия. Нередко денежные выплаты от университета направлялись инспекцией или правлением университета по критерию политической благонадежности [17, с. 31] и так обеспеченным студентам, а необеспеченные продолжали бедствовать [16, с. 13]. Существовала также практика освобождения студента от платы за обучение, что являлось серьезной помощью, а это дополнительные 20 р. в месяц [14, с. 277]. Данные меры со стороны государства носили половинчатый характер, ничего не меняя по существу, а только лишь одаривая средствами меньшую часть учащихся.

Неблагополучная материальная ситуация, ужасные бытовые условия, сопряженные с отсутствием элементарных санитарно-гигиенических норм, постоянные переработки и связанный с ними стресс неизбежно приводили к тому, что у молодых студентов ухудшалось здоровье.

Этому немало способствовал и характер академической деятельности учащегося, например из-за переводов текстов часами у студентов страдало зрение [14, с. 330]. Согласно переписи московского студенчества начала XX в., 36,2 % респондентов жаловались на болезненное состояние. Самыми распространенными болезнями были туберкулез, желудочно-кишечный катар, заболевания внутренних органов, неврастения, истерия и другие заболевания нервной системы, а также венерические [4, с. 30]. В Варшавском университете 33 % учащихся жаловались на болезни горла, легких, груди; 41 % носил очки в связи с ухудшением зрения; 57 % страдали нервными расстройствами, а 59 % – постоянными головными болями [17, с. 31]. Ситуацию не улучшала и повальная склонность студенчества к употреблению алкоголя и табакокурению [4, с. 30–33; 6, с. 84–85].

Медицинское обслуживание студентов безвозмездно осуществляли врачи высших учебных заведений, амбулаторно и на дому, выдавая некоторым бесплатные лекарства. Однако университетские врачи не справлялись с таким потоком больных, поэтому медицинская помощь оказывалась далеко не всем. Всё это приводило к тому, что без оперативно оказанного лечения заболевания у студенчества превращались в хронические либо же приводили к летальному исходу [14, с. 333–334].

Характеристика материально-бытового положения российского студенчества была бы неполной, если бы мы не сравнили финансовое состояние учащихся в столице и провинции. В целом материальное положение столичного и провинциального студенчества было схожим. Как в Москве и Санкт-Петербурге, так и в провинциальных городах (Томск, Юрьев и др.) большая часть студентов испытывала нужду и неполностью удовлетворяла свои основные потребности. Так, если в конце XIX в. в Московском университете было 53,2 % необеспеченных студентов [14, с. 265], то в Юрьевском университете в 1907 г. бедных студентов – 50,4 % [7, с. 83], а в Томском в 1901 г. – 52,2 % [5, с. 7], что, впрочем, в последних двух случаях при относительной дешевизне жизни в данных городах обусловливалось специфическими условиями этих высших учебных заведений, а именно социальным составом учащихся – высокой долей выпускников семинарий (39,6 и 57,4 % соответственно), зачастую терпевших материальную нужду [14, с. 266].

Но всё же есть отличия в материальной жизни столичного и провинциального студенчества. Так, согласно приведенному в московской студенческой переписи 1907 г. Н.А. Каблуковым сравнению московских и томских жилищных условий, в среднем расходы студента Томского университета на квартиру были на 31 % ниже, чем у студента Московского университета, однако кубическое содержание воздуха для томского студента больше на 9,5 %, что говорит о более приемлемых жилищных условиях в сибирском городе, нежели в столичном [3, с. 63].

В то же время большинству томских студентов в условиях небольшого преимущества в жилищной сфере всё равно приходилось терпеть лишения – при среднем бюджете 25 р. стоимость комнаты с полным обслуживанием (20 р., но в большинстве случаев студенты делили её пополам, живя вдвоём) вместе со средней тратой на обед в месяц (6,15 р.) выходила 26,15 р., что всё равно говорит о явной недостаточности томских студентов [7, с. 29–30]. Для большинства провинциальных студентов верхней границей в расходах на квартиру являлась сумма 20 р., что подтверждает и студенческая квартирная перепись 1909 г. в Киеве, где на таких материальных началах занимали жилье 79,12 % местного студенчества [24, с. 29]. Интересно, что средний расход одного человека на комнату в Киеве даже превышал московские цены – 9,87 и 8,88 р. соответственно [24, с. 56]. Согласно студенческой переписи 1909–1910 гг., в Санкт-Петербургском технологическом институте для полного удовлетворения своих необходимых потребностей не хватало даже 40 р., что служило верхней границей среднего студенческого бюджета, ниже которой находилось 60 % учащихся. Это обусловливалось высокими ценами на жилье и питание в столице [6, с. 47–48]. В условиях ограниченности информации о материальном положении учащихся других университетских городов можно сделать вывод, что студенчество различных высших учебных заведений, несмотря на разную степень дороговизны жизни в них, так или иначе имело сходное тяжелое материальное положение, отличия в котором зависели от специфических условий того или иного города, жалобы на материальное положение, в частности на жилищные проблемы, оставались такими же.

Некоторая разница в положении столичных и провинциальных студентов, а также общая картина сложных обстоятельств финансового и бытового характера имела далекоидущие последствия, которые выражались в поисках причин данного явления. Имеются свидетельства со стороны студентов, что существовала несовершенная система стипендий, выдача которых зависела зачастую от субъективных качеств представителей университетской администрации, в частности инспекторов, плохо осведомленных об истинном материальном положении студенчества [7, с. 21]. Зачастую стипендии могли сознательно присуждаться и так обеспеченным учащимся, в том числе имевших плохую успеваемость [10, с. 371–372], что было связано с предвзятым и несправедливым отношением университетской администрации к материально необеспеченной части учащихся [9, с. 537]. Однако это лишь частность, и представляется, что главной причиной своей бедности студенчество считало отнюдь не это. Интересно, что студенчество в своих предложениях по улучшению собственного материального положения всегда возлагало ответственность в этой сфере не на государство, а на русскую общественность, бывших студентов и местную власть [7, с. 54; 10, с. 365–366]. Как отмечал известный врач-психиатр начала XX в. Е. П. Радин, что, по всей видимости, являлось общепринятым мнением в данный период времени, «на государство надеяться пока бесполезно» [25, с. 113]. Исходя из этого, можно предположить, что основная масса студенчества видела причину своего бедственного положения именно в бездействии самого российского общества, что, впрочем, по замечанию бывшего студента В. Курбского, было неэффективно: «Не в этом обществе, где все построено на мелком расчете и выгоде, идеальный юноша найдет себе поддержку. Он скорее умрет от голодного тифа, чем найдет себе поддержку» [26, с. 123].

Однако поиск причин, виновных и ответственных был далеко не самым опасным результатом непростого материально-бытового положения российского студенчества. Согласно статистике, полученной из студенческих переписей, уровень материального положения напрямую влиял на степень политического радикализма студенчества. Так, согласно студенческой переписи 1907 г. в Юрьеве, доля студентов левых взглядов была больше в бедной группе учащихся (бюджет 10–20 р.) – 52,4 %, а меньше – в обеспеченной группе (бюджет выше 30 р.) – 10,3 %. Подобная динамика прослеживается и со студентами, принадлежавшими к конституционно-демократическому лагерю: 47,86 и 18,07 % соответственно [7, с. 84]. К тому же автор данной переписи отмечает зависимость между низким социальным положением студенчества и высокой степенью их восприимчивости к влиянию со стороны различной литературы, с помощью которой студент пытается определить своё отношение к различным сторонам жизни, и это способствует его радикализму [7, с. 106].

Подобная связь со схожей динамикой между размером бюджета и приверженностью к определенному политическому лагерю выявлена и в Санкт-Петербургском политехническом институте в 1912 г. Средний месячный бюджет студентов-анархистов составлял 31 р., радикалов (социал-демократы, эсеры, народные социалисты) – 33,4, прогрессистов – 40,1, октябристов – 44,8, правых – 48,9 р. [27, с. 169]. Иными словами, тяжелое имущественное положение учащихся высших учебных заведений напрямую способствовало повышению их радикализма в политической сфере.

Таким образом, основная масса студенчества, будучи стесненной различными неблагоприятными материальными факторами, связанными с дороговизной жизни в новом городе и отсутствием действенных мер в области поддержки учащихся со стороны правительства и университетской администрации, такими как некачественное питание, сопряженное с постоянным голодом, неблагоустроенность жилья, стремится к выработке стратегии выживания, заключавшейся в поиске новых форм заработка, покрывавших многочисленные расходы. В результате страдало не только качество участия студента в академическом процессе, но также, в силу чрезмерного высвобождения физических и психологических сил, это приводило к ухудшению его здоровья, что в условиях некачественной медицины, единственно доступной ему, могло существенно парализовать его жизнь. Студент таким образом не мог найти точку опоры в своей жизнедеятельности и оказывался в вечном противоречивом и неустойчивом положении, как в случае с неопределенным правовым статусом, мешавшим его духовному развитию.

Список источников

1. Устав Студенческого общежития имени Императора Николая II при Императорском Московском университете URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004625556/ (дата обращения: 25.06.2025).

2. Устав Общества курсисток и студентов по устройству студенческой столовой в районе клиник. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003750831/ (дата обращения: 25.06.2025).

3. Студенческий квартирный вопрос в Москве: студ. квартир. перепись в Москве 1907 г. / под ред. и с предисл. Н.А. Каблукова. М.: О-во взаимопомощи студентов-юристов Московского ун-та, 1908. 79 с.

4. *Членов М.А.* Половая перепись московского студенчества и ее общественное значение. М.: Студ. мед. издат. комиссия, 1909. 104 с.

5. *Соболев М.Н.* Экономическое положение томских студентов. Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1902. 54 с.

6. К характеристике современного студенчества (по данным переписи 1909–1910 г. в С.-Петербургском технологическом институте) / под ред. и с предисл. М.В. Бернацкого и при участии Д.П. Никольского. 2-е изд. СПб.: Науч.-экон. кружок при СПб. технол. ин-те, 1911. 85 с.

7. Студенчество в цифрах по данным переписи 1907 года в Юрьеве / сост. М. Бенасик; под ред. В.В. Святловского; предисл. В.В. Святловского. СПб.: О-во юрьев. студентов, 1909. 136 с.

8. *Иванов П.К.* Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. М.: СМЛ-групп, 2022. 319 с.

9. Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917) : сб. / вступ. ст. Ю. Емельянова. М.: Современник, 1989. 735 с.

10. Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2014. 508 с.

11. *Наливкин Д.В.* Из далекого прошлого (Воспоминания студента и профессора Горного института). Л.: Наука, 1981. 100 с.

12. *Павлов М.А.* Воспоминания металлурга. М.: Металлургиздат, 1943. 289 с.

13. *Шацкий С.Т.* Автобиографические работы // Пед. соч. : в 4 т. / под ред. И. А. Каирова [и др.]. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1963. Т. 1. 504 с.

14. *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.

15. *Юркина Н.Н.* Материальное положение учащейся молодежи Российской империи XIX – начала XX века // Преподаватель XXI век. 2016. № 3-1. С. 53–61. EDN: WQSAWB.

16. *Юркина Н.Н.* Эволюция мировоззрения российского студенчества в XIX – начале XX в. // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманит. науки. 2022. № 2 (62). С. 10–29. EDN: JRMMZH. https://doi.org/10.21685/2072-3024-2022-2-2

17. *Олесич Н.Я.* Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 208 с.

18. *Степнов А.О., Фоминых С.Ф.* По страницам штрафной книги: система наказаний и практики сопротивления студенчества дисциплинарному надзору в Императорском Томском университете (1893–1899 гг.) // Вестн. Томского гос. ун-та. 2019. № 443. С. 184–197. EDN: XKTIHP. https://doi.org/10.17223/15617793/443/23

19. Россия, 1913 год : стат.-док. справочник / ред. А.П. Корелин. СПб.: Блиц, 1995. 415 с.

20. Устав Императорских российских университетов. 23 августа 1884 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 9 : Царствование императора Александра III. 1884. СПб.: Обществ. польза, 1893. 674 с.

21. *Ривош Я.Н.* Время и вещи: очерки по истории материальной культуры в России начала XX в. М.: Искусство, 1990. 304 с.

22. *Кобозева З.М.* Студенческий костюм второй половины XIX века: от знака к тексту (к постановке проблемы) // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры / науч. ред. П.С. Кабытов. Самара: Универс-групп, 2004. С. 164–169.

23. *Милюков П.Н.* Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 528 с.

24. *Александров Д.* Студенческие квартиры в Киеве (Итоги студенческой квартирной анкеты, произведенной в Киеве 16–20 ноября 1909 г.). Киев: Тип. И.П. Чоколова, 1910. 80 с.

25. *Радин Е.П.* Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 года: психологическая и социологическая самооценка, разочарованность. СПб.: Изд. Н.П. Карбасников, 1913. 118 с.

26. *Курбский В.* Очерки студенческой жизни (Из дневника бывшаго студента). М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912. 203 с.

27. *Струмилин С.Г.* Из итогов одной анкеты // Избр. произведения : в 5 т. Т. 1 : Статистика и экономика. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 167–170.

References

1. *Charter of the Emperor Nicholas 2nd Student Dormitory at the Imperial Moscow University*. Available from: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004625556/ [Accessed 25th June 2025]. (In Russ.).

2. *Charter of the Society of Female and Male Students for the Establishment of a Student Canteen in the Area of Clinics*. Available from: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003750831/ [Accessed 25th June 2025]. (In Russ.).

3. Kablukov N.A., ed. *Student housing issue in Moscow: student housing census in Moscow in 1907*. Moscow: Society for Mutual Assistance of Law Students of Moscow University; 1908. 79 p. (In Russ.).

4. Chlenov M.A. *Sex census of Moscow students and its social significance*. Moscow: Student Medical Publishing Commission; 1909. 104 p. (In Russ.).

5. Sobolev M.N. *Economic situation of Tomsk students*. Tomsk: Steam Typography and Lithography by P.I. Makushin; 1902. 54 p. (In Russ.).

6. Bernatsky M.V., Nikolsky D.P., eds. *Towards the characteristics of modern students (according to the 1909-1910 census at the St. Petersburg Technological Institute)*. 2nd ed. St. Petersburg: Scientific and Economic Circle at the St. Petersburg Technological Institute; 1911. 85 p. (In Russ.).

7. Benasik M., comp. *Student population in figures according to the 1907 census in Yuryev*. V.V. Svyatlovsky (ed.), V.V. Svyatlovsky (foreword). St. Petersburg: Yuryev Students' Society; 1909. 136 p. (In Russ.).

8. Ivanov P.K. *Students in Moscow. Everyday life. Customs. Types*. Moscow: SML-group; 2022. 319 p. (In Russ.).

9. *Moscow University in the memoirs of contemporaries (1755-1917)*. Introduction by Yu. Emelianov. Moscow: Contemporary; 1989. 735 p. (In Russ.).

10. Fominykh S.F., Nekrylov S.A., Gribovsky M.V. et al., comp. *Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries*. Tomsk: Publishing House of Tomsk University; 2014. 508 p. (In Russ.).

11. Nalivkin D.V. *From the distant past (Memoirs of a student and professor of the Mining Institute)*. Leningrad: Science; 1981. 100 p. (In Russ.).

12. Pavlov M.A. *Memories of a metallurgist*. Moscow: Metallurgy Publishing House; 1943. 289 p. (In Russ.).

13. Shatsky S.T. Autobiographical works. *Pedagogical works*: in 4 vols. I.A. Kairov (ed.) et al. Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the Russian Soviet Federative Socialist Republic; 1963, vol. 1. 504 p. (In Russ.).

14. Ivanov A.E. *Students in Russia in the late 19th - early 20th century: social and historical destiny*. Moscow: Political Encyclopedia; 1999. 414 p. (In Russ.).

15. Yurkina N.N. Financial situation of student youth in the Russian Empire in the 19th - early 20th centuries. *Teacher of the 21st Century*. 2016;(3-1):53-61. (In Russ.). EDN: WQSAWB

16. Yurkina N.N. Evolution of the worldview of Russian students in the 19th - early 20th centuries. *Bulletin of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanities*. 2022;(2):10-29. (In Russ.). EDN: JRMMZH. https://doi.org/10.21685/2072-3024-2022-2-2

17. Olesich N.Ya. *Gentleman student of the Imperial St. Petersburg University*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University; 1999. 208 p. (In Russ.).

18. Stepnov A.O., Fominykh S.F. Through the pages of the penalty book: the system of punishments and practices of student resistance to disciplinary supervision at the Imperial Tomsk University (1893-1899). *Bulletin of Tomsk State University*. 2019;(443):184-197. (In Russ.). EDN: XKTIHP. https://doi.org/10.17223/15617793/443/23

19. Korelin A.P., ed. *Russia, 1913: statistical and documentary reference book*. St. Petersburg: Blitz; 1995. 415 p. (In Russ.).

20. Charter of the Imperial Russian Universities. 23rd August 1884. *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education*. Vol. 9: The reign of Emperor Alexander 3rd. 1884. St. Petersburg: Public Benefit; 1893. 674 p. (In Russ.).

21. Rivosh Ya.N. *Time and things: essays on the history of material culture in Russia at the beginning of the 20th century*. Moscow: Art; 1990. 304 p. (In Russ.).

22. Kobozeva Z.M. Student costume of the second half of the 19th century: from sign to text (towards the formulation of the problem). *Samara region in the context of Russian and Slavic history and culture*. P.S. Kabytov (ed.). Samara: Univers-group; 2004:164-169. (In Russ.).

23. Milyukov P.N. *Memories*. Moscow: Political Publishing House; 1991. 528 p. (In Russ.).

24. Aleksandrov D. *Student apartments in Kyiv. Results of the student apartment questionnaire, conducted in Kyiv on 16th - 20th November 1909*. Kyiv: Printing House of I.P. Chokolov; 1910. 80 p. (In Russ.).

25. Radin E.P. *Mental mood of modern student youth, according to the St. Petersburg all-student questionnaire of 1912: psychological and sociological self-esteem, disappointment*. St. Petersburg: Published by N.P. Karbasnikov; 1913. 118 p. (In Russ.).

26. Kurbsky V. *Essays on student life (From the diary of a former student)*. Moscow: Typo-lithography of the partnership I.N. Kushnerev and Co.; 1912. 203 p. (In Russ.).

27. Strumilin S.G. From the results of one questionnaire. *Selected works*: in 5 vols. Vol. 1: Statistics and economics. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1963:167-170. (In Russ.).

Информация об авторах

П.Г. Култышев – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории XX–XXI вв. (базовая кафедра ЮНЦ РАН) Института истории и международных отношений ЮФУ.

Г.Р. Абузяров – студент Института истории и международных отношений ЮФУ.

Information about the authors

P.G. Kultyshev – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Russian History of the 20th-21st Centuries (basic Department of the SSC RAS), Institute of History and International Relations, SFedU.

G.R. Abuzyarov – student of the Institute of History and International Relations, SFedU.

Статья поступила в редакцию 07.09.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 12.09.2025.
The article was submitted 07.09.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 12.09.2025.

Научная статья
УДК 93/94
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-80-88

П.Н. МИЛЮКОВ В 20–30-е ГОДЫ XX В.: ИТОГОВЫЕ ОЦЕНКИ «БОЛЬШЕВИСТСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА»

Константин Германович Малыхин [1]✉, Виктория Сергеевна Кравец [2]
[1, 2] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
[1] Malikhin@sfedu.ru✉
[2] vkravec@sfedu.ru

Аннотация. Рассматривается эволюция воззрений и прогнозы П.Н. Милюкова, выдающегося русского политика, историка, представителя русского левого либерализма, относительно развития России в 1920–1930-е гг. на материале публикаций парижской газеты «Последние новости». Выявлено, что он предсказывал неизбежную гибель большевистского режима из-за противоречий нэпа и социально-экономической модели. Но И.В. Сталин и элита не стали ждать, когда народная стихия сметет правящий режим, а начали создавать изолированную экономическую систему, основанную на закрепощении русского крестьянства. Советская экономика в 30-е гг. XX в. работала вне любых экономических законов и была нерентабельной, затратной и неэффективной. Большевистский режим постепенно перерос в сталинскую деспотию. По мнению П.Н. Милюкова, возникшее общество не имело ничего общего с социальным идеалом В.И. Ленина. Тем не менее исследователь не отрицал гигантского цивилизационного сдвига в российской промышленности и сельском хозяйстве и называл это общество социалистическим, несмотря на все его противоречия. Анализ, проделанный П.Н. Милюковым в 20–30-е гг. XX в., остается актуальным и в первой четверти XXI в.

***Ключевые слова*:** русское зарубежье 20–30-х гг. XX в., диаспора, политика России и СССР, большевистская Россия, большевистский режим, сталинская диктатура, эмиграция, левый либерализм, периодика

Для цитирования: Малыхин К.Г., Кравец В.С. П.Н. Милюков в 20–30-е годы XX в.: итоговые оценки «большевистского эксперимента» // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 3. С. 80–88. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-80-88

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

P.N. MILYUKOV IN THE 20-30s OF THE 20th CENTURY: FINAL ASSESSMENTS OF THE “BOLSHEVIK EXPERIMENT”

Konstantin G. Malykhin [1]✉, Victoria S. Kravets [2]
[1, 2] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
[1] Malikhin@sfedu.ru✉
[2] vkravec@sfedu.ru

Abstract. The article examines the evolution of the views and forecasts of P.N. Milyukov, a prominent Russian politician, historian, and representative of Russian left-wing liberalism, regarding Russia's development in the 1920s and 1930s, based on publications in the Parisian newspaper “Latest News”. It is revealed that he predicted the inevitable demise of the Bolshevik regime due to the contradictions between the New Economic Policy (NEP) and the socioeconomic model. However, I.V. Stalin and the elite did not wait for popular uprisings to sweep away the ruling regime; instead, they began to create an isolated economic system based on the enslavement of the Russian peasantry. The Soviet economy in the 1930s operated outside all economic laws and was unprofitable, costly, and ineffective. The Bolshevik regime gradually degenerated into Stalinist despotism. According to P.N. Milyukov, the emerging society had nothing in common with the social ideal of V.I. Lenin. Nevertheless, the researcher did not deny the gigantic civilizational shift in Russian

© Малыхин К.Г., Кравец В.С., 2025

industry and agriculture and called this society socialist, despite all its contradictions. The analysis conducted by P.N. Milyukov in the 1920s and 1930s remains relevant in the first quarter of the 21st century.

***Keywords*:** Russian diaspora of the 20-30s of the 20th century, diaspora, politics of Russia and the USSR, Bolshevik Russia, Bolshevik regime, Stalin's dictatorship, emigration, left-wing liberalism, periodicals

For citation: Malykhin K.G., Kravets V.S. P.N. Milyukov in the 20-30s of the 20th Century: Final Assessments of the "Bolshevik Experiment". *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(3):80-88. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-80-88

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Павел Николаевич Милюков – выдающийся русский политик, историк, крупнейший представитель русского левого либерализма, человек, который посвятил всю свою жизнь борьбе с тиранией сначала в императорской, а затем и в большевистской России, обладал редким аналитическим талантом. После скитаний революционной эпохи он оказался в Париже, где стал главным редактором самой популярной ежедневной газеты русских беженцев «Последние новости», которую он издавал с 1920 по 1940 г., вплоть до оккупации Парижа нацистами. На страницах этого издания отразился тот самый аналитический дар П.Н. Милюкова. Как главный редактор, он вел свою колонку в газете, где откликался на все значимые события российской и международной жизни, и публиковал статьи на интересные темы. Павел Николаевич вступал в очную и заочную полемику и с публицистами «Последних новостей», и с политиками, не разделявшими его взгляды, из всего широкого спектра русской диаспоры тех лет – от социалистов и сменовеховцев до националистов и монархистов. Публикации в «Последних новостях» позволяют проследить эволюцию воззрений П. Н. Милюкова. В эмиграции крупнейший русский политик постепенно стал еще и великим исследователем, не только историком, но и социологом.

В 30-е гг. XX в. большевистская Россия постепенно превратилась в сталинский Советский Союз. П.Н. Милюков попытался проанализировать эту новую историческую реальность – советскую военно-индустриальную державу – и понять, что в историко-социологическом плане представлял из себя СССР, насколько заявленные лидерами страны свершения и оценки совпадали с реальными результатами, насколько это общество соответствовало представлениям К. Маркса и Ф. Энгельса о социализме и коммунизме, как этот вариант общественного развития соотносился с идеями основателя нового Российского государства – В. И. Ленина, какие исторические перспективы могли быть у «большевистского эксперимента» (этот термин ввел в политический и научный оборот П.Н. Милюков).

Результаты исследования

П.Н. Милюков связывал возникновение современной ему политической карты Европы с появлением наций и национальных государств. Определяющим фактором при этом он считал становление национальной интеллигенции, формирующей язык новой нации. Зарождение русской нации он относил к началу XIX в., эпохе Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина, заложивших русский литературный язык, а не Петра Великого или даже М.В. Ломоносова.

«Национальность создается стихийно из подвижного материала и приобретает более прочную форму, когда вырабатывается орган национальной воли. Социальная воля и память являются устойчивой преемственностью. Только то общество может вырабатывать сознание, которое имеет для этого группу людей, ***мыслящих за народ, – интеллигенцию.*** Эти органы в разное время бывают различными.

Сознание национальности проникает сверху вниз. Первые шаги сознания делаются вождями. Потом сознание себя членом нации охватывает все более широкие слои.

Первоначальная ***язычная*** граница создается в пределах княжества. Когда появляется орган народной памяти – интеллигенция, является литературный язык и из моря народных говоров, выбирающий определённые элементы, официализирующие единство языка на большой территории. Стабилизация национального языка в каждом государстве определяет момент начала

широкого национального сознания. У нас момент стабилизации языка определяется именами даже не Ломоносова, а скорее Карамзина или Пушкина» [1, с. 1].

Советский Союз, как следствие русской революции и логическое развитие большевизма как ее закономерного выражения, по мнению П.Н. Милюкова, никак не вписывался в систему национальных государств. Большевизм пытался перенести русский революционный процесс в Европу, добиться победы так называемой мировой пролетарской революции, однако все закончилось установлением власти большевиков на территории бывшей Российской империи. Фактически получилось, что большевики начали осуществлять великий социально-экономический и политический эксперимент над целой страной.

«Так как советская республика не только государство, но и опыт, то мы найдем в советской конституции следы неудержимого стремления производить опыты, и притом, как всегда бывает с коммунистами, неудачные.

Советское государство возникло не из национального корня, как все современные государства, а из стремления к интернациональному объединению всех трудящихся. … СССР не есть государство в собственном смысле этого слова. … Он не представляет из себя прочно установленного государственного порядка. Он может в любой момент исчезнуть…» [2].

Соответственно, великий русский ученый П.Н. Милюков очень внимательно исследовал из своей «парижской лаборатории» этот пресловутый «большевистский эксперимент». Не связанный с идеологическими или финансовыми ограничениями, он сумел изучить большевистско-советскую модель достаточно беспристрастно и очень глубоко.

Анализировать «большевистский эксперимент» П.Н. Милюков начал буквально с первых выпусков газеты «Последние новости». Опираясь на свой интеллект, он рассмотрел все его основные аспекты как серьезный ученый, избегая излишней политизированности и пристрастности. Все это позволило ему сделать серьезные выводы и прогнозы развития страны и в 20-е, и в 30-е гг. XX в.

«Большевистский эксперимент» базировался прежде всего на центральной идее «романтического» периода русской революции, идее мировой революции, которая должна была компенсировать историческую отсталость России и ее неготовность к классической западноевропейской марксистской схеме формационного развития. Отголоски этого проявились в самом факте создания СССР как государства, которое должно было охватить весь мир, по мере развития революционного мирового процесса, в той или иной форме.

«Более того, раз Советское государство не имеет национального стержня, то пределы его безграничны, оно стремится впитать в себя все народы мира» [3].

Тем не менее провал большевистских планов международного революционного развития в начале 20-х гг. XX в. и движение российских народных масс заставили большевиков пойти на серьезные уступки. В 1921 г. большевики ввели нэп, и страна как бы вернулась к нормальному историческому развитию.

Рассматривая новую российскую социально-экономическую реальность, П.Н. Милюков обратил внимание, что послевоенная страна отличалась от довоенной разительно. Россия, до войны находившаяся на начальных стадиях своего индустриального развития и только догоняющая государства «первого эшелона» модернизации, оказалась фактически отброшена к исходной точке индустриального развития. Помимо того, что война разрушила и материальную основу индустриального производства в России и нивелировала рыночное развитие довоенной русской деревни, она основательно сократила главное достижение предыдущей эпохи – человеческий капитал. Интеллигенция и русский индустриальный рабочий класс значительно сократились. Все эти факторы привели к значительному росту издержек производства и, соответственно, к росту цен на промышленные изделия в послевоенной России.

В итоге осенью 1923 г. возник первый социально-экономический кризис в нэповской России. Потребители, а это прежде всего крестьяне, стихийно отказались покупать продукцию городской советской рыночной промышленности, что могло погубить только начавшую восстанавливаться после войны городскую индустриальную отрасль [4].

Действуя на «злобу дня», большевики просто вмешались в рыночные механизмы российской промышленности, конфисковали запасы товаров у частных собственников, снизили цены,

зачастую ниже уровня издержек производства, что в результате привело к 1925 г. к новой проблеме – тотальному дефициту промышленных товаров, так называемому товарному голоду, что, в свою очередь, лишало крестьян стимула к расширению производства и приводило к недовольству существующим политическим режимом большевистской диктатуры.

«Если оно [правительство] берет крестьян в „железо“, понижая цены сельскохозяйственных продуктов путем усиленного выкачивания сельхозналога при помощи соответствующей политики хлебозаготовительных органов, и назначает на свои промышленные товары высокие цены, в соответствии с низкой производительностью труда и фатальными „накладными расходами“, то получаются „ножницы“, промышленные товары оказываются недоступными для населения и остаются непроданными, и в конечном счете государство имеет убыток. Когда же правительство при виде этой „конъюнктуры“ понижает промышленные цены и дает повышаться сельскохозяйственным, то мизерные по сравнению с потребностями изделия промышленности оказываются быстро проданными, наступает „бестоварье“ и уменьшаются средства на хлебозаготовительном рынке, а с другой стороны, увеличивается дороговизна жизни в городах, т. е. при уменьшении доходов промышленности увеличиваются ее расходы» [5].

В то же время П.Н. Милюков решительно выступил против самой идеи насыщения внутреннего рынка путем ослабления монополии внешней торговли, допуска на рынок внешних товаропроизводителей. По его мнению, это неизбежно привело бы к полному краху только что с трудом восстановленной российской индустрии [6].

«В окарикатуренной форме здесь, несомненно, поставлен серьезный вопрос о правильном соотношении национальной обрабатывающей промышленности с промышленностью добывающей… Возражение Ларина против разрушения русской промышленности нужно признать, конечно, основательным: альтернатива здесь одна – Россия „колония“» [7].

Кроме того, большевики в первой половине 20-х гг. XX в. были лишены возможности привлечь на государственном уровне крупные западные инвестиции. Это ясно показала конференция в Генуе осенью 1922 г. Западные страны потребовали признания так называемого русского долга, задолженности Российского государства, возникшей в годы Первой мировой войны. Павел Николаевич полностью поддержал вывод своего коллеги, ведущего русского экономиста С.Н. Прокоповича о невозможности любого русского национального правительства, независимо от его политического облика, признать эту задолженность в силу разорения страны.

«Было бы ошибочно поэтому делать заявления, что Россия при другом правительстве и других обстоятельствах тотчас сможет уплатить все свои долги» [8].

Частные западные инвесторы не спешили делать инвестиции в советскую экономику, опасаясь непредсказуемости политического режима в стране. Анализ данной ситуации позволил П.Н. Милюкову в середине 20-х гг. XX в. сделать вывод о неминуемой гибели большевистского режима в ходе развертывания внутренних противоречий нэпа. Недовольство крестьян должно было привести к новому социальному взрыву. Вопрос был только в его сроках и формах.

«До сих пор советское хозяйство только и занималось тем, что переходило от „кризиса сбыта“ советской промышленности к „товарному голоду“ и обратно. Сейчас оно опять находится во втором положении: вопли на полное отсутствие промышленных товаров несутся отовсюду. Вот тот момент, когда крестьянское население, наконец, приобретает покупательные средства, каких оно не имело уже много лет, в эту решительную минуту советская промышленность оказывается абсолютно неспособной удовлетворить интересы населения» [9].

Во второй половине 20-х гг. XX в. предсказания Павла Николаевича постепенно начали сбываться. Крестьяне, не имея стимулов для развития рыночного хозяйства, начали процесс перехода к натуральной его форме, сокращая тем самым экспортный потенциал советской экономики и подрывая возможности развития новой российской индустрии.

«Ясно, что „ворчание“ крестьян снова дает знать и с грозной силой. На советских верхах чувствуется, что приближается новая полоса „активности“ и создается настроение панической суеты и спешки» [10].

Новый лидер страны И.В. Сталин, никогда при жизни В.И. Ленина не претендовавший на роль партийного теоретика, волей судьбы оказался на вершине российского политического олимпа и искал выход из того тупика, куда, казалось, завела история большевистскую Россию.

Вместо надежд на мировую революцию он предложил новый путь, который мог привести большевиков к победе, – путь построения социализма в одной стране, по сути, это означало создание изолированной советской экономической системы.

«…***Тут мы находим второй пункт этой „теории“, которую было бы крайне несправедливо отнести к ленинизму: это совершенно самостоятельный „сталинизм“***. Это основное положение заключается в том, что „полный социализм“ может наступить в одной стране, хотя бы капитализм сохранялся во всем остальном мире. На самом деле, при всех внутренних противоречиях и постоянных несостыкованиях своей теории, Ленин, разумеется, не мог утверждать подобной нелепости» [11].

В итоге И.В. Сталин не стал ждать раскрытия всех противоречий нэпа, способных повлечь гибель большевистского режима, а совершил «наступление» первым. Несовершенство нэпа привело в начале 1927 г. к отказу крестьян от продажи сельхозпродукции, а затем и к «чрезвычайным мерам», продразверстке, страшному «призраку» гражданской войны. Ответом крестьян стала так называемая посевная стачка, сокращение производства до уровня личного потребления. Ситуация в перспективе грозила скатыванием к новой гражданской войне, как и предсказывал П.Н. Милюков.

«И.В. Сталин, понимая бесперспективность возвращения к продразвёрстке, предложил путь закрепощения крестьян через коллективизацию. Основой социальной политики нового типа стало беднейшее крестьянство, не связанное с рынком и надеющееся поправить своё положение в крупном коллективном хозяйстве. В будущем новая индустрия, построенная на крестьянских костях, должна была компенсировать потери переходного периода. Ведь на этом – на непременном насильственном обирательстве – покоится вся система „индустриализации“. А индустриализация есть единственный способ, чтобы обеспечить в будущем техническую перестройку и прогресс сельского хозяйства» [12].

Опираясь на свою концепцию построения социализма в одной стране, И.В. Сталин при поддержке большинства коммунистов начал крайне рискованный социально-экономический и политический эксперимент, основанный на насильственной коллективизации крестьянских хозяйств как базы, внутренней колонии для индустриализации российского города.

«Напротив, советское правительство, исходя не из корня, а из симптомов, на которые оно наталкивалось, всё более запутываясь в трудностях, дошло до мероприятий, необычайно ухудшивших положение. Оно придумало „индустриализацию“ как средство устроить население, приливавшееся в результате аграрного перенаселения в города, и, возлагая ради индустриализации тяготы на деревню, натолкнулось на тот факт, что не может получить нужное ему продовольствие» [12].

Первоначально П.Н. Милюков был уверен, что Россия не примет тяготы большевистской трансформации «Великий перелом» и все закончится всеобщим народным восстанием, которое сметет большевистский режим. Казалось, что академический анализ из его «парижской лаборатории» давал все основания для справедливости подобного научного прогноза.

В 1929 г. русская эмиграция широко отмечала семидесятилетний юбилей Павла Николаевича как будущего премьера нового русского Временного правительства, которое возникнет в сбросившей «оковы» большевистской диктатуры России. Но все произошло с точностью до наоборот. Русский и другие народы Советского Союза приняли и выдержали все тяготы и ужасы переломного периода советской истории: из России нэповской родилась совершенно новая страна – индустриальный СССР.

Павел Николаевич как настоящий ученый был вынужден признать провал своих научных прогнозов и утешаться фразой, что «умом Россию не понять». В первой половине 30-х гг. XX в. он оценил успех большевистского дела по преобразованию России.

Русская диаспора ясно осознала, что становление новой сталинской России сделало надежды на возвращение на родину совсем призрачными, после чего русское зарубежье стало быстро растворяться в среде принявших его стран.

П.Н. Милюков продолжил исследовать уже новую советскую историческую действительность. Он писал о противоречивом характере большевистской социально-экономической моде-

ли. Он обратил внимание на «штурмовой», затратный, оторванный от потребностей народа тип сталинской индустриальной революции, не отрицая в то же время ее количественные успехи.

«Сталинский режим убивает волю к труду, саму потребность в труде. Промышленное хозяйство построено на безответственности, не только убивает народное благосостояние, но даже технически не может достигнуть тех результатов, какие дает самое отсталое капиталистическое государство» [13].

В советской экономике перестали работать экономические законы, прежде всего закон стоимости, нормальная финансовая система, все основные достижения индустриальной цивилизации. Экономика базировалась на безжалостной перекачке средств из деревни в город. Рабская эксплуатация колхозной деревни покрывала совершенно нерентабельный вариант российской индустрии [14].

В то же время П.Н. Милюков признал реальный факт колоссальных перемен в Советском Союзе, и более того, с 1934 г. он стал употреблять термин «социализм» в отношении Советской России без кавычек, признавая тем самым успех дела своих оппонентов. По его мнению, сталинская Россия превратилась в мощнейшую, независимую от остального мира державу [2].

Очень серьезно П.Н. Милюков проанализировал и сталинский Большой террор середины 30-х гг. XX в. Он сразу понял, что эти события означали серьезную трансформацию всего политического строя СССР, в основе которого лежат три силы: большевистская партия, тайная полиция и Красная армия.

К этому времени правящая партия окончательно утратила прежний революционный потенциал и превратилась в профессиональных чиновников, слабо зависящих от лидера государства, вознамерившегося стать диктатором страны.

«По мере превращения олигархии в диктатуру Сталина партийная опора сильно потеряла в прежнем значении для власти. Партия, когда-то пересозданная ее генеральным секретарем, отбилась от рук … превратилась в нестройное слагаемое больших и мелких местных сатрапов, засидевшихся на местах и ускользавших от центрального контроля» [15, с. 2]. Закономерно, оценивал П.Н. Милюков, Сталин решил расправиться с партий, заменив ее свежими силами, напрямую зависимыми от диктатора, что послужило самосохранению сталинской деспотии.

Второй опорой режима была тайная полиция, во многом независимая от закона и самого диктатора. И.В. Сталин не стал долго терпеть такое положение и решил подмять ее под свой полный контроль. Этот процесс был положен арестом лидера тайной полиции, казалось бы, всесильного Г. Ягоды [15, с. 2].

«Оставалась третья опора режима, не только не потревоженная в своем существовании, но, напротив, выдвинувшаяся, благодаря международной обстановке последних лет, на первое место. Это – красная армия. Реорганизация средств обороны СССР была в значительной степени поставлена задачей первой пятилетки. Военной обороне страны была посвящена энергичная пропаганда, и она сделала свое дело. Молодое поколение выросло с патриотическими настроениями, враждебными прежнему официальному интернационализму; на этом основании оно готово было принять с удовлетворением все партийные меры Сталина, направленные к ликвидации старых большевиков» [15, с. 2].

Сталинская армия, по мнению П.Н. Милюкова, во многом строилась на принципе профессиональной защиты Отечества вне связи с внутренним политическим развитием страны. Чистка, сопровождавшаяся арестами и уничтожениями новых советских офицеров и генералов, вызвала справедливое недоумение у Павла Николаевича: «Есть ли это обычный в тактике Сталина шаг назад после нескольких шагов вперед с целью сохранения хотя бы остатков разрушаемой идеологии, т. е. просто очередной зигзаг диктатора, или это плод последовательной политики в стиле сиракузского тирана Дионисия и нашего Ивана Грозного, систематически сбивавших головы верхушкам?» [15, с. 3].

Павел Николаевич пришел к выводу, что помимо уничтожения возможных конкурентов система террора должна была сформировать сам режим деспотии, когда любой человек, независимо от своего положения или заслуг, оказывался совершенно беззащитен перед произволом диктатора и его новых «опричников». Он прекрасно понимал, что все признания жертв террора получены путем средневековых пыток, как и во времена Ивана Грозного.

«По идущим оттуда сведениям никто в настоящую минуту не может считать вне опасности не только свою свободу, но даже и жизнь. Ибо тот штамп, которым власти клеймят общее понятие „врага народа“, настолько широк и неопределенен, что под него может подойти любой советский деятель. „Троцкист“, „контрреволюционер“, „шпион“ – в России есть всякий человек, неугодный Сталину. Можно даже заставить его открыто признаться во всем, в чем угодно, методами, пока еще не совсем ясными, но во всем случае весьма действительными. Для людей, не желающих пройти длинную галерею „мистерий“, приводящих к таким добровольным признаниям, остается один метод: метод Гамарника (Гамарник успел застрелиться, чтобы не попасть в руки сталинских палачей. – *К. М., В. К.*). <…> Не может быть спора, конечно, что трафаретная формулировка обвинения – с последовавшим якобы „сознанием“ подсудимых – насквозь фальшива и ничего объяснить не может. Казненные генералы, конечно, не были изменниками и предателями родины, не были „агентами Германии и Японии“, не собирались делить Россию и продавать военные секреты. Нельзя считать их и исполнителями планов каких-то неведомых „крупных помещиков и капиталистов“. Если кем-либо был нанесен тяжелый удар обороне России, то это сделано именно Сталиным в результате его погромной тактики» [15, с. 3].

Фактически уничтожив старую большевистскую партию, наследие революционной ВЧК, офицерские кадры Красной армии, И. В. Сталин выстроил самую настоящую деспотию, базирующуюся на терроре, страхе, пытках и отсутствии принципа безопасности в СССР. Таким образом, во второй половине 30-х гг. XX в. большевистская диктатура выродилась в единоличную сталинскую деспотию. Новые сталинские чиновники, помня судьбу своих предшественников, служили Сталину и его режиму беспрекословно. П.Н. Милюков назвал эти события «национальной революцией» в противовес ленинской интернациональной революции [15, с. 2]. Конечно, Павел Николаевич отдавал себе отчет, что уничтожение офицеров Красной армии нанесет серьезный удар обороноспособности России в условиях надвигавшейся в Европе большой войны.

Новый всплеск его аналитической активности пришелся на 1939 г. Сразу несколько факторов заставили его обратиться к опыту развития Советского Союза.

Во-первых, в Европе явно назревала новая большая война, и надо было закончить анализ в более или менее спокойной обстановке. 1939-й был последним мирным годом, ведь осенью началась Вторая мировая война.

Во-вторых, в 1939 г. прошел XVIII съезд ВКП(б), который подвел итог сталинскому Большому террору, кадровой революции и ознаменовал превращение большевистского режима в сталинскую деспотию. Съезд резюмировал особенности развития Советской России с момента русской революции 1917 г.

В-третьих, в 1939 г. исполнилось пятнадцать лет со дня смерти главного оппонента П.Н. Милюкова – В.И. Ленина, и нужно было подвести итог задуманному лидером большевизма и реальному «зданию» сталинской России.

Оценивая теоретические установки В.И. Ленина и осуществленное И.В. Сталиным, Павел Николаевич не увидел ничего общего между теоретической моделью Ленина и реальностью сталинской России. «Ленина не только исправили, но и подделали, и надо признать, что, с точки зрения теоретических суждений Ленина, сталинский социализм является поддельным» [16]. Вместо общества для трудящихся, в чем-то социального, как планировал В.И. Ленин, получился совсем иной строй: «Дело в том, что сталинский социализм по мере своего развития принимает облик государственного капитализма, а в последние годы тот капитализм еще и военизируется» [16].

Трудящие оказались отчуждены от производства. Они вынуждены выполнять поставленные им планы любой ценой, совершенно не считаясь с реальными условиями производства: «Предприятия работают для текущего плана, не заботясь о будущем, работают для выполнения данного плана, не щадя оборудования, не считаясь с хищническим использованием естественных богатств» [17].

Вложения в советское сельское хозяйство действительно, по мнению П.Н. Милюкова, были колоссальными, механизация российской колхозной деревни стала фактом, однако ее порабо-

щение не позволило получить того эффекта, на который рассчитывали идеологи «аграрной революции».

«Нельзя отрицать, что в сельское хозяйство за последние годы вложено значительное количество средств. Но эти затраты при нынешних условиях не дают определенного результата…» [18].

Коллективизация явилась не чем иным, как новым изданием крепостного права. Советское государство выступало в роли нового помещика, а колхозные крестьяне превратились в самых настоящих крепостных: «Сталин, в сущности, хочет сделаться новым всероссийским помещиком, а колхозы превратить в военные поселения» [19]. Этот вывод Павел Николаевич сделал еще в начале 30-х гг. XX в., а конец 30-х гг. только подтвердил его.

Заключение

Подводя итог исследованию, проделанному в 20–30-х гг. XX в. П.Н. Милюковым, можно сделать следующие выводы.

«Парижская лаборатория» П.Н. Милюкова была строго научным и беспристрастным «учреждением». Анализ Павла Николаевича выверенный, а его оценки и выводы почти всегда точны. Другое дело, что история России не совсем и не всегда укладывается в строгие научные логические схемы.

В 20-е гг. XX в. Милюков предсказывал неизбежную гибель большевистского режима в силу развития противоречий нэпа, социально-экономической модели, которая в силу совершенно объективных причин должна была привести страну к свержению этого режима. Большевики, напуганные кризисом 1921 г., пытались сберечь существовавшую социально-экономическую рыночную модель, но в 1927 г. разразился кризис, предсказанный П.Н. Милюковым. Казалось, судьба большевистского режима предрешена.

Сталин и большевистская элита не стали ждать, когда народная стихия сметет правящий режим, а начали «наступление» первыми. Опираясь на концепцию построения социализма в одной стране, большевики принялись создавать изолированную экономическую систему. В результате возникла новая, изолированная от остального мира индустриальная экономика, которая базировалась на закрепощении русского крестьянства. Колхозная деревня стала внутренней колонией советского города. Советская экономика в 30-е гг. XX в. работала вне любых экономических законов, она была нерентабельной, затратной и неэффективной.

Во второй половине 30-х гг. XX в. большевистский режим постепенно перерос в сталинскую деспотию. И.В. Сталин уничтожил старую революционную большевистскую партию, переросшую в систему чиновничьего аппарата, независимого от диктатора. А также он разрушил старую тайную полицию, прямую наследницу всесильной ВЧК времен Гражданской войны, уничтожил командный состав Красной армии. Новые сталинские чиновники верно служили Сталину «и за страх, и за совесть».

В итоге, сделал вывод П.Н. Милюков, возникшее общество не имело ничего общего с задуманным В.И. Лениным социальным идеалом. Тем не менее исследователь не отрицал гигантского цивилизационного сдвига в российской промышленности и сельском хозяйстве, более того, называл это общество социалистическим, несмотря на все его противоречия. Анализ, проделанный П.Н. Милюковым в 20–30-е гг. XX в., остается актуальным и в первой четверти XXI в.

Список источников

1. *Милюков П.Н.* Национальный вопрос в Европе (Вторая лекция П. Н. Милюкова в Праге) // Последние новости. Париж, 1923. 30 апр.
2. Иномарки // Последние новости. Париж, 1934. 3 апр.
3. Юридическая природа СССР // Последние новости. Париж, 1924. 16 апр.
4. Шестая годовщина // Последние новости. Париж, 1923. 9 нояб.
5. Законы советской экономики // Последние новости. Париж, 1924. 2 окт.
6. Неуместное негодование // Последние новости. Париж, 1925. 15 марта.
7. Ларин «Протекционист» против «младоэсеров» физиократов // Последние новости. Париж, 1925. 15 марта.
8. *Прокопович С.Н.* Русская проблема после Генуи и Гааги // Последние новости. Париж, 1922. 29 сент.
9. Что дальше // Последние новости. Париж, 1925. 1 авг.
10. Прорыв монополии // Последние новости. Париж, 1925. 15 сент.

11. Привязанный лев // Последние новости. Париж, 1925. 21 мая.
12. Военно-феодальный режим // Последние новости. Париж, 1929. 17 марта.
13. О всемирно-историческом повороте // Последние новости. Париж, 1932. 18 апр.
14. Вторая пятилетка // Последние новости. Париж, 1932. 1 февр.
15. *Милюков П.Н.* «Реформа» или «самозащита» // Наше слово. 1937. № 8. С. 2–4.
16. После Ленина // Последние новости. Париж, 1939. 30 янв.
17. О минувшем годе // Последние новости. Париж, 1939. 9 янв.
18. Слова и действительность // Последние новости. Париж, 1939. 20 марта.
19. Ликвидация НЭПа // Последние новости. Париж, 1930. 26 янв.

References

1. Milyukov P.N. The National question in Europe. (P.N. Milyukov's Second Lecture in Prague). *Latest News*. Paris, 1923. 30th April. (In Russ.).
2. Foreign cars. *Latest News*. Paris, 1934. 3rd April. (In Russ.).
3. The legal nature of the USSR. *Latest News*. Paris, 1924. 16th April. (In Russ.).
4. The sixth anniversary. *Latest News*. Paris, 1923. 9th November. (In Russ.).
5. The laws of the Soviet economy. *Latest News*. Paris, 1924. 2nd October. (In Russ.).
6. Undue indignation. *Latest News*. Paris, 1925. 15th March. (In Russ.).
7. Larin “Protectionist” against the “young Socialist-Revolutionaries” Physiocrats. *Latest News*. Paris, 1925. 15th March. (In Russ.).
8. Prokopovich S.N. The Russian problem after Genoa and The Hague. *Latest News*. Paris, 1922. 29th September. (In Russ.).
9. What's next? *Latest News*. Paris, 1925. 1st August. (In Russ.).
10. The Breakthrough of monopoly. *Latest News*. Paris, 1925. 15th September. (In Russ.).
11. The tied lion. *Latest News*. Paris, 1925. 21st May. (In Russ.).
12. Military-feudal regime. *Latest News*. Paris, 1929. 17th March. (In Russ.).
13. On the world-historical turning point. *Latest News*. Paris, 1932. 18th April. (In Russ.).
14. The second five-year plan. *Latest News*. Paris, 1932. 1st February. (In Russ.).
15. Milyukov P.N. “Reform” or “self-defense”. *Our Word*. 1937;(8):2-4. (In Russ.).
16. After Lenin. *Latest News*. Paris, 1939. 30th January. (In Russ.).
17. About the past year. *Latest News*. Paris, 1939. 9th January. (In Russ.).
18. Words and reality. *Latest News*. Paris, 1939. 20th March. (In Russ.).
19. Liquidation of the NEP. *Latest News*. Paris, 1930. 26th January. (In Russ.).

Информация об авторах

К.Г. Малыхин – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений ЮФУ.

В.С. Кравец – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории России Института истории и международных отношений ЮФУ.

Information about the authors

K.G. Malykhin – Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of History of Russia, Institute of History and International Relations, SFedU.

V.S. Kravets – Candidate of Science (History), Head of the Department of History of Russia, Institute of History and International Relations, SFedU.

Статья поступила в редакцию 02.09.2025; одобрена после рецензирования 07.09.2025; принята к публикации 12.09.2025.
The article was submitted 02.09.2025; approved after reviewing 07.09.2025; accepted for publication 12.09.2025.

Научная статья
УДК 9.93/94
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-89-94

ПОРТРЕТ АНАРХИСТА ПО МАТЕРИАЛАМ ЕКАТЕРИНОДАРСКОГО ОХРАННОГО ПУНКТА

Вадим Юрьевич Мартыненко
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, Краснодар, Россия
vadusha.mort@mail.ru

Аннотация. В фондах Государственного архива Краснодарского края находится Ф. 586 – Екатеринодарский охранный пункт. Он содержит информацию о деятельности анархистов Кубани, в первую очередь Екатеринодара. Цель статьи – составить обобщенный портрет екатеринодарского анархиста, определив основные направления его деятельности, взаимодействия в группе, возраст, происхождение. Методология исследования состоит из контент-анализа протоколов наблюдений за анархистами с целью определения возраста, привычек, действий, а также исторической реконструкции событий. С помощью принципа историзма устанавливается специфика действий членов «Анархии» Екатеринодара. По итогам исследования сделан вывод об особенностях организационной структуры группы (иерархичность, строгое распределение задач, анонимность). По своему социальному составу и региону рождения группа «Анархия» охватила большую часть юга Российской империи, включала в себя как маргинальные элементы, так и образованных личностей.

***Ключевые слова*:** история анархизма, анархизм, анархисты Екатеринодара, программные документы, Кубань, начало XX века, анархо-коммунисты, мотивация

Для цитирования: Мартыненко В.Ю. Портрет анархиста по материалам Екатеринодарского охранного пункта // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 3. С. 89–94. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-89-94

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

PORTRAIT OF AN ANARCHIST BASED ON THE MATERIALS OF THE EKATERINODAR SECURITY POINT

Vadim Yu. Martynenko
Kuban State University, Krasnodar, Russia
Felitsyn Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve, Krasnodar, Russia
vadusha.mort@mail.ru

Abstract. The State Archives of Krasnodar Region contains Fund 586 - Ekaterinodar Security Point. It contains information about the activities of Kuban anarchists, primarily Ekaterinodar. The purpose of the article is to create a generalized portrait of the Ekaterinodar anarchist, defining the main areas of his activity, interactions in the group, age, origin. The research methodology consists of a content analysis of the protocols of observations of anarchists in order to determine their age, habits, actions, as well as historical reconstruction of events. Using the principle of historicism, specifics of the actions of the members of the Ekaterinodar "Anarchy" are established. Based on the results of the study, a conclusion is made about the features of the organizational structure of the group (hierarchy, strict distribution of tasks, anonymity). In terms of its social composition and region of birth, the "Anarchy" group covered most of the south of the Russian Empire, including both marginal elements and educated individuals.

***Keywords*:** history of anarchism, anarchism, anarchists of Ekaterinodar, program documents, Kuban, early 20th century, anarcho-communists, motivation

© Мартыненко В.Ю., 2025

For citation: Martynenko V.Yu. Portrait of an Anarchist Based on the Materials of the Ekaterinodar Security Point. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(3):89-94. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-89-94

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Полем деятельности анархических групп в 1905–1907 гг. стал Северный Кавказ – главным образом Кубанская область с г. Екатеринодаром. Там возникло несколько анархических групп – под разными наименованиями и различные по своему происхождению. Все они входили в единую организацию – Объединительный союз северокавказских анархистов-коммунистов.

В мае 1907 г. был создан Кубанский комитет боевой летучей организации, трансформировавшийся под влиянием анархических идей в Кавказскую летучую группу анархистов-террористов. Одновременно с ним появились «Анархия» в Екатеринодаре и Армавирская группа анархистов-коммунистов. Эти группы распространили свою деятельность на Темрюк, ст. Абинскую и Крымскую, получив названия «Кровавая рука», «Мститель».

Обсуждение

Исследование анархического движения на Юге России в XX в. представлено в работе В.К. Смирновой, посвящённой деятельности анархистов на Дону в период с 1905 по 1921 г. [1]. Вместе с тем анархистское движение на Кубани не становилось предметом отдельного глубокого анализа. Существующие труды затрагивают эту тему лишь косвенно, рассматривая общую политическую ситуацию в регионе. Например, А.В. Забелин упоминает только общее количество анархистских групп на Северном Кавказе, без детального разбора их деятельности именно на Кубани [2].

Ещё одним аспектом, который частично освещается в исследованиях, является связь кубанского анархизма с террором. Так, Е.А. Митяев описывает анархическую группировку в Екатеринодаре, занимавшуюся грабежами, разбоем и вымогательством [3]. Преступления анархистов в городе фиксировались еще с 1905 г., но остаётся неясным, были ли это действия организованной группы или отдельных лиц. По данным автора, полноценная анархистская организация сформировалась в Екатеринодаре только к 1907 г. Эта группа придерживалась идеологии анархо-коммунизма и оставила после себя не только след в виде террористических актов, но и политическую программу, благодаря которой сегодня можно судить о ее целях, методах борьбы и мотивах.

К ноябрю 1907 г. Объединительный союз северокавказских анархистов-коммунистов решил в полной мере институционализировать свою организацию. Планировалось увеличение числа членов, создание типографии для издания анархического печатного органа в Екатеринодаре, а также масштабная теоретическая подготовка как действующих членов организации анархистов-коммунистов, так и новых потенциальных участников. Их количество к указанному периоду достигло 16 чел. – собирались они на подставной квартире [4, л. 73–74 об.].

Каковы были мотивы и инструменты воздействия анархистов на общество? Для ответа на этот вопрос проанализируем основные акции группы «Анархия» до ее разгрома.

21 сентября на ж/д станции Отрадо-Кубанская (совр. Гулькевичский р-н) были задержаны глава Армавирской ячейки анархистов Антон Магайдзе и Федор Мохотадзе. Они требовали на ссыпном пункте у Горюна 1500 р., но, так как хозяин отсутствовал, затея не увенчалась успехом. У них отобрали оружие и два печатных листка союза анархистов. Грабителей взяли под стражу [4, л. 75–75 об.].

В Темрюке 13 октября 1907 г. в качестве устрашения под парадной дома купца Голубова взорвали бомбу – взрывной волной выбиты стекла этого дома и полицейского управления через дорогу.

14 октября из ст. Титаровской к отцу с другом приехал конопатчик Михаил Федоренко. У молодых людей нашли при обыске 400 р. и объявили дознание среди всех жертв вымогательных писем. Дерзкие экспроприации прошли также в Анапе и Усть-Лабе [4, л. 139–140].

И все же 1907 г. стал испытанием для организации анархо-коммунистов Екатеринодара: в ноябре прошли массовые облавы и обыски, приведшие к разгрому данной ячейки. Прологом к этому событию стало громкое ограбление аптекарского магазина Давидовича – не только из-за экспроприированной суммы, но и из-за участия екатеринодарских мещан. Один из них, Евгений Онисимов, хранил запрещенные книги, патроны для револьверов.

В начале ноября шайка из 12 человек, назвавшись анархистами-коммунистами, явилась к одному из местных зажиточных крестьян. Среди них – Борис Ивченко, Иван Варезин и Александр Чхенкели: взятые под стражу, они не только назвали имена своих товарищей, но и указали все адреса квартир (явочные, для проживания и конспиративные) и места встреч.

11 ноября прошел обыск в домах членов ячейки. Там вещи распарывались, вскрывались обшлаги, подкладки сюртуков и пальто – в них хранились вымогательные письма и векселя. Так, у Ивана Никитича Радченко были найдены векселя на сумму 1305 р., полученные, по-видимому, для организации агитационной работы и террористических актов. Жандармы нагрянули и к Петру Иванченко (Ивченко), вдове Малининой, Григорию Петренко, Александру Чхенкели, Григорию Долбушину – людям, составлявшим ядро «шайки» анархо-коммунистов, банды вымогателей, рассылающих письма-требования богатым купцам Екатеринодара. По результатам наружного наблюдения было установлено, что ее члены базируются вокруг оз. Карасун (район нынешней Дмитриевской дамбы), по городу меняют квартиры постоянно, и потому неуловимы [4, л. 9–28].

Благодаря указаниям Ивченко, Варезина и Чхенкели смогли установить численность и состав ячейки вымогателей, ограбивших зажиточного крестьянина: Борис и Иван Зарезины, Александр Чхенкели, Федор Голубенко, Иван Козарезов. Примечательно, что арендодатель Козарезова признал, что сдал комнату подозрительным личностям, но боялся сообщить об этом.

Филёрами была установлена и явочная квартира у анархиста Радченко: при обыске найдены запрещенная литература (журнал «Степь», другие брошюры революционного содержания), браунинг с обоймами, а также 30 фунтов типографского шрифта, разложенные по буквам в отдельные пакеты, валики, верстак, орфографические карточки, переписка. Помимо этого, на квартире у Радченко обнаружили 17 револьверов, что подтверждает зафиксированную численность «боевых товарищей» группы.

Таким образом, в один момент по разным точкам города, в которых были замечены анархисты, прошли обыски. По итогам оперативных мероприятий большая часть членов группы была арестована, вещи – конфискованы. Как писал анархист Преображенский, «в ноябре арестовали всех, кроме Гаршентона, Сашки и Маруськи» [4, л. 146–148].

В своем прошении начальник Екатеринодарского охранного пункта требовал выслать всех членов банды вымогателей в одну из отдаленных губерний России, в том числе и вдову Малинину, которая давала приют членам организации в своем доме на Карасунской улице, и подвергнуть запрету на возвращение в Кубанскую область [1, л. 60–68].

Результаты

Предпримем попытку реконструировать собирательный образ анархиста Екатеринодара, члена группы «Анархия». Организация анархистов-коммунистов Екатеринодара в разные годы насчитывала от 16 до более 30 чел. до первого разгрома. По данным Л.А. Карапетяна, в 1906–1908 гг. их численность достигала 100 чел. по всей Кубани [5, с. 154]. Остановимся подробнее на крупнейших фигурах, деятельность которых сформировала организацию анархо-коммунистов Екатеринодара:

1. *Сергей* (*Медведь*) – глава группы анархистов-коммунистов Екатеринодара до ноября 1907 г. Настоящее имя – Григорий Науменко (по другим данным – Сергей Аносов), мещанин из г. Ростова-на-Дону, бежал из армавирской тюрьмы в сентябре 1907 г., подлежал военному суду. Сергеем была разработана тактика распространения писем-экспроприаций. Понимая, что группе необходима идеологическая подготовка, он договорился с одним из парижских теоретиков анархизма, однако был арестован при посадке на вокзале Екатеринодара.

2. *Новороссийский* (*Митя*) – следующий глава екатеринодарских анархо-коммунистов, в прошлом – глава организации в Армавире.

3. *Матрос* – преемник Мити, главарь группы после гибели Новороссийского. Бежал с броненосца «Потемкин», настоящее имя – Семен Петрович Иванов. Выехал с целью мести за Новороссийского в Ростов-на-Дону. Он поставлял группе порох и иные взрывчатые вещества, оружие через перекупщика в Одессе.

4. *Нина*, *Туманович, Наумова* – Антонина Туманова, сожительница Константина Наумова и хранительница печати «Анархии» Екатеринодарской группы анархистов-коммунистов. Держала конспиративную квартиру, на которой продолжительное время собирались члены группы и где произошла облава. При обысках у нее были найдены два браунинга, боевые патроны к ним и составные части бомбы – пластид (?), бутылки с соляной кислотой и неустановленными жидкостями, серое взрывчатое вещество, бикфордов шнур, коробочки с начиненными металлическими элементами. По всей вероятности, чеки на купца Чумакова, как и вымогательные листы, печатались у нее: по шаблону и на красной бумаге [4, л. 177].

5. *Крапивка* – Анна Ильина (Полина Ильина, крестьянка Киевской губернии Звенигородского уезда), деятельный и наиболее идеологически просвещенный участник группы. По ее письмам установлено, что дела организации плохи, деньги заканчиваются, а те, что были, она свозила в Усть-Лабу к Ершу для издания газеты. Она дает емкие характеристики товарищам, при этом сама не ходит на собрания: «омерзительный Матрос», «чистый разбойник Чижик». Крапивка решительно «варится в идеях анархо-коммунизма», помимо этого, она оставила едкие описания каждого члена группы. Вела «голубиную почту» с заключенными Екатеринодарской тюрьмы. Заключенные писали ей обо всем, а также оставляли пометы на полях о времени написания письма в распорядке тюремного дня. Александр Шульгин Бойкот написал ей 14 писем и отговаривал вступать в ряды анархо-коммунистов (он сам социал-революционер, и Крапивка ранее сочувствовала этой группе). До вступления в группу была награждена серебряной медалью «За усердие» [4, л. 185].

6. *Чижик* – еврей-анархист, настоящее имя – Лейба Брейтборд, его отец и брат Афраим были выселены из Новороссийска и переехали в Керчь, мать – акушер в еврейских домах. В прошлом непродолжительное время был главой группы «Анархия» в Новороссийске, где участвовал в ограблении купца Котлярова. Верный товарищ анархистов, спутник Новороссийского, выполнял наиболее опасные поручения. В оперативных сводках стал фигурировать с мая 1907 г. Чижик организовывал работу Новороссийской группы, хранил печать, типографские шрифты, порох, но обыски, несмотря на многочисленные сведения филёров, не дали результатов. Ему 16 лет, брюнет или темный шатен, очень маленького роста, ходит в длинном черном пальто и картузе синего цвета. Во время облавы на «Анархию» успел скрыться [4, л. 241–242]. После ликвидации группы выехал в Ростов-на-Дону, а позже – в Одессу. Весьма опасный и влиятельный член екатеринодарской группы «Анархия», совершил 3 террористических акта – в Керчи, Новороссийске и Екатеринодаре. Обезоружил городового, когда его сообщники явились к купцу Добровольскому, – забрал его наган [4, л. 294].

7. *Кавказец, Кавказский* – Григорий Крамаренко. Арестован в Ростове-на-Дону в 1907 г. Выстраивал связь между анархистами Армавира и Екатеринодара, по описаниям Крапивки – «очень видный деятель Северо-Кавказского союза». Родился в Новороссийске, оттуда же и приехал. Очень близок к Сергею Аносову. Участвовал в убийстве родственника Оснача, поехал в Ростов-на-Дону брать деньги со старовера Лубкова, но был ранен и арестован (анархисты Екатеринодара думали сначала, что убит). У него испитое лицо, маленький рост, черное пальто с барашковым воротником, такая же шапка и большие русские сапоги, а также небывало черные усы – по всей видимости, по ним он и получил свою кличку.

8. Емельян Тимофеевич Сазоненко, член группы анархистов-коммунистов. Оружие использовал редко, потому что его роль в группе была иной: двор его дома был соединен с конспиративной квартирой анархистов через сарай – так работал потайной ход, по которому члены группы «Анархия» уходили от преследования жандармов [4, л. 295 об.].

9. Александр Лукич Морозов, проживал под нелегальной фамилией Молько. На его счету – многочисленные убийства (например, в Сухуми он убил городского чиновника Спорикова), а также разжигающие революцию речи. Во время беспорядков в Екатеринодаре в декабре 1905 г. организовывал толпу, выдавал себя за раненного в Порт-Артуре. Проходил по делу об агитиро-

вании чинов анапского батальона в 1906 г. Убит 18 января при преследовании казаками, при этом отстреливался из револьвера Смита и браунинга, выпустил около 40 патронов. Именно он был убийцей пристава Величко [4, л. 295].

10. Антип Семенов – крайне опасный анархист, руководствовался принципом «кто не режет – тот не поест». Участник террористических актов, убийства родственника купца Оснача, ходил с требованием денег к Лихачеву и получил от него 4000 р. (при среднем размере экспроприации анархистов 500–600 р.) [4, л. 296].

В течение более трех лет проходил процесс над членами группы «Анархия». Время суда приближалось, и арестанты Петр Максимович Аносов, Матвей Евгеньевич Федоренко, Семен Андреевич Булгаков и остальные разрабатывают план побега из-под конвоя во время сопровождения. Однако эта идея так и не реализовалась [4, л. 105].

Какова сословная принадлежность анархистов Екатеринодара? Часть группы составляли лица, подлежащие призыву; бежавший с броненосца «Потемкин» матрос; мещане; представители интеллигенции, недовольные текущей политической ситуацией; разночинцы.

Кроме того, заслуживает внимания происхождение участников организации. В протоколах наблюдения указаны губернии, из которых были родом подозреваемые. География весьма обширна (мы не берем участников, проживавших в Кубанской области с рождения):

– Кутаисская губерния: 6 чел.;
– Киевская губерния: 2 чел.;
– Харьковская губерния: 5 чел.;
– Воронежская губерния: 3 чел.;
– Симбирская губерния: 1 чел.

В целом подобные перемещения внутри страны вполне объяснимы. Кубанская область и территории Украины исторически связаны друг с другом. Принимая во внимание факт влияния Украинской социал-демократической рабочей партии на анархо-коммунистов Екатеринодара, можно сделать общий вывод о вовлеченности этих двух организаций в орбиту влияния друг друга, взаимных перемещениях членов группы между собой, подтверждаемых протоколами допроса и принадлежностью не менее 5 членов группы ранее к социал-революционерам.

Заключение

Таким образом, Екатеринодарская группа анархо-коммунистов «Анархия» была одним из подразделений Северо-Кавказского союза анархо-коммунистов. Она представляла собой сетевую структуру с элементами централизации, анонимности и слабой иерархической структуры.

В группе были признанные лидеры. Нам не удалось установить, как именно выбирался лидер и на какой почве – по степени владения оружием, из-за харизмы, способности объяснять и договариваться – однако бесспорно то, что в функции лидера входили планирование акций анархо-коммунистов, связь с членами других ячеек (в Новороссийске и Армавире, Одессе и за границей), участие в уставных собраниях анархистов (за рубежом), решение вопросов снабжения группы литературой, взрывчатыми веществами, распределение бюджета.

Более слабые по физическим характеристикам, но усидчивые и образованные участники отвечали за типографию группы, хранили матрицы печатей, печатали вымогательные листы. По большому счету они занимались технической работой: с бумагой, красками, изданием литературы и необходимых документов, а при угрозе обыска – сжигали материалы.

«Боевики» осуществляли террористические акты и экспроприации по заранее продуманному четкому плану, умели хорошо стрелять, ориентировались на местности.

Примечательно, что члены организации не знали настоящих имен друг друга, общаясь при помощи кличек и псевдонимов: Сергей, Новороссийский, Матрос и др. По своему социальному составу и региону рождения группа «Анархия» охватила большую часть юга Российской империи, включала в себя как маргинальные элементы, так и образованных личностей.

Список источников

1. *Смирнова В. К.* Анархисты на Дону: 1905–1921 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2003. 205 с.

2. *Забелин А.В*. Политические партии на Северном Кавказе в начале XX века // Актуальные вопросы модернизации российского образования : материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф. М.: Перо, 2015. С. 142–145.

3. *Митяев Е.А*. Борьба с терроризмом на Кубани в ходе революции 1905–1907 гг. // Общество и право. 2008. № 1 (19). С. 46–50.

4. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 586. Оп. 1. Д. 16. Екатеринодарский охранный пункт. Деятельность Екатеринодарской группы анархистов-коммунистов.

5. *Карапетян Л.А*. Политические партии на Северном Кавказе, конец 90-х гг. XIX в. – февраль 1917 г.: организация, идеология, тактика : дис. … д-ра ист. наук. Краснодар, 2001. 404 с.

References

1. Smirnova V.K. *Anarchists on the Don: 1905-1921*. Dissertation Thesis. Rostov-on-Don; 2003. 205 p. (In Russ.).

2. Zabelin A.V. Political parties in the North Caucasus at the beginning of the 20th century. *Current issues of modernization of Russian education*. Proceedings of the 23rd International Scientific and Practical Conference. Moscow: Pen; 2015:142-145. (In Russ.).

3. Mityaev E.A. The fight against terrorism in the Kuban during the revolution of 1905-1907. *Society and Law.* 2008;(1):46-50. (In Russ.).

4. *State Archive of Krasnodar Region*. Fund 586. In. 1. File 16. Ekaterinodar Security Checkpoint. The activity of the Ekaterinodar group of anarchist communists. (In Russ.).

5. Karapetyan L.A. *Political parties in the North Caucasus, late 90s of the 19th century - February 1917: organization, ideology, tactics*. Dissertation Thesis. Krasnodar, 2001. 404 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В.Ю. Мартыненко – аспирант кафедры истории России КубГУ; научный сотрудник КГИАМЗ.

Information about the author

V.Yu. Martynenko – Postgraduate Student, Department of Russian History, KSU; Researcher, FKSHAMR.

Статья поступила в редакцию 29.05.2025; одобрена после рецензирования 27.06.2025; принята к публикации 12.09.2025.
The article was submitted 29.05.2025; approved after reviewing 27.06.2025; accepted for publication 12.09.2025.

Научная статья
УДК 93/94
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-95-102

ПАВЛОВСКИЙ РАЙОН КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Олег Владимирович Матвеев
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
vim12@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-1630-1484

Аннотация. Рассматривается региональный аспект в изучении Великой Отечественной войны на примере Павловского района Краснодарского края. Основу работы составили материалы Центра документации новейшей истории Краснодарского края, которые позволяют сопоставлять сведения о людях эпохи с информацией о противоречивых политических и социально-экономических процессах, происходивших в ходе этого глобального противостояния. Сделан вывод, что в экстремальных условиях Великой Отечественной войны жители Павловского района проявили самоотверженность и волю к достижению победы, храбро сражались на фронтах и в партизанском отряде «Степной», использовали традиционную взаимопомощь и объединили усилия для преодоления трудностей. Отмечена роль районных партийных и советских органов, осуществивших умелую мобилизацию ресурсов, организацию восстановления народного хозяйства.

***Ключевые слова*:** Павловский район Краснодарского края, Великая Отечественная война, восстановление народного хозяйства, оккупация, освобождение, трудовая доблесть

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20096, https://rscf.ru/project/24-18-20096/

Для цитирования: Матвеев О.В. Павловский район Краснодарского края в годы Великой Отечественной войны // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 3. С. 95–102. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-95-102

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

PAVLOVSKY DISTRICT OF KRASNODAR REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Oleg V. Matveyev
Kuban State University, Krasnodar, Russia
vim12@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-1630-1484

Abstract. The article is devoted to the regional aspect in the study of the Great Patriotic War using the example of Pavlovsky District of Krasnodar Region. The work is based on materials found in the Center for Documentation of Contemporary History of Krasnodar Region, which allow us to compare information about people of the era with information about the contradictory political and socio-economic processes that took place during this global confrontation. The author concludes that in the extreme conditions of the Great Patriotic War, residents of the Pavlovsky District showed dedication and will to achieve Victory, fought bravely at the fronts and in the Stepnoy partisan detachment, used traditional mutual assistance and joined forces to overcome difficulties. The role of district party and Soviet bodies, which skillfully mobilized resources and organized the restoration of the national economy, is noted.

***Keywords*:** Pavlovsky District of Krasnodar Region, Great Patriotic War, restoration of the national economy, occupation, liberation, labor valor

© Матвеев О.В., 2025

Acknowledgements: the study was carried out with the financial support of the Kuban Science Foundation and at the expense of a grant from the Russian Science Foundation within the framework of project No. 24-18-20096, https://rscf.ru/project/24-18-20096/

For citation: Matveyev O.V. Pavlovsky District of Krasnodar Region During the Great Patriotic War. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(3):95-102. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-95-102

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

На современном этапе развития федеративных отношений в нашей стране одним из основных требований общественных запросов власти и общества к науке является изучение исторического опыта регионов, особенно в переломные периоды истории, к которым относится Великая Отечественная война. Для такой огромной страны, как Россия, с разнообразием ее природных, демографических, экономических условий, социокультурных и исторических традиций региональный срез истории имеет особое знание. Исследование хода боевых действий, оккупационной политики, партизанского движения, операций по освобождению, восстановлению народного хозяйства в рамках отдельных регионов или даже районов, сопоставление и их анализ углубляют и корректируют видение войны. В данной статье предпринята попытка анализа жизни советских людей в годы Великой Отечественной войны на примере жителей Павловского района Краснодарского края. Основу работы составили материалы Центра документации новейшей истории Краснодарского края. Партийные документы имеют свои особенности, поскольку представляют взгляд через призму идеологии. Однако их уникальность – в сочетании сведений о людях эпохи с информацией о противоречивых политических и социально-экономических процессах, происходивших в советском обществе.

Павловский район был создан 2 июня 1924 г. в составе Кубанского округа Юго-Восточной области, затем – Северо-Кавказского края, а с 1937 г. – Краснодарского края. Согласно статистическим данным на 1940 г., в Павловском районе проживали 28 961 чел., 14 246 из них составляли русские, 14 245 – украинцы и белорусы, 470 – поляки, греки, немцы. В районе имелось 9 сельсоветов: Атаманский, Бичево-Балковский, Белохуторской, Курчанский, Междуреченский, Ново-Петровский, Павловский, Упорненский и Поселковый совхозный № 16. Отмечалось, что «по своей экономике район исключительно сельскохозяйственный. Основное направление – зерновое, с развитым животноводством. Ведущие посевные культуры: пшеница, ячмень, овес и технические пропашные: подсолнух, кукуруза и клещевина». Из особенностей района указывалось: «степной» [1, с. 655–656]. Территория района составляла 801,96 км^2. Под пашней было занято 69 796 га, под огородами – 1431 га, садами – 3001 га, прочими земельными угодьями – 1573 га [1, с. 172].

С первых дней Великой Отечественной войны павловчане вносили посильный вклад в общее дело победы над врагом: многие воевали на фронтах, другие растили урожай, работали на строительстве оборонительных сооружений. В ст. Павловская и Новолеушковская разместились эвакуационные военные госпитали. В Павловской был создан истребительный батальон, который нес патрулирование и готовился встретить врага. Однако боевая подготовка подразделения, сформированного из станичников, оставляла желать лучшего. Секретарь райкома А. С. Шумилин сообщал о состоянии батальона в июле 1941 г.: «Несмотря на некоторое улучшение боевой и политической подготовки, учебная программа за июль месяц 1941 г. по огневой подготовке не выполнена. Личный состав батальона слабо осваивает технику стрелкового дела, практические учебные стрельбы не проводятся. Занятия с командно-политическим составом как следует не налажены. Хотя политико-моральное состояние личного состава батальона является здоровым и воинская дисциплина крепка, однако имеют место отдельные нарушения (неявка на занятия <…>)» [2, л. 43]. Командиром батальона был назначен Печерский, комиссаром – Биденко. Михаил Михайлович Биденко родился в 1903 г., происходил из крестьян-бедняков, окончил Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу, состоял в партии с 1927 г., работал заведующим военным отделом Павловского райкома ВКП(б) [2, л. 44]. На базе истребительного батальона тайно формировался партизанский отряд «Степной».

В октябре 1941 г. началось строительство оборонительных рубежей. Для обеспечения этих работ объявлялась бесплатная трудовая повинность всего трудоспособного населения и автогужевая повинность всех хозяйственных, промышленных и других организаций. До сих пор сохранились остатки долговременных огневых точек недалеко от дороги на Краснодар, к югу от района электрических сетей, станционного поселка и в окрестностях базы сжиженного газа. По свидетельству старожилов, зафиксированному Е.А. Диким, противотанковые рвы строились возле хут. Упорного [3, с. 373]. К сожалению, многие кубометры земли в Павловском районе оказались вынутыми впустую. Оборонительные сооружения возводились без учета реальной обстановки, не оправдали огромных затрат на их устройство и легко были преодолены противником [3, с. 374–375]. В условиях равнинной местности и установившейся сухой погоды в конце июля – начале августа 1942 г. поток немецких танков и мотопехоты, поддерживаемых авиацией, устремился на Кубань. 17-й казачий кавалерийский корпус, сформированный в том числе и из мужчин непризывного возраста (до 18 и после 45 лет) Павловского района, в районе Кущевской, Шкуринской и Канеловской задержал на несколько суток продвижение противника, было выиграно некоторое время для эвакуации людей и имущества. Павловский район успел эвакуировать ценности Госбанка, почту, радиоузел, тракторы, комбайны, скот и часть населения [3, с. 375].

4 августа 1942 г. сотрудники районного отделения НКВД путем взрыва и поджога вывели из строя резервуары нефтебазы «Главнефтесбыт», две машинно-тракторные станции (МТС), водокачку, электростанцию, переводные железнодорожные стрелки на станции Сосыка и другие объекты. Павловская с 1 по 5 августа подвергалась бомбардировке, многие дома были разрушены, в том числе здание райкома партии и районного отделения НКВД. 5 августа немцы заняли Павловскую и другие станицы района.

Немало павловчан сражалось в составе партизанского отряда «Степной», действовавшего в Горячеключевском и Северском районах края [3, с. 380–381]. В отряде было 148 чел., командиром отряда стал секретарь Павловского райкома партии А. С. Шумилин, комиссаром – Степаненко, секретарь Крыловского райкома партии. Андрей Семенович Шумилин возглавлял Павловский райком партии с 11 октября 1940 г. Он родился 30 ноября 1909 г. в хут. Сулине Области Войска Донского, был членом ВКП(б) с 1928 г., с 1939 г. находился на руководящей работе.

Одним из командиров рот отряда стал Степан Фомич Шаповаленко – председатель Павловского райисполкома с октября 1937 г. Он родился 9 мая 1897 г. в ст. Брюховецкой, в 1910 г. окончил двухклассное начальное училище, работал шапошником, в годы Гражданской войны воевал в Красной армии, был командиром пулеметного взвода 66-го кавалерийского полка в 1-й Конной армии, в 1924 г. стал членом ВКП(б). До 1937 г. работал народным судьей.

Лагерь отряда размещался в окрестностях села Шабановское. Первый бой партизаны приняли на высоте 408 под ст. Ставропольской совместно с партизанским отрядом «Грозный» и подразделением 1145-го полка. В течение двух дней сентября 1942 г. они удерживали эту высоту, отразили несколько атак гитлеровцев, уничтожили несколько десятков фашистов. Смелый налет бойцы «Степного» совершили на немецкий гарнизон в хут. Супском. Партизаны с трех сторон окружили хутор, закидали окна гранатами и расстреляли выбегавших в одном белье врагов. В протоколе XIX Павловской районной партийной конференции в ноябре 1943 г. отмечалось: «Товарищи, находившиеся в партизанском отряде, с честью выполнили свою задачу в тех условиях, в каких находились, и наш отряд был одним из отрядов, проведших две крупные операции. Это операции на высоте 408 и хуторе Супском. Пять товарищей награждены медалями партизана Великой Отечественной войны» [4, л. 10].

В воспоминаниях партизана А. Я. Клименко говорится еще об одном боевом эпизоде – бое группы «Степного» вместе с бойцами Красной армии у ст. Крепостной. В течение трех суток бойцы отряда «Степной» и красноармейцы будто бы сдерживали атаки врага, не дали немцам овладеть высотой, отбили еще одну высотку и добыли в бою много трофейного оружия [3, с. 380–381].

Многие павловчане в боях с захватчиками проявили мужество и героизм. Из Павловской средней школы № 2 в 1941–1942 гг. ушли воевать свыше сотни учеников, некоторые из них сразу с выпускного вечера пошли добровольцами на фронт. В октябре 1941 г. началось движение по формированию добровольческих казачьих частей из лиц непризывного возраста. Павловский и

Новолеушковский районы сформировали свои эскадроны. Коней, часть седел и повозки эскадронам поставили колхозы и совхозы районов. Местные кузнецы ковали шашки и кинжалы, огнестрельное оружие привезли из Краснодара. В 1943 г. по вопросу шефства Павловского района над гвардейским кавалерийским казачьим корпусом партийный документ сообщал: «Еще в начале организации корпуса Павловский район дал 206 человек людей, обмундировав и снарядив их всем, чем мог наш район. Тогда же район поставил для корпуса 238 лошадей, из них 179 кавалерийских с седлами, а также 10 пароконных бричек, 2 тачанки» [5, л. 28].

В июле 1942 г. формирование 17-го казачьего кавалерийского корпуса завершилось, и он был брошен в бой. Г. П. Романюк писал в своих воспоминаниях: «Мне выпала честь командовать эскадроном, сформированным из казаков, проживающих в населенных пунктах Павловского района. Этот эскадрон, хотя и имел порядковый номер, именовался Павловским. Много славных подвигов совершили казаки эскадрона» [6, с. 55]. В протоколе XIX районной партконференции в ноябре 1943 г. отмечалось: «Партийная организация выполнила наряды и оказала большую помощь в формировании 4-го Кубанского казачьего корпуса и Кубанской пластунской дивизии. Казаки-павловцы, призванные в ряды Красной Армии, находящиеся в корпусе Кириченко, в рядах Кубанской казачьей пластунской дивизии и других соединениях нашей славной Красной Армии, в боях с озверелым фашизмом совершают чудеса доблести и героизма, напористости и военной смекалки. Сотни казаков нашего района отличились в боях за нашу Родину. По далеко не полным данным, которыми мы располагаем, за доблесть и мужество, проявленные в боях за нашу Родину, много казаков нашего района награждены орденами и медалями Советского Союза» [4, л. 27 об.].

В составе 9-й Краснодарской пластунской дивизии храбро сражался Иван Карпович Кушнарев, председатель колхоза «За мир и труд», кавалер орденов Славы III степени и Красной Звезды, который вместе со своим земляком – павловским казаком Василенко – не раз ходил в разведку и доставлял в штаб дивизии «языков». Звания Героя Советского Союза были удостоены летчик Александр Степанович Корнев, школьные годы которого прошли в ст. Павловской. Уроженец ст. Новопластуновской Фёдор Николаевич Гребенюк за уничтоженный в жестоком бою танк был награжден орденом Славы III степени, за взятие «языка», в результате чего командование получило ценные сведения о расположении вражеских войск, – орденом Славы II степени. За бои в Чехословакии и метко подбитый танк получил I степень, став полным кавалером этого ордена.

Уроженец ст. Новолеушковской Иван Иванович Никонов стал полным кавалером ордена Славы за освобождение Крыма и Севастополя, а также Брно. Незамаевец Никифор Иванович Дейнега удостоился ордена Славы трех степеней за форсирование Одера, где на левом берегу заменил выбывшего из строя командира взвода, отразил с подчиненными 3 контратаки, подбил бронемашину, был ранен. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. за исключительное мужество, отвагу и бесстрашие в боях сержант Н. И. Дейнега награждён орденом Славы I степени. Кроме того, награждён орденами Отечественной войны I и II степени, медалями, в том числе «За отвагу».

Житель хут. Средний Челбас гвардии сержант Виктор Иосифович Костин в середине октября 1944 г. в боях на польской земле заменил выбывшего из строя командира взвода связи и в критический момент поднял солдат в атаку, взяв высоту под городом Санок. За проявленное мужество и храбрость он был удостоен звания Героя Советского Союза [7].

Павловский район находился в условиях немецко-фашистской оккупации до 2 февраля 1943 г. В это время немцы установили власть атаманов, в колхозах поставили старост, создали полицию и тюрьму. Захватчики учиняли постоянные расправы над местными жителями, избивали и расстреливали их в застенках, в том числе женщин и детей. В докладной записке первого секретаря райкома партии А. С. Шумилина в марте 1943 г. отмечалось, что за время оккупации, по неполным данным, «больше 800 чел. были подвергнуты арестам, которые систематически избивались гестаповцами и полицией. Так, были избиты: т. Белик Мария, Сапко и ряд других граждан ст. Павловской. В районе было расстреляно до 60 чел. советских граждан, причем найдены только расстрелянные в трех местах. В одном месте, против танкового рва, найдены 38 трупов, из которых 8 детей, 12 женщин, остальные мужчины разных возрастов. В другом

месте извлечены трупы, в которых опознаны коммунисты Павловского района – Кабанюк Моисей Петрович – председатель Атаманского совета, на теле которого видны были следы пыток: спина изрублена саблей, на руках вывернуты пальцы. Пятеров Дмитрий Иосифович – председатель артели „Труд металлистов“, также на теле видны рубцы побоев и следы пыток, а также в Сосыкском совхозе было расстреляно 7 чел. колхозников Штейнгардтского района, эвакуировавших скот» [5, л. 10–10 об.].

Было разрушено много зданий, одно из наиболее значимых – средняя школа № 2. Из СОШ № 1 фашисты сделали дом терпимости, пострадала и школа им. Лермонтова. Согласно докладной записке А. С. Шумилина, «в районе сожжено и уничтожено фашистскими варварами: 1. Мастерская Павловской МТМ. 2. Мастерская Павловской МТС. 3. Сырзавод. 4. Пивзавод. 5. Маслозавод. 6. Госмельница. 7. 2 мельницы колхозов. 8. Здание средней школы. 9. 2 здания неполной средней школы. 10. 2 начальные школы. 11. Амбулатория. 12. Здание Госсортфонда. 13.Элеватор Госсортфонда. 14. 2 склада „Заготзерно“. 15. Здание станичного детсада. 16. Здание райисполкома. 17. Здание почты. 18. Здание НКВД. 19. Здание ресторана.

Уничтожены 30 хозяйственных построек, как-то: здание ферм и бригадные станы. Полностью уничтожен хозяйственный двор колхоза „Комсомолец“ с амбарами, элеватором, в котором находилось 16 000 пудов хлеба» [5, л. 4]. Возможно, А. С. Шумилин возложил на немцев вину за разрушение некоторых объектов, которые были взорваны или сожжены сотрудниками районного отделения НКВД перед захватом района. Так, по данным краеведа Е. А. Дикого, чекисты взорвали и сожгли упоминаемые в списке Шумилина две МТС, два элеватора «Заготзерно», мельницу, маслосырзавод [3, с. 375]. Тем не менее ущерб, нанесенный захватчиками народному хозяйству района, огромен и оценен в 250 млн р. (по другим данным – 288 млн р. [8, л. 4]). «Немцами взято хлеба 2558 ц, муки – 2930 ц, подсолнуха – 12 223 ц. Забрано в колхозах фашистами 1524 лошади, 2322 гол. крупного рогатого скота, 1477 свиней, 5465 овец, 21 555 кур, также забраны в колхозах все гуси, утки, и фермы эти уничтожены полностью. Хлебо-пшеницы сожжено и сгнило на корню более 2000 га, а также в связи с тем, что хлеб убирался не вовремя, его пропало путем осыпания до 10 тыс. тонн» [5, л. 4–5].

Партийные документы сообщали, что «ряд коммунистов, оставшихся на оккупированной территории или возвращенных из эвакуации, не оставляли борьбу с немецкими захватчиками, хотя и действовали в одиночку или небольшими группами. Так, например, кандидат в члены ВКП(б) Костенко Степан Федорович, проживая на оккупированной территории, сконструировал радиоприемник, установил на чердаке дома и сводки информбюро разъяснял колхозникам. Член ВКП(б) Фоменко Павел Федорович, работая на ж.д. транспорте, организовал столкновение немецкого военного эшелона, в результате разбито три вагона с людскими жертвами. Беспартийный учитель с/х № 16 Курячий вместе с канд. в чл. ВКП(б) Недоило Даниилом Сергеевичем установили под кроватью радио, слушали сводки информбюро и распространяли их среди рабочих совхоза» [5, л. 19].

Петр Миронович Резванов, 1903 г.р., «до эвакуации работал секретарем парторганизации Сосыка 1-я. В момент эвакуации Резванов от политотдела ж.д. получил задание остаться на месте для совершения диверсий на ж.д. Оставшись на оккупированной немцами территории, Резванов работал сцепщиком вагонов. За все время он успел совершить следующее: 12/X – 1942 г. сделал неправильную сцепку, отчего получился обрыв. 15/X – 1942 г. пустил паровоз на занятый путь. 18/XI произведена неправильная сцепка, в результате обрыв поезда и др. вредные акты». Отмечалось, что Резванов как секретарь парторганизации «не сумел организовать оставшихся коммунистов и беспартийных на более активную диверсионную работу в тылу у немцев», за что ему был объявлен в 1943 г. выговор [9, л. 44].

Имели место и факты сотрудничества с оккупантами. Так, член ВКП(б) с 1931 г. Дмитрий Константинович Дохленко, 1905 г.р., «до оккупации Павловского района работал начальником станции Сосыка 1-я. 4 августа вместе с другими коммунистами Дохленко эвакуировался по направлению Краснодара. Но дойдя до Журавки, Дохленко и другие с ним товарищи, за исключением т. Павлюченко и Берилко, остались на продолжительный отдых, в результате т. Павлюченко и Берилко пришли в г. Краснодар и получили дальнейшее направление, а Дохленко и др. в Кореновске были отрезаны немцами. Возвратившись в Павловский район, Дохленко стано-

вится на работу начальником станции Сосыка 1-я, близко сотрудничал с немецким ж.д. военным начальством. В декабре месяце Дохленко был вызван в районное управление для прохождения перерегистрации как коммунист. В этот момент Дохленко выдал всех коммунистов, которые проживали на станции Сосыка 1-я, тем самым стал предателем» [9, л. 45–46].

Другим коллаборационистом стал Александр Павлович Коваленко, 1915 г. р., он «в момент эвакуации Павловского района эвакуироваться не захотел. С приходом немцев Коваленко 11 августа 1942 г. поехал в районное земельное управление, зарегистрировался как представитель к/х „Красный боец“ и получил от немецкого коменданта назначение старостой колхоза „Красный боец“. 12 августа Коваленко привез от немецкого коменданта фашистские листовки и плакаты для чтения среди колхозников и расклеивания в конторе колхоза. Коваленко дружил с помощником станичного атамана ст. Ново-Пластуновской Демченко, устраивал с ним частые пьянки, крестил детей у граждан Марченко, Костюк, Тараненко, Алексеенко, Зекун и друг., за что и присвоено в колхозе звание Коваленко „колхозный кум“. В сентябре м-це 1942 г. в управлении атамана ст. Ново-Пластуновской Коваленко заполнил анкету с графой: „готов ли в любую минуту по приказу германского правительства выступить против большевиков“, Коваленко написал: „да“» [9, л. 69].

Член ВКП(б) Илларион Фёдорович Орёл до оккупации работал председателем колхоза им. Кагановича. В документе говорилось: «В момент оставления района советскими войсками Орлу было предложено эвакуировать скот колхоза и другое ценное имущество, а также и ему выехать вглубь страны. Несмотря на это, Орел затянул эвакуацию, в результате чего весь скот был возвращен на место. Сам же Орел каким-то образом доехал только до ст. С.-Леушковской и вернулся к себе домой. Оказавшись на оккупированной территории, Орел не только не вел никакой борьбы против немецких поработителей, а стал прямым защитником „нового порядка в Европе“. В первые же дни Орла избирают старостой колхоза „Большевик“, каковую роль он исполняет до изгнания Красной Армией немцев из Павловского района. Будучи агротехником, Орел И. Ф. проводил политику поддержки немецкого командования: пьянствовал с немецкой комендатурой, восхвалял „новый немецкий порядок землепользования“ и в конечном счете собирался эвакуироваться вместе с немцами» [9, л. 20].

Одной из главных задач после освобождения района от врага стало восстановление народного хозяйства. Вторым фронтом и по назначению, и по форме организации выступила летняя уборочная страда. Партийный документ сообщал, что «во всех 32 колхозах были восстановлены полеводческие бригады и звенья: всего полеводческих бригад – 82, в них звеньев – 460, средний состав звена – 11–12 трудоспособных колхозников» [4, л. 20]. Из техники и рабочего скота район располагал лишь 42 отремонтированными тракторами, 1187 рабочими лошадьми и 780 быками [5, л. 6]. Тем не менее к 10 августа 1943 г. в колхозах края было убрано 815 тыс. га колосовых культур (81 % плана), сдано государству 5 180 000 пудов зерна. При массовом простое техники из-за отсутствия горючего, подшипников, карбюраторов и других запасных частей, каждый килограмм урожая давался ценой огромного труда [3, с. 362].

Восстанавливались промышленность и транспорт. Уже весной 1943 г. райком сообщал: «а) работает маслосырзавод, который сейчас выпускает главным образом сливочное масло, брынзу и друг.; б) работают одна вальцовая и 12 на камнях колхозных мельниц и один маслозавод; в) восстанавливается и к 1/V – 43 г. будет сдан в эксплуатацию пивоваренный завод; г) восстановлены и работают 30 мастерских Коопкожремонта, а также пошивочная мастерская; д) построена электростанция, которая будет пущена в эксплуатацию 28 апреля мощностью до 300 точек; е) восстановлена и работает почта. Район уже связался с рядом населенных пунктов телефоном (Веселая, Упорный, совхоз № 16, Атаманская) и с др. районами (Ленинградская, Кущевская, Крыловская и др.); ж) район принимал и в настоящее время принимает участие в восстановлении ж.д. транспорта. На ремонте путей сообщения заняты около 500 чел.» [5, л. 16].

Павловчане участвовали в ремонтно-восстановительных работах на дорогах Краснодар – Ейск, Кущевская – Кропоткин, участках грунтовых дорог, в восстановлении 8 мостов, керосинопровода Тихорецкая – Мостовая [3, с. 362–363].

Во время оккупации «медицинская помощь населению не оказывалась, в результате чего в районе вспыхнула эпидемия тифа» [5, л. 17]. После освобождения была «открыта районная

больница на 50 коек и организовано 3 врачебных пункта и 13 фельдшерских пунктов. После проведения соответствующих профилактических мероприятий (были созданы специальные комиссии, которые обошли все дома рабочих, служащих и колхозников, добились выполнения санминимума каждым двором). Эпидемия тифа резко сократилась, и в настоящее время остались единичные случаи» [5, л. 17].

После изгнания немцев в районе приступили к организации работы школ. Были «взяты на учет все учителя и посланы на работу в школы, – отмечалось в протоколе районной партийной конференции в ноябре 1943 г., – и в настоящее время работают 17 начальных, 10 неполных средних и 2 средние школы. В них обучается 4120 детей. Часть школ работает в приспособленных помещениях, т.к. особенно немецкие каннибалы нанесли огромный ущерб школьным зданиям, сожжена средняя школа, детский дом, детский сад» [4, л. 25 об.].

Оккупанты «сожгли и уничтожили все библиотеки» [8, л. 4] в Павловском районе. Уже весной 1943 г. «была открыта одна районная библиотека. А с пуском электростанции начал работать кинотеатр, т.к. все оборудование и аппаратура кинотеатра восстановлены и приведены в порядок» [5, л. 17].

Колхозники района продолжали поддерживать связь с бойцами 4-го (бывшего 17-го) Кубанского гвардейского кавалерийского казачьего корпуса, где воевали земляки. Райком сообщал: «Мы должны были отобрать и отправить в корпус людей – 150 чел., лошадей – 200 шт. Эта задача в апреле 1943 г. была выполнена с превышением. Людей дали 187 чел., лошадей – 230, из них 30 шт. – в подарок 34-му Кубанскому полку. Кроме этого, в мае дали 50 шт. лошадей и в июне 35 лошадей с седлами и уздечками, 5 бричек и 120 уздечек, а также 40 шт. шапок-кубанок» [5, л. 28].

Несмотря на скудное существование и нехватку продовольствия, павловчане собрали средства на изготовление для фронта танковой колонны. В ответ Верховный главнокомандующий прислал следующую телеграмму: «Секретарю Павловского района Шумилину. Передайте колхозникам, колхозницам Павловского района, собравшим 1 183 953 руб. денег и облигаций на строительство танковой колонны „Кубанский колхозник“ и сдавшим 50 000 пудов хлеба в фонд Красной Армии, мой братский привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин» [5, л. 18].

Поскольку враг был еще близко, население района привлекли для строительства оборонительных укреплений. В докладной записке секретаря райкома говорилось: «Проводится работа и уже подходит к концу восстановление оборонительного рубежа и по постройке ряда новых оборонительных сооружений. На стройке рубежа занято ежедневно около 1300 колхозников» [5, л. 17].

За восстановление народного хозяйства большая группа павловчан была представлена к правительственным наградам.

В экстремальных условиях Великой Отечественной войны жители Павловского района проявили самоотверженность и волю к достижению победы, храбро сражались на фронтах и в партизанском отряде «Степной», использовали традиционную взаимопомощь и объединяли усилия для преодоления трудностей. Нельзя не отметить и роль районных партийных и советских органов, умелую мобилизацию ресурсов, организацию восстановления народного хозяйства. Учитывая баланс экономического развития Краснодарского края и страны в целом, в ходе войны возрождение производительных сил в освобожденном районе имело огромное значение для обеспечения нужд фронта и поднятия морального духа, политического и материального уровня жизни населения. Память о боевых и трудовых свершениях павловчан должна служить напоминанием, что даже самые сложные испытания можно преодолеть, объединившись и веря в свои силы.

Список источников

1. Краснодарский край в 1937–1941 гг. : документы и материалы / Сост. А. М. Беляев, И. Ю. Бондарь, В. Е. Токарев. Краснодар: Эдви, 1997. 1118 с.
2. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1384. Оп. 1. Д. 131.
3. *Дикий Е. А*. Наш Павловский район: краеведческие очерки. Краснодар: Диапазон-В, 2019. 408 с.
4. ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 136.
5. ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 147.

6. *Кукса В. П.* Павловская. Краснодар: Кн. изд-во, 1983. 64 с.
7. URL: https://m.ok.ru/group/59168278577212/topic/151502565687356?__dp=y (дата обращения: 20.05.2025).
8. ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 137.
9. ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 138.

References

1. Belyaev A.M., Bondar I.Yu., Tokarev V.E., comp. *Krasnodar Region in 1937-1941: documents and materials*. Krasnodar: Edvi; 1997. 1118 p. (In Russ.).
2. *Center for Documentation of the Contemporary History of the Krasnodar Region* (further - CDCHKR). Fund 1384. In. 1. File 131. (In Russ.).
3. Diky E.A. *Our Pavlovsky District: local history essays*. Krasnodar: Range-V; 2019. 408 p. (In Russ.).
4. *CDCHKR*. Fund 1384. In. 1. File 136. (In Russ.).
5. *CDCHKK*. Fund 1384. In. 1. File 147. (In Russ.).
6. Kuksa V.P. *Pavlovskaya*. Krasnodar: Book Publishing House; 1983. 64 p. (In Russ.).
7. Available from: https://m.ok.ru/group/59168278577212/topic/151502565687356?__dp=y [Accessed 20th May 2025]. (In Russ.).
8. *CDCHKR*. Fund 1384. In. 1. File 137. (In Russ.).
9. *CDCHKR*. Fund 1384. In. 1. File 138. (In Russ.).

Информация об авторе

О.В. Матвеев – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России КубГУ.

Information about the author

O.V. Matveyev – Doctor of Science (History), Professor of the Department of Russian History, KSU.

Статья поступила в редакцию 07.09.2025; одобрена после рецензирования 09.09.2025; принята к публикации 12.09.2025.
The article was submitted 07.09.2025; approved after reviewing 09.09.2025; accepted for publication 12.09.2025.

Научная статья
УДК 94 (47)
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-103-110

СТАРОЧЕРКАССКИЙ ЕФРЕМОВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАЗАЧЬЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБИТЕЛИ

Алла Валерьевна Шадрина
Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия
bergson@yandex.ru

Аннотация. На основе архивных источников – делопроизводстве Донской духовной консистории – прослежены особенности формирования Старочеркасского Ефремовского женского монастыря на протяжении первых тридцати лет, которые характеризовались процессом становления всех сторон жизни обители. Именно данный монастырь являлся одной из базовых составляющих идентичности донского казачества на протяжении XIX – начала XX в. Это определялось тем, что обитель была учреждена по ходатайству наследников войсковых атаманов Ефремовых с условием передачи монастырю принадлежавшего им подворья, дома и домовой церкви, в которой собирались драгоценные дары не только Ефремовых, но и других представителей казачьей верхушки. Выявлено, что в обители монахинями, инокинями и послушницами должны были стать только не бывшие замужем девицы казачьего происхождения. Однако уже в начале формирования обители архиепископ Новочеркасский и Георгиевский Афанасий (Телятев) и игумения отказались от этого замысла – первые насельницы происходили из разных сословий, немалую часть из них составляли вдовы донских казаков.

***Ключевые слова*:** Старочеркасский Ефремовский женский монастырь, игумения Ираида, игумения Ефросиния (Дячкина), игумения Лавра, сословные и возрастные характеристики насельниц, архиепископ Платон (Городецкий), казачья идентичность

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2025 г., № гос. рег. проекта 124012200178-4.

Для цитирования: Шадрина А.В. Старочеркасский Ефремовский женский монастырь как составляющая казачьей идентичности: особенности формирования обители // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 3. С. 103–110. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-103-110

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

STAROCHERKASSK EFREMOVSKY CONVENT AS A COMPONENT OF COSSACK IDENTITY: FEATURES OF THE FORMATION OF THE MONASTERY

Alla V. Shadrina
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
bergson@yandex.ru

Abstract. Based on archival sources - the records of the Don Spiritual Consistory - the features of the formation of the Starocherkassk Efremovsky Convent over the first thirty years, which were characterized by the process of formation of all aspects of the life of the convent, are traced. It was this convent that was one of the basic components of the identity of the Don Cossacks during the 19th - early 20th centuries. This was determined by the fact that the convent was founded at the request of the heirs of the military atamans of the Efremovs with the condition of transferring to the convent the farmstead, house and house church that belonged to them, in which precious gifts were collected not only from the Efremovs, but also from other repre-

© Шадрина А.В., 2025

sentatives of the Cossack elite. It was revealed that in this convent only unmarried girls of Cossack origin were to become nuns and novices. However, already at the beginning of the formation of the convent, Archbishop Afanasy (Telyatev) of Novocherkassk and Georgievsk and the abbess abandoned this idea - the first inhabitants came from different classes, a considerable part of them were widows of Don Cossacks.

***Keywords*:** Starocherkassk Efremovsky women convent, Abbess Iraida, Abbess Euphrosyne (Dyachkina), Abbess Lavra, class and age characteristics of the nuns, Archbishop Platon (Gorodetsky), Cossack identity

Acknowledgements: the publication was prepared within the framework of the implementation of the State Task Force of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences for 2025, state registration number of the project 124012200178-4.

For citation: Shadrina A.V. Starocherkassk Efremovsky Convent as a Component of Cossack Identity: Features of the Formation of the Monastery. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(3):103-110. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-103-110

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

На Земле Войска Донского женское монашество начало формироваться в середине XVIII в. и развивалось в соответствии со сложившейся к тому времени традицией выполнения социальной функции пристанища для матерей, вдов и девиц казачьего происхождения. Знаковым изменением парадигмы восприятия монастырей военизированным сообществом стало учреждение в 1837 г. в ст. Старочеркасской по инициативе и на средства семьи атаманов Ефремовых женского монастыря. Основание этой обители предполагало выполнение функций, обусловивших ее осознание как составляющей казачьей идентичности: вознесение молитв за усопших атаманов Ефремовых и их здравствующих потомков – части истории Донского Войска; создание места памяти рода Ефремовых и запечатление принадлежности монастыря донскому казачеству – обитель, находившаяся на войсковой земле и тем более в древней столице Войска Донского, могла быть только казачьей.

Вместе с этим после достаточно долгого процесса становления Ефремовский монастырь превратился в признанный центр женского монашества Нижнего Дона, влиявший на социальную жизнь региона.

Поскольку женские обители Дона, начиная со второй половины XIX в., стали востребованной частью социума и занимали важное место в общественной жизни Войска Донского, понимание роли данного института позволяет представить поставленную проблему как актуальную.

Историография этой проблемы ограничена незначительным числом работ и объясняется тем, что монашество Земли Войска Донского, с 1870 г. – Области Войска Донского, не выступало в качестве предмета исследования, учитывая неординарность данного явления, значительно отличавшегося от института монашества других регионов Российской империи.

Вопрос состояния женского монашества в Области Войска Донского на примере Старочеркасского Ефремовского монастыря был впервые поставлен во второй половине XIX в. известным священником-краеведом протоиереем Воскресенского собора ст. Старочеркасской Григорием Левитским [1]. Вторым по значимости изданием, до настоящего времени содержащим наиболее полные сведения об истории и состоянии Ефремовского монастыря до середины XIX в., является книга известного общественного деятеля Области Войска Донского А.А. Кириллова [2]. Современная историография поставленной проблемы также скудна и ограничивается работами Е.И. Кирсанова [3] и С.В. Римского [4].

Источниковая база настоящей статьи построена на не введенных в научный оборот письменных материалах – делопроизводстве Донской духовной консистории, представляющем собой формулярные ведомости игумении и насельниц Ефремовского монастыря.

Хронологические рамки данного исследования охватывают 1837–1864 гг. Нижняя дата обусловлена учреждением Старочеркасского Ефремовского монастыря, верхняя дата – завершением периода формирования обители и связанного с ним служения игумении Лавры.

В социальной истории Области Войска Донского и Юга России второй половины XIX – начала XX в. Старочеркасский Ефремовский монастырь занимал видное место. Со времени начала ходатайств об учреждении обители он мыслился как неотъемлемая часть повседневно-

сти донского казачества, т. е. важная составляющая его идентичности. В первую очередь это было определено самой идеей учреждения обители. В истории Дона одно из центральных мест занимала семья войсковых атаманов Ефремовых, которые на протяжении XVIII в. играли важную роль как в военной, так и в гражданской истории Войска Донского. К началу XIX в. ряд событий свидетельствовал о возможном скором забвении Ефремовых и их значения в истории Войска Донского. Во-первых, была перенесена столица донского казачества. Основной причиной, ставшей официальной, явились частые наводнения в Черкасске. Эту проблему решили самым простым и неприхотливым способом, на котором настоял М.И. Платов, – столица была перемещена в другое место и основан Новочеркасск.

Перенос, сопровождающийся переселением войсковых учреждений и значимых семей, поставил перед потомками семьи Ефремовых вопрос необходимости сохранения памяти о ее славном прошлом и решения экономических вопросов наследования остающегося немалым состояния. Решение этой задачи взяли на себя прямые наследники – вдовы Евдокия Иоакимовна, Ульяна Алексеевна и ее сын есаул Николай Степанович Ефремовы, которые являлись собственниками подворья в ст. Старочеркасской. На семейном совете они пришли к согласию о начале ходатайств об учреждении девичьего монастыря.

2 января 1832 г. Ефремовы подали прошение на имя архиепископа Новочеркасского и Георгиевского Афанасия (Телятева), в котором сообщили о намерении на месте своего родового подворья учредить девичий монастырь «во славу Божию и память родственников их фамилии, коих прах покоится при сем храме» [5, л. 1], т.е. при храме Донской иконы Божией Матери, располагавшемся на подворье Ефремовых в качестве домовой церкви. Иными словами, предполагаемый монастырь должен был стать традиционной для северо-западного и центрального регионов России ктиторией, где вечно возносились бы молитвы о тех, по чьей инициативе и на чьи средства учреждена обитель, и об их роде.

Для воплощения своей цели наследники рода Ефремовых выразили готовность пожертвовать «каменную фасадную во имя Донския Божия Матери церковь с таковою же колокольней, в 1761 г. заложенную усердным к вере, Церкви и Отечеству предком их тайным советником и Войска Донского атаманом Данилом Ефремовым, а сыном его, также войсковым атаманом Стефаном Даниловичем приведенная к окончанию, детьми же его Даниилом и Стефаном Ефремовыми, украшенная и обогащенная ризницей, серебряными и золотыми сосудами, образами с жемчугом и драгоценными каменьями дотоле» [5, л. 1 об. – 2], а также собственный деревянный дом с каменным «низом» со всеми при нем службами.

Пожертвование уже на стадии прошения сопровождалось условиями в духе донских атаманов:

а) «чтобы монастырь сей всегда был в зависимости, распоряжении и покровительстве местных епархиальных архиереев» [5, л. 1 об.]. Это объяснялось готовящимся к принятию и принятым в 1835 г. «Положением об управлении Донского Войска» [6], которое стало не только внутривойсковым законодательством, но и законом Российской империи. Одним из его пунктов было разграничение власти Войска Донского и учрежденной в 1829 г. Новочеркасской и Георгиевской епархии, поэтому условие Ефремовых было своего рода выражением лояльности и поддержки принятому закону;

б) чтобы назывался Ефремовским в память фамилии предков просителей;

в) «чтобы имена родителей их поминать в оном всегда за упокой, а они, живые, за здравие» [5, л. 1 об.].

Как видно, Ефремовский монастырь планировался стать местом памяти семейства Ефремовых и обителью, в которой будут заканчивать свои дни дочери донских казаков, посвятившие свою жизнь служению Богу.

Помимо храма и дома, полковница Авдотья Ефремова письменно обязалась устроить на собственные средства в доме Ефремовых, жертвуемом на монастырь, кельи, кухни, дровяной сарай, конюшни и вокруг монастыря каменную ограду с воротами [5, л. 2 об.] и приписать к монастырю навечно четырех крестьян с семействами. На содержание монастыря и крестьян Ефремова пожертвовала 36 000 руб. – деньги были помещены в банк, а ежегодным доходом обители выступали проценты. А также полковницы Авдотья и Ульяна Ефремовы передали в

пользу монастыря «одну версту и 480 саженей» земли для «огородных овощей» – «Зеленый двор», находившийся в одной версте от ст. Старочеркасской [5, л. 2].

Новочеркасская (с 1842 г. – Донская) духовная консистория также выяснила, что Войсковая канцелярия согласна на передачу подворья Ефремовых для девичьего монастыря и «на все делаемые для этого пожертвования» [5, л. 3].

Кроме Ефремовых, в учреждении в ст. Старочеркасской женского монастыря был заинтересован Священный синод, аргументировавший свою позицию следующим образом: 1) в Новочеркасской епархии существует только один женский монастырь – Усть-Медведицкий, содержание которого находится в зависимости от начальства Войска Донского; 2) многие послушницы, «совершившиеся в оном подвиге и сроке монастырского искуса», остаются не постриженными в монашество «по неимению вакансии»; 3) из-за отдаленности Усть-Медведицкого монастыря от Новочеркасского и недостатка в нем помещений епархиальное начальство «встречает затруднения отправлять в этот монастырь женщин, присылаемых светским начальством для духовного исправления» [5, л. 3], т.е. для выполнения епитимии.

Эти доводы были признаны церковным начальством убедительными, и 26 декабря 1836 г. на всеподданнейшем докладе Священного синода император собственноручно сделал историческую надпись: «Быть по сему» [5, л. 33–37 об.]. 25 января 1837 г. как закон Российской империи был издан именной указ, объявленный Священным синодом «Об учреждении в Новочеркасской епархии Войска Донского в Старочеркасской станице женского Ефремовского монастыря» [7].

После издания закона началась подготовка к открытию обители. Основу насельниц должны были составить монахини, инокини и послушницы Усть-Медведицкого Преображенского девичьего монастыря казачьего происхождения, что позволило бы разгрузить переполненную обитель и дать возможность длительное время ожидающим пострига послушницам получить его. Однако этот замысел не воплотился, поскольку представительницы Усть-Медведицы в подавляющем большинстве отказались ехать в неустроенную обитель.

Столкнувшись с недостатком желающих стать насельницами Ефремовского монастыря, архиепископ Афанасий пригласил в донскую обитель монахинь и инокинь из других монастырей. В ответ на приглашение иерарха из Усть-Медведицкого в Ефремовский монастырь перешли пять насельниц, из Серпуховского Владычнего девичьего монастыря Московской губернии – две, из Воронежского Покровского девичьего монастыря – одна, из Новгородской Свято-Духовой девичьей обители – две, из Тихвинского Борисовского девичьего монастыря Курской губернии – одна [8, л. 1–50]. Разумеется, не все были казачьего происхождения, поэтому идея приема в Ефремовский монастырь только девиц казачьего происхождения сразу была скорректирована в сторону всесословности.

Также, несмотря на то что в указе об учреждении Ефремовского монастыря значилось «девичий» [7], архиепископ Афанасий принял решение о приеме в монастырь вдов.

12 сентября 1837 г. при участии архиепископа Афанасия состоялось торжественное открытие Ефремовского монастыря по специально созданному для этого торжества церемониалу, в котором участвовало духовенство Старочеркасской и близлежащих станиц [2, с. 95, 96].

Начало жизни Ефремовской обители было непростым. Во-первых, Е.И. Ефремова, которая вела ходатайства об учреждении обители и выступила основной благотворительницей, считала своим долгом руководить процессами в начинавшей свой путь обители. Поскольку Евдокия Иоакимовна с разрешения архиепископа Афанасия продолжала проживать в доме Ефремовых, пожертвованном обители, ее вмешательство в жизнь монастыря было постоянным и активным.

Недостаток помещений для размещения сестер, неналаженный быт, связанный в первую очередь с отсутствием земли, которая бы кормила насельниц, обусловили тот факт, что изначально Ефремовский монастырь не был общежительным, несмотря на закон Российской империи об учреждении обители. Вопрос о введении устава общежительного монастыря был поставлен указом Донской духовной консистории только в 1855 г. [9, л. 24–26].

Первой игуменией Старочеркасского Ефремовского монастыря стала дочь казака ст. Урюпинской 1773 года рождения монахиня Ираида. С 1790 г. она была послушницей Усть-Медведицкого Преображенского девичьего монастыря, в 1800 г. перешла в Борисовский Тих-

винский монастырь Курской губернии, основанный сподвижником императора Петра I фельдмаршалом Борисом Петровичем Шереметевым. Там в 1801 г., в возрасте 28 лет, она была пострижена в монашество. В Старочеркасский Ефремовский монастырь монахиня Ираида была перемещена по указу Новочеркасской духовной консистории в 1837 г., 14 мая 1838 г. назначена начальницей, а 19 августа того же года по инициативе архиепископа Афанасия (Телятева) возведена в сан игумении Ефремовской обители [8, л. 1 об. – 2]. На тот момент ей было 65 лет. Перед первой игуменией стояла непростая задача – сформировать штат насельниц, решить вопросы их размещения в зданиях, на тот момент не приспособленных к жизни монашествующих, заложить основы внутренней жизни обители.

На протяжении первых двух лет в штат обители были зачислены 40 чел.: 3 монахини, 5 инокинь и 32 послушницы [8, л. 1–50]. Представляет интерес их сословная принадлежность до ухода в монастырь (при зачислении в обитель жаждущие монашеской жизни переводились в духовное сословие). Большинство насельниц «казачьего» монастыря, как это и полагалось по мысли устроительницы обители, – 24 чел. – были казачьего происхождения. Одна из поступивших в Ефремовский монастырь происходила из дворян Тамбовской губернии, трое – из духовного сословия (дочь диакона Воронежской губернии и вдовы протоиереев Полтавской губернии), двое – из мещан (г. Псков и Тульская губерния), двое – из крестьян [8, л. 1–50].

По социальному статусу 32 послушницы были девицами, т. е. никогда не выходили замуж, 7 насельниц – вдовами казаков, одна – вдовой штаб-лекаря г. Новочеркасска [8, л. 1–50].

Возраст насельниц охватывал диапазон от 18 до 70 лет: до 20 лет среди послушниц было 5 девиц, от 20 до 30 лет – 11, от 30 до 40 лет – 8, от 40 до 50 лет – 4, от 50 до 60 лет – 7, от 60 до 70 лет – 4, свыше 70 лет – 2 [8, л. 1–50]. Как видно, при учреждении монастыря ключевой группой были насельницы от 20 до 40 лет – основа штата, поскольку именно они через определенное время стали монахинями и инокинями, на протяжении многих лет выполнявшими главные функции обители.

Жизнь в монастыре предполагала выполнение послушаний, смысл которых заключался не только в исполнении религиозных функций, но и в обеспечении жизнедеятельности обители. Послушания делились на организационные, связанные с деятельностью игумении; повседневные (жизненно необходимые); связанные с богослужебной жизнью (обеспечение богослужений, обеспечение порядка в храме, продажа свечей) и социально направленные.

Первые два года существования Ефремовского монастыря отмечались устройством внутренней жизни. Характерной особенностью было функционирование обители не как общежительной, а как особножитной, что обусловлено особенностями ее материального положения.

Вторая игумения Ефремовского монастыря – монахиня Ефросиния (в миру – Екатерина Иоакимовна Дячкина), вдова генерал-майора Войска Донского [2, с. 183], т. е. представительница казачьей верхушки. Она была возведена в сан игумении 21 января 1840 г. [10, л. 1 об. – 2]. Несмотря на происхождение и значимые пожертвования до принятия монашества, как и игумения Ираида, игумения Ефросиния «должна была действовать в согласии с волею и желанием строительницы монастыря Е.И. Ефремовой». Поскольку последняя продолжала материально обеспечивать жизнь обители, фактическое руководство делами осуществляла именно она [2, с. 183].

К 1845 г., спустя пять лет после назначения игумении Ефросинии, Ефремовский монастырь ощутимо расширился. К этому времени число насельниц достигло 56: 15 монахинь, 18 инокинь и 23 послушницы. При этом на фоне утраты 8 насельниц (по причине смерти), в обитель поступило 22 послушницы. Если в начале становления Ефремовского монастыря определенная часть монашествующих перешла туда из других обителей, то в 1840-х гг. этот процесс завершился.

Сословная принадлежность насельниц Ефремовского монастыря продолжала оставаться разнообразной при однозначном большинстве девиц и вдов казачьего происхождения, что позволяло в среде населения Земли Войска Донского продолжать понимать Ефремовскую обитель как казачью, несмотря на то что число насельниц неказачьего происхождения продолжало увеличиваться. Так, в 1845 г. из 56 монахинь, инокинь и послушниц 33 были казачьего происхождения.

Рост численности насельниц обусловил и увеличение вдов в их среде. В 1845 г. в монастыре числилось 40 девиц и 16 вдов, т.е. число вдов, главным образом казаков, выросло в два раза по

сравнению с 1838 г. Возрастной состав насельниц Ефремовского монастыря к 1845 г. изменился незначительно.

В январе 1850 г. игумения Ефросиния просила архиепископа Донского и Новочеркасского Иоанна (Доброзракова) об увольнении на покой. В качестве своей преемницы она рекомендовала монахиню Лавру [2, с. 184], которая была одной из первых насельниц Ефремовского монастыря, несмотря на то что не происходила из казачьего сословия.

Игумения Лавра (1850–1872) (в миру – Екатерина, фамилия не сохранилась) происходила из семьи купца г. Венева Тульской губернии. 30 сентября 1830 г. после «увольнения» из купеческого сословия она поступила в число послушниц Серпуховского Владычнего девичьего монастыря Московской губернии. 16 августа 1833 г. послушница Екатерина была облачена в рясофор, в монашество пострижена в 1835 г. [10, л. 4 об. – 5].

Тринадцать лет, прошедших со времени основания Ефремовского монастыря, незначительно изменили сословный состав насельниц. Подавляющее большинство из них (43 чел.) были из семей казаков: 12 монахинь, 23 инокини и 8 послушниц [11, л. 1–10]. Вторая по численности группа – 12 чел. (3 монахини, 4 инокини и 5 послушниц) – выходцы из крестьянских семей. Третья – 6 чел. (1 монахиня, 4 инокини и 1 послушница) – из семей духовенства [11, л. 1–10]. Остальные сословия представлены по одному человеку: 1 монахиня (игумения Лавра) из купеческой семьи, 1 монахиня и 1 послушница из мещан, по 1 – из дворян, военного сословия, однодворцев Кавказской области, казаков Кубанского линейного войска [11, л. 1–10]. Как видно, состав насельниц Ефремовского монастыря начал расширяться за счет выходцев из Кавказской области. Это было обусловлено в первую очередь тем, что в данной области в середине 1850-х гг. были только мужские монастыри.

В 1850 г. продолжалась традиция ухода в монастырь вдов казаков. В этом году их численность – 5 монахинь, 8 инокинь и 7 послушниц – составляла 30 % насельниц. Возраст насельниц охватывал диапазон от 19 до более 80 лет.

Деятельность игумении Лавры была активной и продуктивной. За 15 лет руководства обителью – с 1850 по 1865 г. – численность насельниц была увеличена на 70 чел. (48 %). Это происходило за счет облачения значительного числа насельниц в рясофор и зачисления в монастырь послушниц. Постриги в монашество были достаточно редки.

В середине XIX в. начала расширяться география поступающих в Ефремовский монастырь. Если в первое 20-летие монахини, инокини и послушницы в основном были дочерями и вдовами казаков и крестьян Земли Войска Донского, то в 1866 г. в обитель были зачислены девицы, происходившие из семей казаков Кавказского казачьего линейного войска и казенных крестьян Кавказской области. Со второй половины XIX в. Ефремовский монастырь полюбили представительницы из Малороссии: мещанки Екатеринославской, Стародубской, Черниговской губерний, Ростова-на-Дону и крестьянки Харьковской губернии [11, л. 1–10].

Завершение служения игумении Лавры было омрачено нестроениями и внутренними смутами в монастыре, что было связано с личностью архиепископа Донского и Новочеркасского Платона (Городецкого) (на Дону – с 1867 по 1877 г.) и его оценкой внутренней жизни Ефремовской обители.

Волнения начались неожиданно: 8 января 1869 г. игумения Лавра представила в Донскую духовную консисторию ведомость «о монахинях и послушницах … за 1867 г.» [12]. Ознакомившись с документом, архиепископ Платон остался весьма недоволен и впервые озвучил мысль, что монашествующие должны приносить пользу, причем не монастырю и насельницам, а обществу, т.е. прямо он заявил, что монастырь обязан вести социальную деятельность.

В ответ на оставленную на документе резолюцию архиепископа Платона, которым двигало желание упорядочить жизнь в монастыре, в обители начались волнения – часть инокинь отказалась выполнять послушания, часть насельниц покинула монастырь.

Архиепископ Платон очень резко отреагировал на эти события. Он не просто порицал недостойное поведение инокинь, но 10 ноября 1870 г. поставил вопрос о том, что обитель нужно преобразовать, «поскольку она не соответствует той цели, для которой была учреждена» [9, л. 11–12]. Будучи рациональным человеком с выраженным структурным мышлением, он представил план преобразований: 1) установить в Ефремовском монастыре иноческое общежитие –

то, что, собственно, было оговорено в законе Российской империи об учреждении Ефремовской обители; 2) завести богадельню для беднейших вдов и сирот всех сословий, в особенности же духовных; 3) открыть училище для девиц духовного звания и других сословий; 4) удалить из монастыря тех женщин, которые живут в нем без дозволения епархиального начальства, удалить в первобытное состояние послушниц, которые не способны к монашеству, а монахинь, которые были главной причиной произошедших в Старочеркасском монастыре беспорядков и недовольны управлением, перевести в Усть-Медведицкий монастырь под строгий надзор его настоятельницы; 5) несмотря на отсутствие количественных ограничений в отношении числа насельниц, ввести штат. Условием для штатных монахинь сделать исполнение обязанностей сестер милосердия в монастырской богадельне, а для других – обязанностей надзирательниц в монастырском училище [9, л. 11–17]. Как видно, архиепископ Платон настаивал на ведении монашествующими социальной деятельности [9, л. 12–17]. Это выразилось в том числе в его приказе: «Чтобы монастырь был полезен не только для живущих в нем монахинь и послушниц, но и для общества» [9, л. 18–20 об.].

Позиция иерарха была непонятна насельницам. Монахини, за исключение одной, смиренно восприняли волю архиепископа Платона. Для возвращения в обитель инокинь, несогласных с решением иерарха, старшим сестрам монастыря пришлось потрудиться. Часть насельниц, обладавших казачьим упорством, обратилась «за правдой» в Священный синод.

Переписка Священного синода с архиепископом Платоном продемонстрировала, что радикальная позиция иерарха не приветствовалась. Его противостояние не увенчалось успехом – все сестры, покинувшие обитель, были возвращены, но их статус вернули им не сразу.

В период бурного противостояния игумения Лавра, по всей видимости, тяжело переживавшая происходившие события, удалилась от руководства обителью и все дела временно передала казначее Ефремовского монастыря монахине Митрофании [13, 14]. Архиепископ Платон, не оставлявший надежды «исправить» монастырь, начал активно искать замену игумении. В 1864 г. игумении Лавре исполнилось 75 лет, и с этого времени в ведомостях о насельницах она уже не указывается. Она скончалась в начале 1870-х гг. и была погребена на монастырском кладбище.

Волнения и поиск архиепископом Платоном новой настоятельницы Ефремовской обители, которой стала выдающаяся дочь Дона игумения Иннокентия (Александра Ивановна Петрова), стали завершающим этапом становления обители. Несмотря на все сложности и неприятные события, именно игумении Лавре удалось заложить основу для последовавшего расцвета обители.

Итак, Старочеркасский Ефремовский женский монастырь еще на стадии ходатайств об учреждении мыслился как составляющая казачьей идентичности: он был основан в древней столице донского казачества Черкасске, с 1805 г. ставшей ст. Старочеркасской, но не утратившей при этом своей сакральной значимости; на подворье известных войсковых атаманов Ефремовых, прославившихся в том числе церковной благотворительностью; помимо осмысления монастыря как места памяти рода Ефремовых, его основание предполагало воплощение казачьей традиции социальной поддержки матерей и вдов казаков, потерявших кормильцев, а также казачьих девиц, оставшихся за пределами семейной жизни.

Процесс формирования Ефремовского монастыря после учреждения в 1837 г. продемонстрировал невозможность создания обители с насельницами исключительно казачьего происхождения. Также с первых дней пришлось отказаться от идеи девичьего монастыря в пользу женского. На протяжении 1837–1850-х гг. подавляющим большинством насельниц оставались монахини, инокини и послушницы казачьего происхождения, среди них было много девушек, не выходивших замуж до ухода в монастырь.

Несмотря на постепенное уменьшение казачьей составляющей, формирование обители продолжало мыслиться как часть казачьей идентичности.

Список источников

1. Старочеркасский Ефремовский женский монастырь // Славный град Черкасск. Собр. соч. протоиерея Григория Левитского. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2024. С. 135–143.

2. *Кириллов А.А.* Старочеркасский Ефремовский женский монастырь Донской епархии : ист. очерк монастыря с предварительными сведениями о Старочеркасске и роде Ефремовых. Новочеркасск: Донская тип., 1897. 201 с.

3. *Кирсанов Е.И.* Православный Тихий Дон. М.: Журн. «Держава», 1997. 375 с.

4. *Римский С.В.* Бекреневский во имя святителя Николая мужской монастырь // Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2002. Т. IV. С. 465–466.

5. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 115. Д. 1923.

6. Положение об управлении Донского Войска // Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2. Отд. 1. СПб.: Тип. Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1836. Т. X, № 8163. С. 453–639.

7. Об учреждении в Новочеркасской епархии Войска Донского в Старочеркасской станице женского Ефремовского монастыря // Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Тип. Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1837. Т. XII, № 9899. С. 61–62.

8. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 226. Оп. 2. Д. 2434.

9. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 6162.

10. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 3467.

11. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 4030.

12. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 5832.

13. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 5700.

14. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 5828.

References

1. Starocherkassk Efremovsky Convent. *The glorious city of Cherkassk*. Collected works of Archpriest Grigory Levitsky. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 2024:135-143. (In Russ.).

2. Kirillov A.A. *Starocherkassk Efremovsky convent of the Don Diocese. Historical essay on the convent with preliminary information about Starocherkassk and the Efrem family*. Novocherkassk: Don Printing House; 1897. 201 p. (In Russ.).

3. Kirsanov E.I. *Orthodox Quiet Don*. Moscow: Journal “Empire”; 1997. 375 p. (In Russ.).

4. Rimsky S.V. Bekrenevsky in the name of St. Nicholas Male Convent. *Orthodox Encyclopedia*. Moscow: Orthodox Encyclopedia; 2002;4:465-466. (In Russ.).

5. *Russian State Historical Archive*. Fund 796. In. 115. File 1923. (In Russ.).

6. Regulations on the management of the Don Army. *Complete collection of laws of the Russian Empire*. Collection 2. St. Petersburg: Printing House of the Department of His Imperial Majesty's Chancellery; 1836;10(8163):453-639. (In Russ.).

7. On the establishment of the Efremovsky Women Convent in the Novocherkassk diocese of the Don Army in the Starocherkassk village. *Complete collection of laws of the Russian Empire*. Collection 2. St. Petersburg: Printing House of the Department of His Imperial Majesty's Chancellery, 1837;12(9899):61-62. (In Russ.).

8. *State Archive of the Rostov Region* (further - SARR). Fund 226. In. 2. File 2434. (In Russ.).

9. *SARR*. Fund 226. In. 2. File 6162. (In Russ.).

10. *SARR*. Fund 226. In. 2. File 3467. (In Russ.).

11. *SARR*. Fund 226. In. 2. File 4030. (In Russ.).

12. *SARR*. Fund 226. In. 2. File 5832. (In Russ.).

13. *SARR*. Fund 226. In. 2. File 5700. (In Russ.).

14. *SARR*. Fund 226. In. 2. File 5828. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Шадрина – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ЮНЦ РАН.

Information about the author

A.V. Shadrina – Doctor of Science (History), Leading Researcher, SSC RAS.

Статья поступила в редакцию 21.07.2025; одобрена после рецензирования 27.08.2025; принята к публикации 12.09.2025.
The article was submitted 21.07.2025; approved after reviewing 27.08.2025; accepted for publication 12.09.2025.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW RELATIONS IN RUSSIA

Научная статья
УДК 343.221
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-111-118

ВЛИЯНИЕ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОДРОСТКА НА ПРИВЛЕЧЕНИЕ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗРАСТНОЙ НЕВМЕНЯЕМОСТИ

Ольга Геннадьевна Казанцева [1]✉, Владимир Валерьевич Косинков [2], Наталья Борисовна Осипян [3]
[1, 2, 3] Филиал Московского университета им. С. Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия
[1] kazantseva10@mail.ru✉
[2] Kosinkov.vladimir@mail.ru
[3] n.osipyan@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются уголовно-правовые нормы, устанавливающие критерии уголовной ответственности лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, совершивших преступные деяния. Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию уголовного законодательства в части привлечения к уголовной ответственности лица, отстающего в психическом развитии. В ходе исследования использованы диалектический метод научного познания, а также исторический, логический, нормативно-правовой и др. Проведен анализ случаев из судебной практики в части привлечения к ответственности лиц, совершивших преступления, но не достигших восемнадцатилетнего возраста. Установлено, что отставание в умственном развитии, не опосредованном наличием психического расстройства, довольно часто встречается у подростков. Имея подобное отставание, лицо не имеет возможности объективно воспринимать случившееся, тем более делать выводы относительно своего дальнейшего поведения. Конечно, указанный довод не должен учитываться как руководство для судов, так как не всех лиц следует освобождать от установленной ответственности, но стоит принимать во внимание особенности личности несовершеннолетнего и в случае необходимости проводить нужные экспертизы. Предлагается законодательно чётко установить критерии вменяемости лица, особо акцентируя внимание на указании возраста.

***Ключевые слова*:** уголовная ответственность, несовершеннолетний, умственное развитие, субъект преступления, психическое расстройство, педагогическая запущенность, возрастная невменяемость, принудительные меры медицинского характера

Для цитирования: Казанцева О.Г., Косинков В.В., Осипян Н.Б. Влияние психофизического развития подростка на привлечение к уголовной ответственности и проблемные вопросы возрастной невменяемости // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 3. С. 111–118. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-111-118

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

© Казанцева О.Г., Косинков В.В., Осипян Н.Б., 2025

Original article

THE INFLUENCE OF A TEENAGER'S PSYCHOPHYSICAL DEVELOPMENT ON CRIMINAL PROSECUTION AND PROBLEMATIC ISSUES OF AGE-RELATED INSANITY

Olga G. Kazantseva [1]✉, Vladimir V. Kosinkov [2], Natalia B. Osipyan [3]
[1, 2, 3] Branch of Witte Moscow University in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia
[1] kazantseva10@mail.ru✉
[2] Kosinkov.vladimir@mail.ru
[3] n.osipyan@yandex.ru

Abstract. The article discusses criminal law norms establishing the criteria for criminal liability of persons under the age of majority who have committed criminal acts. The article also formulates specific proposals for improving criminal legislation in terms of bringing to criminal liability to a person with mental retardation. The study used the dialectical method of scientific knowledge, as well as historical, logical, normative and legal, etc. An analysis of cases from judicial practice in terms of bringing to justice persons who committed crimes but have not reached the age of eighteen was conducted. It was found that mental retardation is not mediated by the presence of a mental disorder is quite common among teenagers. Having such a retardation, a person is not able to objectively perceive what happened, much less draw conclusions about his future behavior. Of course, this argument should not be taken into account as a guide for the courts, since not all persons should be released from established liability, but it is worth taking into account the personality traits of a minor and, if necessary, conduct the necessary examinations. It is proposed to clearly establish by law the criteria for a person's sanity, with particular emphasis on indicating age.

***Keywords*:** criminal liability, minor, mental development, subject of a crime, mental disorder, pedagogical neglect, age-related insanity, compulsory medical measures

For citation: Kazantseva O.G., Kosinkov V.V., Osipyan N.B. The Influence of a Teenager's Psychophysical Development on Criminal Prosecution and Problematic Issues of Age-Related Insanity. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(3):111-118. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-111-118

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

В рамках психологии известно несколько теорий, относительно затрагивающих тенденции развития психики человека. Любая из них самостоятельно предпринимает попытку решения вопроса о выделении факторов, обусловливающих подобное развитие. Чаще всего это сводится к тому, что на психическое развитие ребенка большое влияние оказывает и наследственность, и внешняя среда [1, с. 37].

При этом нет никаких сомнений в том, что способность человека осознавать и контролировать собственные действия формируется у него не в момент рождения, а только при достижении определенного возраста. Такая возможность появляется у него за счет накопления определенного жизненного опыта, в связи с чем он уже может решать – нарушать действующие в обществе законы и правила или нет. Если же у человека еще не сложились эти навыки и способности, то его общественные действия не могут формировать состав преступления, а значит, его нельзя привлекать к уголовной ответственности.

Результаты исследования

Психологические исследования показывают, что значительное развитие интеллекта, а также интенсивное становление ключевых качеств личности происходит в подростковом возрасте – с 11 до 15 лет. Именно в этот период усиленно выстраиваются нравственные взгляды, чувства и

убеждения. Дополнительно отметим, что происходит значительное усиление интереса к самопознанию, а также оценке морально-психологических качеств окружающих подростка людей. Однако нужно учитывать, что даже в этот период формирование личности и развитие интеллекта все еще происходят, итоговый уровень развития не достигнут, а социальный опыт крайне мал. В связи с этим способность принимать решения у подростков все еще ограничена.

Разумеется, все указанные особенности не относятся к несовершеннолетним, отстающим в собственном развитии. Специфической чертой отсталости в умственном развитии является универсальная степень развития интеллектуальных возможностей несовершеннолетнего, которая не подходит для возраста, который уже наступил, в связи с чем они обладают крайне ограниченной способностью осознания и оценивания собственных действий по сравнению со сверстниками. Очевидно, что в таком случае они не рассматриваются в качестве субъекта преступления, поскольку им могут выступать только лица, способные принимать решения и действовать с полным осознанием своих поступков [2, с. 32].

Решение этой проблемы нашло отражение в ч. 3 ст. 20 УК РФ. В целом в ней содержатся нововведения, основанные на криминологических показателях преступности среди несовершеннолетних. В частности, суть заключается в том, что в ситуации, где несовершеннолетний 16-летнего или 14-летнего возраста совершил преступление, но в связи с отставанием в психическом развитии, не вызванным психическим расстройством, что не позволило оценить фактический характер совершаемых действий, а также их общественную опасность, он не подлежит уголовной ответственности. Это можно считать значительным послаблением.

На наш взгляд, законодатель пытается таким образом решить один из спорных вопросов проблемы возрастного критерия уголовной ответственности [3, с. 57].

Согласно общему правилу, лежащему в основе законодательства, в возрасте от 14 до 18 лет субъект продолжает собственное интеллектуальное развитие, его личность и сознание все еще формируются и активно развиваются. При этом практически невозможно выделить конкретный день, когда наступает переломный момент во взглядах и убеждениях, с которого можно говорить, что человек достиг некоего нужного уровня социализации личности. Надо учитывать, что существует огромное количество подростков, опережающих своих сверстников в развитии, и вместе с этим есть большое число подростков, значительно отстающих в развитии, и даже по достижении конкретной возрастной планки они все еще не могут отвечать за свои поступки. Далее предлагается несколько подробнее остановиться на рассмотрении ситуаций, не обусловленных психическим расстройством, в рамках уголовного закона.

Прежде всего, это возрастная незрелость, детерминированная неблагоприятными социально-психологическими факторами (социокультурная депривация, негативное воздействие среды, тяжелая социальная, семейно-бытовая или педагогическая запущенность, неправильное воспитание и т. п.). Речь идет о явном несоответствии поведения подростка господствующим социальным нормам, его неадаптированных в общественном отношении поступках.

Отставание в психическом развитии может быть вызвано огромным количеством факторов, не связанных с медицинскими показателями, при этом каждая форма потребует детального исследования из-за высокой сложности. В большинстве ситуаций основой проблемы является несоответствие общему уровню развития познавательных процессов, а также мотивации к обучению. Часть случаев подразумевает диагностику тотальной задержки развития интеллекта, а часть нарушений вызвана отклонениями в эмоциональной сфере.

Причем сенсорные дефекты также могут выступать в качестве причин отставания в психическом развитии, особо тяжелые случаи связаны с несвоевременным выявлением подобных проблем. Отсутствует соответствующая подготовка в рамках учебного и воспитательного процессов, после чего у ребенка фиксируется педагогическая запущенность. Существуют также и определенные заболевания соматического характера, вызывающие общее отставание в психическом развитии [4, с. 71].

Разумеется, «неполноценность» подростков с особенностями в одном и том же возрасте будет сильно отличаться, она зависит от крайне широкого перечня факторов, среди которых общий уровень образования и обучения, качество воспитательной работы, перенесенные заболевания.

Таким образом, медицинский аспект так или иначе может присутствовать в том числе и в обычных видах отставания в психическом развитии. Вместе с этим существует огромная сеть переходных вариантов, в каждом из которых важную роль играют либо биологические, либо социальные факторы. Все перечисленные ранее особенности выступают в качестве главного предмета судебной экспертизы, которая должна определить основные особенности функционирования психической деятельности несовершеннолетнего.

Далее предлагается проанализировать п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ [5], где дополнительно рассматривается вопрос определения уголовной ответственности в отношении лица, которое достигло возраста, описанного в ч. 1 и 2 ст. 20 УК РФ, но обладает отставанием в психическом развитии, не связанным с психическими расстройствами. Здесь указывается, что подобные дела требуется рассматривать на основе материального и процессуального закона, а также конкретных особенностей, содержащихся в нем.

Приведем пример: суд зафиксировал, что в назначенный день несовершеннолетний подсудимый Б. не явился, в связи с чем было принято решение объявить того в розыск, а также изменить его меру пресечения на содержание под стражей. Решение суда было приведено в действие в тот же день, в результате чего подсудимый Б. оказался в следственном изоляторе. Вследствие этого полноценно рассмотреть дело по существу удалось спустя лишь время из-за болезни Б. Он был осужден по ч. 2 ст. 158 УК РФ за кражу доильного аппарата и приговорен к наказанию в виде лишения свободы сроком на 2 года, по ст. 73 УК РФ ему был назначен испытательный срок один год. Суду так и не удалось узнать причину первичной неявки в суд, а также конкретный характер заболевания в ходе пребывания в следственном изоляторе. В ходе судебного рассмотрения удалось выяснить ситуацию благодаря законному представителю несовершеннолетнего – его матери: она в одиночку занималась воспитанием восьми детей; из-за отсутствия достаточного количества материальных средств Б. работал скотником, что обусловило его отставание в умственном развитии, поскольку свое обучение он проходил во вспомогательной школе-интернате. Вместе с этим была представлена специальная справка, выданная Рязанским областным психоневрологическим диспансером, согласно которой Б. поставлен диагноз «олигофрения» в стадии дебильности. На основе этого документа можно сделать вывод, что суд формально подошел к рассмотрению дела и нарушил положения уголовно-процессуального закона, изменив меру пресечения на содержание под стражей.

Затем проводилась дополнительная экспертиза, в рамках которой определялось заключение, мог ли несовершеннолетний, несмотря на имеющееся у него отставание в развитии, осознавать фактический характер собственных действий, а также контролировать их. Зачастую подобная информация игнорируется не только следователями и прокурорами, но и судом, что приводит к вынесению несправедливых приговоров. В рамках заключения по экспертизе написано, что Б. не страдает психическим заболеванием, однако из-за родовой травмы головного мозга и недоношенности по уровню общего развития он не соответствует возрасту 14 лет, в связи с этим обладает недостаточной способностью прогнозировать и контролировать собственные действия, поэтому он не мог осознавать последствий. Впрочем, прокурор данную информацию не учел, после чего утвердил обвинительное заключение и направил дело в суд, а уже в суде рассмотрение дела было остановлено.

Отметим, что достаточно большое количество авторов занимаются проведением исследований по вопросам психофизического развития подростков, а также влияния уровня этого развития на их способность нести уголовную ответственность. К примеру, Г.М. Миньковский изучал данную проблему в контексте аспекта невменяемости, вызывавшего отставание в психофизическом развитии. Из-за задержек в психофизическом развитии общий уровень интеллектуального развития становится крайне низок и может не соответствовать достигнутому возрасту. На основе этого он сделал вывод, что такие подростки не могут рассматриваться в качестве вменяемых в отношении преступлений, совершенных ими [6, с. 67].

Впрочем, с нашей точки зрения, Г.М. Миньковский необоснованно расширяет понятие невменяемости, поскольку из его суждений выходит, что «умственная отсталость» и «невменяемость» – идентичные категории. Здесь важно отметить тот факт, что умственная отсталость подростка, связанная с его чрезмерным инфантилизмом или отсутствием качественной педаго-

гической подготовки, не свидетельствует о наличии у него психических расстройств, т. е. совершенно не исключается, что данный человек является вменяемым. Подчеркнем, что невменяемость подростка не может быть определена только на основе недоразвития умственных способностей неболезненного характера. Таким образом, в качестве основания для освобождения от уголовной ответственности следует рассматривать не наличие некоторых признаков невменяемости, а отсутствие факторов, подтверждающих интеллектуальное и волевое развитие личности, на основе которых закон и определяет возраст наступления уголовной ответственности.

Вместе с этим подчеркнем, что, согласно ч. 3 ст. 20 УК РФ, именно презумпция соответствия лица некоторому общему уровню развития стала опровержимой, а используемые формальные возрастные границы – менее жесткими.

На основе рассмотренных тезисов приходим к выводу, что изменение нормативной границы наступления уголовной ответственности на текущем этапе рассматривается только в сторону послабления, хотя на самом деле достаточно часто общественно опасные деяния совершаются лицами, не достигшими 14-летнего возраста, но по своим психическим и моральным качествам значительно опережающими сверстников. Впрочем, введение обратной опровержимости возрастной презумпции в сторону ужесточения может стать причиной повышения общего субъективизма при назначении наказаний несовершеннолетним, а также создаст благоприятные условия для формирования злоупотреблений с точки зрения привлечения к ответственности. Подобный вывод сформирован на основе общей практики использования ч. 3 ст. 20 УК РФ. Сегодня достаточно большое количество юристов указывают, что данная норма не соответствует положениям ст. 22 УК РФ, где приводится уголовная ответственность для лиц с психическими расстройствами, которые не могли в полной мере осознавать последствия и общественную опасность своих поступков [7, с. 22].

Введение термина «несовершеннолетний» в законодательство крайне важно, поскольку это позволило установить конкретную юридическую границу между разными возрастными категориями, уточнив действие законодательства относительно них. В частности, выделена специальная автономная демографическая группа людей, выступающих в качестве носителей специальных прав и обязанностей. Подобное обособление связано с необходимостью организации специальной правовой защиты несовершеннолетних, обладающих особыми социальными, психическими и физическими качествами. Из-за отсутствия полноценной возрастной адаптации возникла необходимость в создании правовой компенсации этих особенностей.

Отметим, что условность 18-летнего порога связана не только с отличиями в законодательстве разных стран. Она существенно проявляется и с точки зрения развития конкретной личности. Стоит понимать, что личность каждого человека может не совпадать с существующими законодательными представлениями, каким человек должен быть в данном возрасте. К примеру, он может быть чрезмерно зрелым за счет опережающего развития, но вполне возможны и ситуации, когда человек отстает в развитии и даже через несколько лет после достижения планки совершеннолетия по своему психическому развитию еще не соответствует всем законодательным критериям.

Таким образом, формируется противоречие: если человек осознает свои действия, но не может полностью ими руководить, то в данном случае исключается уголовная ответственность, а вот при психических расстройствах – нет. И притом наиболее явно видно это в отношении несовершеннолетних граждан, в связи с чем требует разрешения. В некоторых статьях особенной части УК РФ содержатся указания на субъекта в виде совершеннолетнего, однако там поясняется, что даже по достижении 18-летнего возраста может наблюдаться определенное отставание в развитии.

Если более подробно проанализировать исследовательские работы различных правоведов, то норма, описываемая в ч. 3 ст. 20 УК РФ, в них называется возрастной невменяемостью. Подчеркнем, что такой термин в Уголовном кодексе России отсутствует. Подобная особенность свидетельствует об отсутствии общепринятого понимания сущности данного термина, т. е. вопрос так и не получил достаточной проработки. При этом проводимый анализ экспертной и судебной практики демонстрирует, что введение подобного термина в юридическую практику является крайне востребованным со стороны правоприменителей, в первую очередь следовате-

лей, однако экспертное сообщество так и не смогло сформировать единого мнения по данному вопросу [8, с. 34].

По результатам обобщения 100 уголовных дел, заведенных в 14 субъектах Российской Федерации, удалось обнаружить, что 95 % были прекращены на этапах предварительного расследования и только 5 % завершались в суде.

Таким образом, можно сделать вывод, что следователи активно занимались поиском возможности для прекращения уголовного преследования, как только обнаружили первые признаки отставания в психическом развитии. При этом среди экспертов отсутствует единая позиция по данному крайне принципиальному вопросу, который определяет особенности использования ч. 3 ст. 20 УК РФ. Так, среди психиатров распространена позиция: факт более низкого психического возраста должен быть очевиден. Вместе с этим отмечается, что задача по определению фактического психологического возраста при этом не является самоцелью и в определенном случае не может быть выполнена корректно с методической точки зрения.

В качестве основания для наступления правовых последствий должна выступать не конкретная причина, вызвавшая нарушения в развитии человека, а конкретная степень данного нарушения. И этот принцип нарушается в указанной статье Уголовного кодекса РФ, на что многократно обращали внимание и психологи, и психиатры.

На основе данных особенностей в рамках уголовно-правовой литературы предлагается внести правки, при помощи которых можно будет более четко разграничить положения ч. 3 ст. 20 и ст. 22 Уголовного кодекса России. К примеру, формулировка «вменяемое лицо» должна быть расширена при помощи фразы «достигшее восемнадцатилетнего возраста», что позволит отграничить ст. 22 УК РФ от влияния на несовершеннолетних [9].

Формулировка «в полной мере» в данной отрасли была позаимствована из взрослой психиатрии, где выделяется вполне конкретная норма. При этом, если анализировать показатели нормы у несовершеннолетних, становится очевидно, что она будет непосредственно связана с возрастом. Те вещи, которые ненормальны для ребенка в возрасте 16 лет, могут быть вполне нормальны для ребенка 15 лет.

Какое отставание в психическом развитии имеет в виду законодатель – от нормативного для паспортного возраста несовершеннолетнего психического развития или от уровня развития, соответствующего возрасту наступления уголовной ответственности, из текста ч. 3 ст. 20 УК РФ понять не представляется возможным.

Прекратить производство по делу на основании ч. 3 ст. 20 УК РФ могут также следователь и прокурор. Такая практика, как показывают результаты проведенного исследования, отрицательно сказывается на полноте и объективности предварительного следствия и, как результат, обоснованности принятого решения.

Заключение

В случае судебного вердикта, признающего обвиняемого невменяемым, суд может назначить в отношении него специальные принудительные меры медицинского характера, основная цель которых будет заключаться в исключении повторного совершения общественно опасного деяния. Дополнительно следует отметить тот факт, что освобождение от уголовной ответственности лица, отстающего в психическом развитии, не предусматривает использования в отношении него специальных коррекционных мер. С нашей точки зрения, подобная мера несовершенна, поскольку она в большинстве случаев приводит к тому, что человек просто возвращается в ту неблагоприятную среду, которая изначально подтолкнула его к совершению преступления [10, с. 35].

Психическое расстройство несовершеннолетнего, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания в качестве смягчающего обстоятельства и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера (ч. 2 ст. 22 УК РФ, ч. 2 ст. 433 УПК РФ).

Список источников

1. Комментарий к Уголовному кодексу РФ : в 4 т. Т. 1 : Общая часть / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2024. 316 с.

2. *Дорогин Д.А*. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: правовые позиции судебных органов. М.: РГУП, 2017. 229 с.

3. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства / В.П. Кашепов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др.; отв. ред. В.П. Кашепов. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. 280 с.

4. Уголовное право. Общая часть. Семестр I : учебник для вузов / отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 307 с.

5. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) // Бюл. Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

6. Уголовное право России. Общая и особенная части : учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов [и др.]; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017. 382 с.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации. Комментарий к новейшей действующей редакции / А.Д. Щербаков. М.: Эксмо, 2023. 432 с.

8. *Барсукова Л.И*. Несовершеннолетний как уголовно-правовая категория // Вестник магистратуры. 2021. № 10-2 (121). С. 33–35.

9. *Сутурин М.А., Терентьева В.А.* Возраст как критерий привлечения к уголовной ответственности // Всерос. криминол. журн. 2021. № 5. С. 555–564.

10. *Панарина В.В.* Общественно опасные деяния, совершаемые лицами, не обладающими свойствами субъекта преступления // Уголовное судопроизводство. 2018. № 3. С. 33–38.

References

1. Lebedev V.M., ed. *Commentary on the Criminal code of the Russian Federation* : in 4 vols. Vol. 1: General part. Moscow: Yurait; 2024. 316 p. (In Russ.).

2. Dorogin D.A. *Circumstances excluding criminal liability: legal positions of judicial authorities*. Moscow: Russian State University of Justice; 2017. 229 p. (In Russ.).

3. Kashepov V.P., Golovanova N.A., Gravina A.A. et al. *Criminalization and decriminalization as forms of transformation of criminal legislation*. V.P. Kashepov (ed.). Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law, Contract; 2018. 280 p. (In Russ.).

4. Podroikina I.A., Seregina E.V., Ulezko S.I., eds. *Criminal law. General part.* Semester I: textbook for universities. 6th ed., rev. and add. Moscow: Yurait; 2024. 307 p. (In Russ.).

5. On the judicial practice of applying the legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 at 1st February 2011 (as amended at 28th October 2021). *Supreme Court of the Russian Federation Bulletin*. 2011;(4). (In Russ.).

6. Aryamov A.A., Basova T.B., Blagov E.V. et al. *Criminal law of Russia. General and special parts*: textbook. Yu.V. Gracheva, A.I. Chuchaev (eds.). Moscow: Contract; 2017. 382 p. (In Russ.).

7. Shcherbakov A.D. *Criminal Code of the Russian Federation. Commentary on the latest current edition*. Moscow: Eksmo; 2023. 432 p. (In Russ.).

8. Barsukova L.I. Minor as a criminal-legal category. *Bulletin of the Magistracy*. 2021;(10-2):33-35. (In Russ.).

9. Suturin M.A., Terentyeva V.A. Age as a criterion for bringing to criminal liability. *All-Russian Crime Journal*. 2021;(5):555-564. (In Russ.).

10. Panarina V.V. Socially dangerous acts committed by persons who do not possess the qualities of a subject of a crime. *Criminal Proceedings*. 2018;(3):33-38. (In Russ.).

Информация об авторах

О.Г. Казанцева – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Филиала МУ им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону.

В.В. Косинков – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Филиала МУ им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону

Н.Б. Осипян – кандидат психологических наук, директор Филиала МУ им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону.

Information about the authors

O.G. Kazantseva – Candidate of Science (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Branch of the WMU in Rostov-on-Don.

V.V. Kosinkov – Candidate of Science (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Branch of the WMU in Rostov-on-Don.

N.B. Osipyan – Candidate of Science (Psychology), Director of the Branch of the WMU in Rostov-on-Don.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.08.2025; одобрена после рецензирования 04.09.2025; принята к публикации 12.09.2025.
The article was submitted 26.08.2025; approved after reviewing 04.09.2025; accepted for publication 12.09.2025.

Научная статья
УДК 343.9.01
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-119-127

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОВОКАЦИЕЙ: ПСИХОЛОГО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И МЕРЫ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Ирина Ивановна Короленко [1], Наталья Абрамовна Василенко [2], Ирина Анатольевна Семенцова [3]✉
[1] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
[2, 3] Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия
[3] Филиал Московского университета им. С. Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия
[1] korolenko.irina.2013@mail.ru
[2] nataly550207@mail.ru
[3] irina_semen@inbox.ru✉

Аннотация. Анализируются общественные отношения, связанные с преступным поведением лиц, умышленно провоцирующих совершение преступлений другими лицами, их психолого-криминологическая характеристика и предупреждение подобного поведения. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию уголовного законодательства в части установления уголовной ответственности за указанные деяния, а также на основании изучения личности лица-провокатора. В ходе исследования использованы диалектический, логический, нормативно-правовой методы. Проведен анализ личностных характеристик провокаторов, в том числе отнесённых к области психологии. Установлено два типа провокаторов: 1) лица, имеющие судимость, для которых присуща утрата этических ориентиров; 2) должностные лица, имеющие готовность ради продвижения по карьерной лестнице пренебречь нормами закона и морали. Среди мер предупреждения подобных деяний предлагается виктимологическая профилактика, направленная на работу с потенциальными жертвами провокаций, освещение в СМИ информации о подобных преступлениях, механизмах их совершения. Административный надзор за лицами, уже совершившими преступления, также позитивным образом влияет на дальнейшее поведение бывших осужденных.

***Ключевые слова*:** провокация, детерминанты преступлений, уголовная ответственность, телекоммуникационные сети, должностное лицо, этические ориентиры, правовая безграмотность, личность провокатора, манипуляции

Для цитирования: Короленко И.И., Василенко Н.А., Семенцова И.А. Преступления, связанные с провокацией: психолого-криминологические аспекты и меры их предупреждения // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 3. С. 119–127. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-119-127

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

CRIMES RELATED TO PROVOCATION: PSYCHOLOGICAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS AND MEASURES TO PREVENT THEM

Irina I. Korolenko [1], Natalia A. Vasilenko [2], Irina A. Sementsova [3]✉
[1] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia
[2, 3] Rostov Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia

© Короленко И.И., Василенко Н.А., Семенцова И.А., 2025

[3] Branch of Witte Moscow University in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia
[1] korolenko.irina.2013@mail.ru
[2] nataly550207@mail.ru
[3] irina_semen@inbox.ru✉

Abstract. The article analyzes social relations associated with the criminal behavior of individuals who deliberately provoke others to commit crimes, their psychological and criminological characteristics and prevention of such behavior. The purpose of the article is to study and formulate specific proposals for improving criminal legislation in terms of establishing criminal liability for the above acts, as well as to propose preventive measures based on the study of the personality of the provocateur. The study used dialectical, logical, and normative-legal methods. An analysis of the personal characteristics of provocateurs, including those related to the field of psychology, was conducted. Two types of provocateurs were identified: 1) individuals with a criminal record who are characterized by the loss of ethical guidelines; 2) officials who are willing to neglect the norms of law and morality for the sake of career advancement. Among the measures to prevent such acts, victimological prevention is proposed, aimed at working with potential victims of provocations. It is necessary to publicize information about such crimes and the mechanisms of their commission. Administrative supervision of persons who have already committed crimes can also have a positive effect on the future behavior of former convicts.

***Keywords*:** provocation, determinants of crimes, criminal liability, telecommunication networks, official, ethical guidelines, legal illiteracy, personality of the provocateur, manipulation

For citation: Korolenko I.I., Vasilenko N.A., Sementsova I.A. Crimes Related to Provocation: Psychological and Criminological Aspects and Measures to Prevent Them. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(3):119-127. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-119-127

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Провокация преступления представляет собой искусственное создание провокатором условий совершения преступления без согласия провоцируемого лица с целью последующего уголовного преследования данного лица. Создание обстановки предполагает, что лицо не осознает того, что его провоцируют на совершение преступления.

Основными признаками провокации преступления являются:

– цель действий провокатора – наступление для провоцируемого лица негативных последствий, выраженных в виде уголовной ответственности;

– провоцируемое лицо не должно иметь умысла на совершение преступления до начала провокационной деятельности;

– провокатор имеет прямой умысел, для него имеет значение факт совершения преступления, в большинстве случаев ему неважно, какое это будет преступление;

– способы провокации могут быть различными: уговоры, угрозы, шантаж, обман. Провокатор искусственно создает не только преступление, но и преступника.

Отечественное уголовное законодательство продолжительное время не содержало специальной нормы, которая бы предусматривала ответственность за провокацию преступления. Данная проблема была частично решена с принятием Уголовного кодекса РФ 1996 г. [1], в ст. 304 которого установлена ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа, а с 2018 г. – также подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Однако избранный законодателем подход и введение ст. 304 в Уголовный кодекс РФ не решили существующих на практике проблем, поскольку провокация взятки или коммерческого подкупа – лишь отдельный случай провокации преступления, в данном случае термин «провокация» трактуется как попытка, что вызывает много вопросов.

Анализ зарубежного уголовного законодательства показал, что подход к институту провокации в каждом государстве тоже сильно отличается: одни осуществляют правовое регулирование провокации преступления нормами материального права, другие рассматривают вопросы провокации только в рамках процессуального права, третьи выбирают смешанный подход.

Детерминанты преступлений представляют собой группы социальных явлений, совокупность действий которых порождает и обусловливает преступность. Анализ таких факторов способствует выявлению причин развития преступности в обществе, позволяет снизить уровень преступности и повысить уровень раскрываемости преступлений [2, с. 32]. Криминология рассматривает в качестве детерминантов преступности факторы и конкретные условия, вызывающие прямо или опосредованно преступное поведение.

К обстоятельствам, определяющим общий уровень преступности в обществе, можно отнести политические и социально-экономические факторы. Наша страна сегодня сталкивается с политическими провокациями, западной пропагандой, санкциями, что влечет изменения в обществе, повышение уровня цен и безработицы, а также рост преступности.

Криминологи среди факторов, влияющих на состояние преступности выделяют миграционные процессы, которые ухудшают существующие проблемы. Миграция сопровождается развитием криминальных сообществ, ростом организованной преступности [3, с. 35].

В качестве общих экономических аспектов можно назвать прогрессирующее социальное неравенство, ведь это также может послужить причиной преступного поведения граждан, имеющих низкий социальный статус и доход. Социальные и экономические факторы не выходят за сферу деятельности правовых структур, устранение таких причин является ответственностью государства.

Результаты исследования

Развитие информационных технологий и коммуникационных сетей упрощает совершение преступлений, провокатор может действовать через фейковые аккаунты, в связи с чем его трудно будет вычислить. Неразработанные или неработающие в полном объеме способы контроля социальных сетей делают Интернет одним из основных способов совершения преступлений.

Так, одна из игр унесла жизни многих подростков: провокаторы воздействовали на них через тематические группы в социальных сетях путем различного рода заданий, содержавших прямой призыв к нанесению увечий, а в дальнейшем к причинению смерти самому себе [4]. Мотивом этих провокаторов является желание нанести вред обществу, управлять большим количеством людей. Такого рода провокация отлична от классического понимания, ведь ее цель заключается не в привлечении провоцируемого лица к уголовной ответственности, а в причинении смерти. Подобные преступления – прямая угроза национальной безопасности нашего государства, а их латентность препятствует своевременному их выявлению и раскрытию.

Однако классическая провокация преступления также может быть совершена с помощью телекоммуникационных сетей, в них провокаторы могут делиться преступными схемами, за которые, по их мнению, не предусмотрена уголовная ответственность.

Детерминанты провокации преступления целесообразно рассматривать в зависимости от субъекта преступления – для общего субъекта и специального.

Правоохранительные структуры сталкиваются с большим количеством совершаемых ежедневно преступлений. Что же движет сотрудниками, когда вместо проведения оперативно-разыскных мероприятий в соответствии с установленным порядком они прибегают к провокации? Для некоторых сотрудников провокация преступления и тем самым повышение статистики раскрываемости преступлений выступают способом карьерного роста, хотя и весьма сомнительным. Закон суров, и такого рода превышение должностных полномочий может лишить не только карьеры, но и повлечь за собой привлечение к уголовной ответственности.

Проверочная закупка в отличие от провокации требует колоссальной подготовки и большого количества времени, которого обычно не хватает. Поэтому сотрудники используют некоторые уловки и с их помощью повышают раскрываемость, увеличивают показатели, благодаря чему в итоге получают премии и повышение.

Самой распространенной схемой сегодня является искусственное создание факта доставки наркотических средств, когда гражданин устраивается на работу курьером доставки, получает упакованный товар, проверка которого не входит в обязанности доставщика, доставляет товар по указанному адресу, где его встречают сотрудники правоохранительных органов. Экспертиза устанавливает, что вещества, обнаруженные у курьера, – наркотические. Для расследования такого дела не нужно проводить множество оперативно-разыскных мероприятий, разрабаты-

вать поставщиков и сбытчиков, однако это прямо противоречит Конституции РФ и ряду других нормативно-правовых актов, а также нарушает права и законные интересы граждан.

Ответственность за провокацию взятки и коммерческого подкупа также обусловлена большим количеством дел, сфабрикованных с помощью такой провокации. Лицом, провоцирующим получение взятки, на практике часто выступало должностное лицо, сотрудник правоохранительных органов, который играет роль обеспеченного человека, долго налаживает контакт с другим должностным лицом, приглашает его обсудить вопросы в неформальной обстановке, тем самым располагая его к себе, а затем убеждает принять на безвозмездной основе материальные блага. Если провоцируемое лицо по-прежнему отказывается, агент-провокатор убеждает, что это ни к чему не обязывает. Затем происходит задержание должностного лица, однако на самом деле состав преступления отсутствует, в ряде случаев на предмете провоцируемой взятки даже отсутствуют отпечатки пальцев провоцируемого лица.

Для общего субъекта причинами совершения такого преступления, как провокация, часто становится личная неприязнь к провоцируемому, желание причинить ему вред в виде уголовной ответственности.

Одним из главных социально-психологических ориентиров принято считать смещение или утрату этических ориентиров, которые позволяют оценить свое преступное поведение как недопустимое.

Некоторые граждане в силу своей правовой безграмотности не могут осознавать преступность провокации преступления, зачастую правовая безграмотность выступает причиной деструктивного поведения среди подростков. Правовая безграмотность представляет собой незнание своих прав и обязанностей, а также способов правовой защиты. Несмотря на отсутствие законодательного закрепления понятия провокации и ответственности за нее, на практике законодатель квалифицирует преступления, совершенные с использованием провокации, как соучастие в преступлении.

В роли провокатора могут выступать лица, уже имеющие судимость, которые не желают наступления рецидива, однако совершают противоправную деятельность через других лиц, тем самым «создают» новых преступников.

Исходя из вышеизложенного, причинами провокации преступления в первую очередь считаются социальные, экономические и политические факторы. Детерминантом провокации преступления, совершаемой сотрудниками правоохранительных структур, служит желание ускорить карьерный рост путем искусственного создания преступлений. Обычные граждане часто становятся провокаторами из-за личной неприязни к провоцируемому, а также вследствие смещения или отсутствия моральных регуляторов.

Обратимся к анализу личности провокатора преступления и его особенностей. Личность преступника выступает одним из составных элементов криминологического аспекта, однако данное понятие состоит не только из юридических характеристик, но и общесоциологических. Личность – это совокупность приобретенных в обществе привычек и предпочтений, которые выступают в качестве социально значимых характеристик. Эти привычки и предпочтения концентрируются в сознании человека и определяют его поведение в социуме [5, с. 44].

Проблему личности преступника рассматривали в своих научных работах такие авторы, как В.Н. Кудрявцев [6, с. 140], А.Н. Пастушеня [7, с. 616]. Взгляды ученых на характеристику личности преступника отличаются вследствие того, что они придерживаются различных теорий возникновения преступности. К примеру, антропологическая теория основана на изучении человеческих особенностей и связи некоторых из них с совершением преступлений, существует устойчивая взаимосвязанность личности преступника и преступных деяний. Данная теория базируется на девиантной психологии: психофизиологическая природа личности сама по себе может быть причиной преступности. Основателем этого подхода принято считать итальянского психиатра Ч. Ломброзо. В его работах содержатся наблюдения за отдельными заключенными, а также сравнение биологических особенностей некоторых групп заключенных с законопослушными гражданами различных профессий [8]. Автор выделяет тип «прирожденного преступника»: ему присущи некоторые отличительные признаки, например определенные черты лица,

форма черепа, поведенческие особенности и т.п. Учитывая некую научную необоснованность положений, данная теория часто подвергалась критике.

Сегодня большинство учёных считает, что личность человека, склонного к совершению преступлений, определяет «комплекс биопсихосоциальных характеристик» [9, с. 157]. В криминологии личность преступника представляет собой систему установок, убеждений, морально-психологических устоев, она также отражает эмоциональные и волевые качества. Существенными характеристиками выступают отрицательные черты и свойства, именно анализ этих критериев позволяет понять, кто совершил преступление, составить психологический портрет преступника и предотвратить совершение таких преступлений в будущем.

Отрицательные черты и свойства, приобретенные на протяжении всей жизни, травмирующие события в детском или подростковом возрасте играют важную роль в становлении личности.

Структура личности преступника состоит из следующих элементов:

– социально-демографические признаки;

– уголовно-правовые признаки;

– нравственные свойства и психологические особенности.

В связи с отсутствием в уголовном законодательстве понятия провокации и ответственности за такое деяние личность преступника-провокатора также остается вопросом, слабо освещенным в научной литературе, и характеристика личности провокаторов вызывает некоторые трудности. Чаще всего субъектом преступлений против правосудия выступает лицо самоуверенное и корыстное, стремящееся получить выгоду и власть.

Личность провокатора, как и детерминанты провокации, целесообразно рассматривать в двух направлениях – по общему субъекту и специальному.

Когда в роли провокатора – должностное лицо, одним из главных факторов, влияющих на личность, является наделение такого лица властью. К некоторым с властью приходит и чувство вседозволенности, безнаказанности, следствием выступает латентность провокации преступления. Сотрудники правоохранительных органов зачастую знают закон и осознают незаконность своих действий.

К социально-демографическим особенностям относят наличие или отсутствие семьи и детей, образование и, главное, возраст. Возраст провокаторов из числа сотрудников правоохранительных органов варьируется в пределах от 31 до 35 лет – около 30 %, это обусловлено тем, что в таком возрасте лица адаптировались к условиям работы, коллективу, хорошо знают закон и считают, что в некоторых случаях имеют право его обойти. Около 25 % приходится на сотрудников от 41 до 50 лет, что связано с профессиональной деформацией большинства из них [10, с. 181].

В большинстве случаев сотрудниками, превысившими свои должностные полномочия, оказались мужчины, почти 80 % состоят в браке, а почти 65 % имеют высшее юридическое образование – все это не выступает сдерживающими факторами.

Наиболее значимую роль для характеристики личности преступника-провокатора из числа сотрудников играют нравственные и психологические особенности каждого. В числе наиболее распространенных – властолюбие, приоритет материального над духовным и, как следствие профессиональной деформации, смещение нравственных категорий.

Изучение личности провокатора имеет важное практическое значение для профилактики преступности и устранения факторов, порождающих преступное поведение среди сотрудников.

Некоторые учёные считают, что криминологические особенности личности преступника зависят также от его места жительства. Так, преступнику в большом городе легче остаться незамеченным в отличие от небольшого населённого пункта, в котором многие знакомы друг с другом. О.А. Голованова были проведены исследования, показавшие, что в крупном городе уровень преступности также зависит от профессии преступника, наиболее высокий показатель у лиц, занятых в строительстве, – около 2 %, у лиц, чья сфера деятельности связана с транспортом или материально-техническим снабжением, – 1,8 % [11, с. 108]. С одной стороны, с данной позицией можно согласиться, ведь если преобладающая часть населения имеет престижную профессию, которая приносит высокий доход, у таких лиц нет крайней необходимости нарушать закон для получения материальной выгоды. Однако преимущественное число лиц, совер-

шивших преступления коррупционной направленности, имеют высшее или неоконченное высшее образование.

Что касается общего субъекта, то охарактеризовать провокаторов по социально-демографическим признакам довольно сложно в связи с отсутствием ответственности за провокацию преступления [12, с. 54]. Личность провокатора можно описать по-разному, в зависимости от конкретной ситуации. Как правило, его мотивирует ненависть, вражда, давняя обида по отношению к провоцируемому лицу, причинения физического вреда провокатор не желает, только последствий в виде уголовной ответственности.

Провокатором может быть человек, уже имеющий судимость или состоящий в прошлом в преступных сообществах, но избежавший ответственности, который провоцирует других людей на совершение преступлений. Такого человека можно охарактеризовать как скрытного, хитрого и лживого.

Зачастую они являются хорошими манипуляторами, обладают навыками общения и убеждения, способны расположить к себе других людей. Могут быть харизматичными, что помогает им входить в доверие, втягивать людей в свои преступные схемы. Провокаторы могут иметь определённые знания в области психологии личности и социальной психологии, что позволяет им выбирать в качестве провоцируемого лицо, склонное выполнять поручения и зависимое от мнения посторонних. Такие знания помогают провокаторам работать с подростками, выявлять лиц с расстройствами поведения, находить их уязвимые места. Таким образом, провокатор искусственно создаёт преступника, искусственно формирует его личность, настраивает его на совершение преступного деяния [13, с. 321].

Провокатор, как правило, обладает следующими качествами: убедительностью, хладнокровием, коммуникативностью, умением действовать оперативно.

Подводя итог, необходимо отметить, что психологический портрет преступника и его личность имеют важное практическое значение, ведь они отражают причины совершения преступлений и роста преступности в целом. Личность преступника-провокатора в науке практически не рассматривается из-за отсутствия законодательного закрепления ответственности за провокацию преступления. Совершенствование уголовного законодательства и судебная практика позволят криминологам составить наиболее полный портрет преступника-провокатора и предотвратить совершение провокации преступления.

По нашему мнению, весьма важным направлением является профилактика провокативных преступлений. Предупреждение преступности представляет собой систему мер, направленную на выявление групп с высоким криминальным риском, лиц, способных к совершению преступлений, контроль и корректировка их поведения, выяснение причин преступности, их нейтрализацию и устранение, определение и устранение мотивов совершения преступных деяний.

Задачи предупреждения преступности:

– предотвращение преступных деяний;

– выявление и устранение детерминантов преступного поведения;

– сферы воздействия на уже привлеченных к ответственности лиц.

В качестве стадий предупреждения преступлений выделяют:

– профилактику преступлений;

– предотвращение преступлений;

– пресечение преступлений.

Одной из главных мер выступает работа с ранее судимыми лицами, предрасположенными к совершению преступлений, таких лиц ставят на профилактический учет. Административный надзор считали действенным способом их контроля, однако предупредительные меры должны быть направлены не только на работу с лицами, уже преступившими закон. Профилактические и предупредительные меры сегодня считают наиболее эффективными.

Говоря о мерах предупреждения, необходимо выделить и виктимологическую профилактику, включающую повышение уровня национальной и общественной безопасности, снижение уровня виктимности среди граждан, а также возмещение причиненного имущественного и морального ущерба [14, с. 18]. Согласно статистике, жертвы преступлений не всегда ведут себя законопослушно, часто именно они выступают провокаторами конфликта с преступником. Но

такие данные практически не используют в профилактической работе, а ведь в случае провокации преступления работа с людьми, подверженными провокации, могла бы помочь провоцируемому лицу избежать совершаемой в отношении него провокационной деятельности.

Виктимологическая профилактика должна быть реализована посредством разработки мер, направленных на снижение уровня виктимной предрасположенности возможных жертв. Доведение до граждан сведений о совершенных преступлениях, существовании такого преступления и ответственности за него значительно снизит уровень спровоцированных.

Меры предупреждения предполагают выявление и устранение правовых, экономических, политических детерминантов преступлений.

К объектам предупреждения преступлений относятся:

– лица, планирующие совершить преступление;

– лица, которые осуществляли приготовление к совершению преступления;

– лица, которые публично распространялись о планах совершить преступление или вовлекали других лиц.

В качестве субъектов, осуществляющих предупреждение преступной деятельности, можно обозначить общество как главный субъект, ведь именно в обществе у человека формируются нравственные регуляторы его жизнедеятельности. Государство как субъект предупреждения преступлений воздействует через органы исполнительной власти, к основным направлениям деятельности которых относится обеспечение безопасности граждан. Профессиональные и трудовые коллективы, воздействующие на поведение путем применения мер дисциплинарного характера, а также ближайшее окружение, семья и друзья участвуют в процессе формирования индивида как личности.

Меры предупреждения провокации преступления нельзя рассматривать только в рамках выявления и привлечения к ответственности уже совершивших провокацию лиц. В первую очередь необходимо разработать систему мер предупреждающего характера.

Предлагаем ввести в общую часть Уголовного кодекса РФ, а именно в гл. 8, понятие провокации преступления как обстоятельства, исключающего преступность действий спровоцированного.

Особенную часть Уголовного кодекса РФ считаем необходимым дополнить статьей, предусматривающей ответственность за совершение провокации преступления по степени тяжести, а также статьей, предусматривающей ответственность для специальных субъектов, должностных лиц. Действующую редакцию ст. 304 УК РФ исключить в связи с тем, что она является частным случаем провокации преступления, а новая редакция будет охватывать провокацию любого преступления.

Одной из главных мер предупреждения провокации преступления будет закрепление понятия провокации, ответственности за совершение провокации в отношении любого преступления. Предложенная нами трактовка предусматривает ответственность и для должностных лиц, что можно рассматривать как меру предупреждения провокации преступления в деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Меры предупреждения провокации преступления являются проблемой не только российского уголовного права, но и зарубежного. Ряд нормативных документов ООН содержит рекомендации по предупреждению преступности и борьбы с ней: так, один из пунктов включает формулировку «проверка добросовестности» с помощью искусственного создания преступной ситуации, предполагающего участие сотрудника в качестве агента, совершающего преступление, например он управляет транспортным средством и при этом имитирует состояние алкогольного или наркотического опьянения. Цель такой имитации – проверить поведение патрульных полицейских, согласятся ли они за определённую сумму закрыть глаза на действия агента или же будут вести себя добросовестно. Однако вопрос, считать такую проверку мерой предупреждения или прямой провокацией преступления, достаточно спорный.

Некоторые авторы относят такие методы, как «использование наживок» или «проверка добросовестности», к весьма эффективным, ведь они иногда помогают выявить множественные случаи превышения сотрудниками своих полномочий, а также раскрыть коррупционные схемы,

участниками которых являются высокопоставленные должностные лица. Следует отметить, что такого рода проверки должны быть четко регламентированы.

Заключение

В нашей стране борьба с провокацией преступления развита слабо и рассматривается, как правило, только по отношению к сотрудникам правоохранительных органов, использующими провокацию по отношению к невиновным гражданам. Применение сотрудниками силовых структур провокации в оперативно-разыскной деятельности не только нарушает права и законные интересы человека и гражданина, но и снижает авторитет власти и уровень доверия граждан. Некоторые сотрудники пренебрегают законностью для повышения показателей раскрываемости, впоследствии такие данные не отражают реального уровня преступности и раскрываемости преступлений, что препятствует эффективной работе предупредительных мер.

В связи с этим необходимы создание более эффективных мер обеспечения собственной безопасности в силовых структурах, качественный подбор кадров, повышение требований к уровню образования сотрудников, проведение регулярной аттестации сотрудников, усиление надзора за соблюдением законности.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. 1996. № 113. 18 июня; № 114. 19 июня; № 115. 20 июня; № 118. 25 июня.

2. *Емельянов С.М.* Конфликтология : учебник и практикум для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2023. 322 с.

3. Криминология: общая часть : учебник / под общ. ред. Ф.К. Зиннурова. Казань: КЮИ МВД России, 2019. 358 с.

4. URL: https://ria.ru/20200620/1573186152.html/ (дата обращения: 13.08.2025).

5. Криминология : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов, С.М. Иншаков, Е.А. Антонян [и др.]; под ред. Г.А. Аванесова. 7-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 447 с.

6. Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Юристъ, 1997. 512 с.

7. *Пастушеня А.Н.* Основные направления и задачи психологического обеспечения правоохранительной деятельности // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Васильевские чтения – 2023). СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2023. С. 616–622. EDN: YWKRRG.

8. *Ломброзо Ч.* Человек преступный : пер. с ит. М.: Алгоритм, 2016. 349 с.

9. *Лунеев В.В.* Криминология : учебник для вузов. М.: Юрайт, 2025. 686 с.

10. *Клеймёнов М.П.* Криминология : учебник для юридических вузов и факультетов, практических работников правоохранительных органов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2024. 415 с.

11. *Голованова О.А.* Личность современного преступника как объект исследования в криминалистической науке // Закон и право. 2010. № 3. С. 108–110. EDN: LMCQZN.

12. *Клименко А.А., Семенцова И.А.* Уголовно-правовая оценка действий лица, спровоцированного на совершение преступления // Новое время – новые исследования : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск: Новая наука, 2024. С. 52–56. EDN: VTBUBI.

13. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. О.С. Капинус. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 1132 с.

14. *Барчук Т.В., Вишневецкий К.В.* Виктимология : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. С.Я. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2019. 192 с.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ at 13th June 1996 (ed. from 31st July 2025). *Russian Newspaper*. 1996;(113). 18th June; 1996;(114). 19th June; 1996;(115). 20th June; 1996;(118). 25th June. (In Russ.).

2. Emelianov S.M. *Conflictology*: textbook and practical training for universities. 4th ed., corr. and add. Moscow: Yurait; 2023. 322 p. (In Russ.).

3. Zinnurov F.K., ed. *Criminology: general part*: textbook. Kazan: Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2019. 358 p. (In Russ.).

4. Available from: https://ria.ru/20200620/1573186152.html/ [Accessed 13th August 2025]. (In Russ.).

5. Avanesov G.A., Inshakov S.M., Antonyan E.A. et al. *Criminology*: a textbook for university students studying in the field of Jurisprudence. by G.A. Avanesov (ed.). 7th ed. Moscow: UNITY-DANA; 2020. 447 p. (In Russ.).

6. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E., eds. *Criminology*: a textbook. Moscow: Lawyer; 1997. 512 p. (In Russ.).

7. Pastushenya A.N. Main directions and tasks of psychological support of law enforcement activities. *Actual problems of psychology of law enforcement activities: concepts, approaches, technologies*. Materials of the International Scientific and Practical Conference (Vasiliev Readings - 2023). St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2023:616-622. (In Russ.). EDN: YWKRRG.

8. Lombroso Ch. *Criminal man.* Transl. from Italian. Moscow: Algorithm; 2016. 349 p. (In Russ.).

9. Luneev V.V. *Criminology*: a textbook for universities. Moscow: Yurait; 2025. 686 p. (In Russ.).

10. Kleymenov M.P. *Criminology*: textbook for law schools and faculties, practitioners of law enforcement agencies. 4th ed., revis. and add. Moscow: NORM; INFRA-M; 2024. 415 p. (In Russ.).

11. Golovanova O.A. Personality of a modern criminal as an object of research in forensic science. *Law and Right.* 2010;(3):108-110. (In Russ.). EDN: LMCQZN.

12. Klimenko A.A., Sementsova I.A. Criminal-legal assessment of the actions of a person provoked to commit a crime. *New time - new research*. Collection of articles of 3rd International Scientific and Practical Conference. Petrozavodsk: New Science; 2024:52-56. (In Russ.). EDN: VTBUBI.

13. Kapinus O.S., ed. *Criminology*: textbook for universities. 2nd ed., revis. and add. Moscow: Yurait; 2025. 1132 p. (In Russ.).

14. Barchuk T.V., Vishnevetsky K.V. *Victimology*: a textbook for university students studying in the specialty Jurisprudence. S.Ya. Lebedev (Ed.). 2nd ed., revis. and add. Moscow: UNITY-DANA, Law and Right; 2019. 192 p. (In Russ.).

Информация об авторах

И.И. Короленко – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права РГЭУ (РИНХ).

Н.А. Василенко – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин РИ ВГУЮ.

И.А. Семенцова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии РИ ВГУЮ, доцент кафедры уголовного права и процесса Филиала МУ им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону.

Information about the authors

I. I. Korolenko – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Procedural Law, RSUE.

N. A. Vasilenko – Senior Lecturer of the Department of Civil Law, RI ARSUJ.

I.A. Semyontsova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, RI ARSUJ; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Branch of the WMU in Rostov-on-Don.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.08.2025; одобрена после рецензирования 04.09.2025; принята к публикации 12.09.2025.
The article was submitted 26.08.2025; approved after reviewing 04.09.2025; accepted for publication 12.09.2025.

Научная статья
УДК 343
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-128-135

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Евгений Александрович Паламарчук [1], Ирина Анатольевна Семенцова [2]✉, Ольга Афанасьевна Цымлянская [3]
[1, 2] Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия
[1, 2] Филиал Московского университета им. С. Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия
[1] Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
[3] Ростовский юридический институт МВД РФ, Ростов-на-Дону, Россия
[1] epalamar@mail.ru
[2] irina_semen@inbox.ru ✉
[3] ipidorfii@yandex.ru

Аннотация. Исследуются уголовно-правовые отношения, возникающие в связи с применением судебного штрафа в России и некоторых зарубежных странах. Уточняются особенности применения судебного штрафа в нашей стране и ряде других стран. Отмечается, что институт судебного штрафа появился не так давно в России, в связи с этим в настоящее время ещё возникают вопросы, например, относительно целесообразности его применения к состоятельным гражданам и др. Анализ уголовно-правовых норм ряда зарубежных стран показал, что в том или ином виде институт судебного штрафа существует. Обращается внимание на схожесть условий применения рассматриваемой меры в отечественном и зарубежном законодательстве: количество совершенных преступлений и тяжесть преступного деяния. Вместе с тем в некоторых странах судебный штраф назначается исключительно на добровольной основе (Республика Казахстан) и при соблюдении установленных законом принципов (ясности приговора, как во Франции). Отечественному законодателю также следовало бы четко закрепить принципы назначения судебного штрафа для минимизации спорных вопросов его применения.

***Ключевые слова*:** судебный штраф, уголовная ответственность, осужденные, принцип законности, судимость, мера государственного принуждения, имущественные ограничения, меры взыскания, принудительный платеж, институт транзакции

Для цитирования: Паламарчук Е.А., Семенцова И.А., Цымлянская О.А. Судебный штраф в истории уголовного законодательства России и зарубежных стран // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 3. С. 128–135. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-128-135

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

JUDICIAL FINE IN THE HISTORY OF CRIMINAL LEGISLATION IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Evgeny A. Palamarchuk [1], Irina A. Sementsova [2]✉, Olga A. Tsymlyanskaya [3]
[1, 2] Rostov Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia
[1, 2] Branch of Witte Moscow University in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia
[1] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

© Паламарчук Е.А., Семенцова И.А., Цымлянская О.А., 2025

[3] Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia
[1] epalamar@mail.ru
[2] irina_semen@inbox.ru ✉
[3] ipidorfii@yandex.ru

Abstract. The article examines the criminal-legal relations arising in connection with the application of judicial fine in Russia and some foreign countries. The purpose of this article is to examine and clarify the specifics of applying judicial fine in our country and a number of foreign countries. It is noted that the institution of judicial fine is a relatively new phenomenon in Russia, and therefore, questions still arise, for example, regarding the appropriateness of their application to wealthy citizens, etc. An analysis of the criminal law norms of a number of foreign countries revealed that the institution of judicial fine exists in one form or another. It should be noted that the conditions for applying this measure in question in Russian and foreign legislation are similar: the number of crimes committed and the severity of the criminal act. However, in some foreign countries, judicial fine are imposed exclusively on a voluntary basis (the Republic of Kazakhstan) and subject to established statutory principles (such as the clarity of the sentence, as in France). Domestic legislators should also clearly establish the principles for the imposition of judicial fines in order to minimize controversial issues regarding their application.

***Keywords*:** judicial fine, criminal liability, convicted persons, principle of legality, criminal record, measure of state coercion, property restrictions, collection measures, forced payment, institution of transaction

For citation: Palamarchuk E.A., Sementsova I.A., Tsymlyanskaya O.A. Judicial Fine in the History of Criminal Legislation in Russia and Foreign Countries. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(3):128-135. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-128-135

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Введение института судебного штрафа в отечественное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство связано с общей либерализацией уголовной политики, минимизацией доли судимых лиц в социальной структуре общества и ставит своей целью ограничение репрессивных мер к тем лицам, которые впервые совершили преступления небольшой и средней тяжести. Важнейшим необходимым условием применения механизма судебного штрафа является возмещение вреда, причиненного совершенным общественно опасным деянием.

Принцип справедливости необходимо претворять в жизнь посредством не только применения уголовно-правовых санкций, но и предоставления осуждённым различных льгот и поощрений. В свою очередь, принцип законности в работе социальных работников пенитенциарной системы базируется на моральных ориентирах и должен служить стимулом для формирования у осуждённых правопослушного поведения.

Современное отечественное уголовное право развивается и совершенствуется по ряду направлений, наиболее актуальными из которых выступают гуманизация мер уголовно-правового характера и дифференциация уголовной ответственности по отношению к лицу, совершившему преступление [1, с. 112]. Введение судебного штрафа представляет собой одно из значимых законодательных новшеств, которое способствует реализации определённых направлений в правоприменении. Благодаря нормам, регламентирующим эту меру уголовно-правового характера, лицо может быть освобождено от уголовной ответственности.

В 2016 г. в российском законодательстве была принята такая мера уголовно-правового характера, как судебный штраф. Федеральным законом № 323 [2] в Уголовный кодекс (УК) Российской Федерации [3] была инкорпорирована ст. 104.4 «Судебный штраф». С этого времени данная норма активно применяется в сфере уголовно-правовых отношений. Указанным нормативным актом была дополнена ст. 76.2, регламентирующая порядок освобождения от уголовной ответственности в случае назначения судебного штрафа.

Инициативу о введении такого вида освобождения от уголовной ответственности проявил Верховный суд Российской Федерации. Этой нормой он хотел поспособствовать изменениям в социальном статусе населения страны в положительную сторону за счет значительного сокра-

щения количества лиц, имеющих судимость. В свою очередь, законодатель при нововведениях следовал тенденциям гуманизации и либерализации уголовного закона и стремился сократить статистику назначения уголовной ответственности в стране [4, с. 85].

Взыскание штрафа у осужденного влечет ограничение его возможности использовать денежные средства по своему усмотрению. Такое положение дел в некотором роде способно повлиять на исправление осужденного, поскольку не каждый может позволить себе постоянные выплаты денежных сумм, в частности речь идет о лицах с низким доходом.

Федеральным законом № 323-ФЗ также внесены поправки в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [5], направленные на успешную реализацию нового вида государственного принуждения: определен порядок прекращения уголовного дела или преследования в связи с назначением судебного штрафа на всех стадиях уголовного процесса, установлены положения, обеспечивающие исполнение данной меры.

В настоящее время взыскание судебных штрафов широко используется судами. Этот инструмент представляет собой меру государственного воздействия, связанную с финансовыми ограничениями. Судебный штраф является оптимальным и действенным способом противодействия преступлениям, совершаемым как из корыстных побуждений, так и по неосторожности.

Штраф как мера наказания применяется лишь тогда, когда есть уверенность, что посредством него виновный осознает свои проступки. Это необходимо, чтобы в будущем человек, прежде чем совершить новое преступление, задумался о неизбежности ответственности за свои действия, даже если это не повлечёт за собой уголовной ответственности.

Судебный штраф представляет собой действенную меру, которая оказывает сильное психологическое давление на осуждённого и влечёт за собой нежелательные финансовые последствия. Они способны сделать совершение повторных имущественных преступлений экономически нецелесообразным.

29 ноября 2016 г. были внесены изменения в Постановление Пленума Верховного суда РФ № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [6], касающиеся судебного штрафа как иной меры уголовной ответственности.

В июле 2019 г. Президиумом Верховного Суда РФ утвержден «Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ)» [7], где содержатся необходимые разъяснения относительно применения судебного штрафа и описаны пути решения проблемных вопросов, возникающих в процессе рассмотрения неоднозначных уголовных дел.

Документ содержит 13 правовых позиций относительно освобождения от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 76.2 УК РФ. При этом часть правовых позиций касается процессуальных особенностей назначения судебного штрафа, возмещения ущерба и заглаживания вреда и т.д.

Результаты исследования

В контексте нашей страны институт судебного штрафа как мера уголовно-правового характера относительно нова – до 2016 г. штраф в уголовном законодательстве рассматривался исключительно как наказание за совершённое преступление. Данное обстоятельство делает актуальным анализ сходств между российским институтом прекращения уголовных дел с назначением судебного штрафа и механизмами освобождения от уголовной ответственности, применяемыми в других государствах.

Если рассматривать законодательства зарубежных стран, где есть более-менее сходная статья со ст. 76.2 УК РФ, то в первую очередь обратим внимание на Уголовный кодекс Республики Беларусь. В нем меры взыскания предоставляются на выбор. Их виды установлены ч. 2 ст. 86 Уголовного кодекса Республики Беларусь: штраф назначается в пределах от 5 до 30 базовых величин; исправительные работы назначаются на срок от 1 до 2 мес. с удержанием 20 % заработка; административный арест может быть осуществлен на срок не более 15 сут., а лишение специального права – на срок от 3 мес. до 3 лет [8, с. 75].

Условия применения освобождения от уголовной ответственности в Республике Молдове схожи с существующими в РФ: преступление должно быть совершено впервые, а также относиться к определенной категории для возможного назначения судебного штрафа [9, с. 127].

За 29 лет суверенитета Казахстана страна сделала огромный шаг в сфере гуманизации уголовного процесса, многие положения закона стали понятнее и ближе к гражданам. В 2018 г. в ст. 98-1, 98-2 Уголовного кодекса Республики Казахстан введен новый вид уголовно-правового характера, схожий с судебным штрафом по своей сути, – принудительный платеж. Судебный штраф применяется только при освобождении лица от уголовной ответственности при соблюдении необходимых условий, носит добровольный характер и не подлежит принудительному взысканию [10, с. 197].

Принципом общих начал назначения наказания во Франции выступает ясность приговора (ст. 132-17 УК Франции). Сущность данного принципа заключается в том, что назначенное лицу наказание не может быть исполнено, если оно явилось недостаточно ясным, т.е. не аргументированным судьей. В УК Франции судьям дается такое полномочие, как смягчение наказания и назначение его ниже низшего предела, предусмотренного санкцией статьи. Это относится даже к такому виду наказания, как штраф.

В российской системе уголовного права применяется принцип индивидуализации наказания, хотя он и не зафиксирован в УК РФ так же явно, как во французском УК, где ему посвящена ст. 132-24 [11]. Во Франции подход к назначению наказания строится с учётом уникальности каждого случая: анализируется не только серьёзность и опасность преступления для общества, но и особенности личности преступника. Кроме того, при определении размера штрафа суд принимает во внимание финансовое положение виновного, его доходы и расходы, включая алименты, банковские кредиты и другие обязательства. Отсутствие подобных указаний в УК РФ порой приводит к тому, что назначенные штрафы не всегда соответствуют принципу справедливости.

Справедливость представляет собой понятие о должном, соответствующее конкретным представлениям о сущности человека, его правах и свободах, которые обязательно должны быть реализованы.

В гл. IX УК Литовской Республики обозначены меры освобождения от уголовной ответственности, если есть смягчающие обстоятельства, обозначенные в ст. 39. Данная статья может быть применена к лицу, если преступление совершено впервые, отсутствуют отягчающие обстоятельства и имеется не менее двух смягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 59 УК Литовской Республики); количество этих условий в статье – 13, например признание в совершении деяния, добровольное возмещение или сглаживание нанесенного ущерба, активные действия, направленные на исключение или попытку исключения более тяжелых последствий преступления.

При этом существенным отличием от ст. 76.2 УК РФ выступает то, что гл. IX УК Литовской Республики содержит большой перечень мер воздействия, которые не являются уголовным наказанием, но служат средствами карательного воздействия и должны помогать осуществлять наказания (ч. 2 ст. 67 УК Литовской Республики), такие как запрещение пользования специальным правом, возмещение или заглаживание имущественного вреда, безвозмездные работы, взнос в фонд лиц, пострадавших от преступлений.

Проанализировав уголовное законодательство Грузии и Эстонии, мы обнаружили альтернативу судебному штрафу – институт транзакции, который выражается в отказе государства от уголовного преследования [12].

Уголовно-процессуальный кодекс Грузии содержит положения, согласно которым прокурор имеет право не возбуждать или прекратить уголовное преследование в отношении лица, совершившего преступление, максимальное наказание за которое не превышает десяти лет лишения свободы, по некоторым основаниям, в которые входит уплата определенной денежной суммы в пользу государства [13, с. 25].

Таким образом, институт судебного штрафа не является нововведением в некоторых странах ближнего зарубежья. В Российской Федерации институт судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера существует с 2016 г. При этом, несмотря на сравнительно непродолжительный период действия, он стабильно набирает количественные показатели, формируя

судебную практику его применения. Однако возникло большое количество вопросов не только теоретического, но и практического характера.

Развитие уголовного законодательства не стоит на месте. Ежегодно происходят всевозможные усовершенствования норм уголовного права. Принимаются новые нормы, вводятся новые статьи, а также перерабатываются существующие нормы, исходя из практики их применения. Соответственно, институт освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа находится пока на стадии разработки, и считается вполне логичным выявление каких-либо недостатков при применении его на практике.

Однако развитие института освобождения от уголовной ответственности должно иметь комплексный характер, наряду со строгим соблюдением требований уголовного законодательства и приоритетом прав и свобод человека и гражданина. Ошибочное применение юридических средств, предусмотренных уголовным законом, может привести к необратимым последствиям, поскольку императивные нормы затрагивают основные права и свободы человека и гражданина, а чрезмерная снисходительность государства может повлечь ощущение безнаказанности.

Сегодня отечественное уголовное законодательство предусматривает не только различные виды наказаний, но и спектр мер уголовно-правового характера. Четко определены два типа штрафов: один используется как мера уголовного наказания и может применяться в качестве основной или дополнительной санкции, а другой представляет собой судебный штраф, выступающий в роли меры уголовно-правовой ответственности.

В соответствии с положениями статьи 104.4 УК РФ, судебный штраф – это вид наказания в форме денежного взыскания, которое применяется судом при освобождении человека от уголовной ответственности за совершённое преступление. Этот вид штрафа выступает мерой государственного воздействия и направляется в доход государства.

Согласно статистическим данным, отраженным на сайте Судебного департамента, в 2020 г. было освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа 33 329 чел., в 2021 г. – 52 460, а за 12 мес. 2022 г. – 56 980 (рис. 1) [14]. В общей сложности за последние три года судами было освобождено от уголовной ответственности по разным основаниям 557 196 чел.

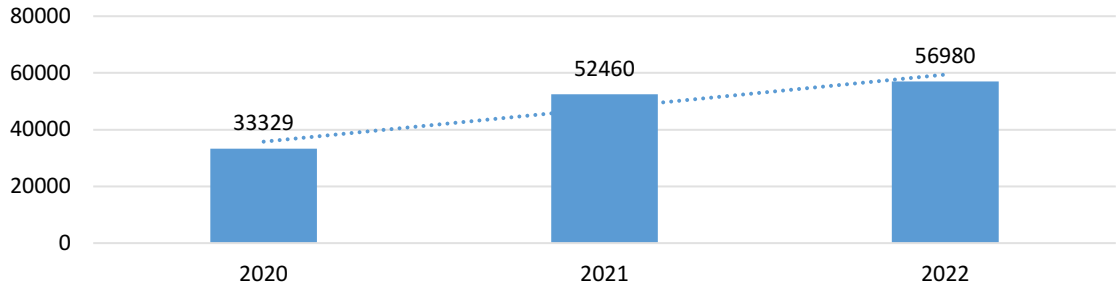

Рис. 1. Количество человек, освобожденных от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в 2020–2022 гг. / Fig. 1. Number of individuals exempted from criminal liability with a judicial fine imposed in 2020-2022

По сравнению с 2020 г. количество применений судебного штрафа возросло на 58 %, это подтверждает, что данный вид меры уголовно-правового характера довольно успешно используется судебными органами.

Расчеты показывают, что по указанным основаниям в период с 2020 по 2022 г. было освобождено около 25 % от всего количества освобождений от уголовной ответственности.

В большинстве случаев такая мера используется при рассмотрении дел о преступлениях небольшой (57 %) и средней тяжести (42 %). Это вполне закономерно, ведь назначение штрафа за тяжкие и особо тяжкие преступления противоречило бы принципам справедливости. Тем не менее, согласно статистическим данным за 2022 г., 59 чел. были освобождены от уголовной ответственности по этой статье, несмотря на совершение тяжких преступлений.

Примерно половина лиц, освобождённых от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, совершили преступления, связанные с посягательством на собственность, из

них около 70 % приходится на кражи. Обусловлено это тем, что одним из оснований освобождения от уголовной ответственности по ст. 76.2 УК РФ является возмещение имущественного вреда. Преступления против собственности направлены на причинение имущественного вреда. По субъекту преступлений около 20 % судебного штрафа назначались женщинам, 3 % – несовершеннолетним.

Согласно таблице, чаще всего назначается судебный штраф в сумме от 5 до 25 тыс. р. (около 60 % из всех судебных штрафов). Практически на одном уровне остается количество назначений судебного штрафа в размере более 100 тыс. р. Общая сумма штрафа за 2022 г. составила 860 118 157 р. [15]. Расчеты показывают, что в наши дни всё чаще прибегают к освобождению от уголовной ответственности по статье 76.2 УК РФ, что подтверждают статистические данные. На начало 2021 г. самым распространённым основанием для освобождения от уголовной ответственности всё ещё оставалось примирение с потерпевшим (рис. 2). Однако постепенно этот институт начинает сдавать свои позиции другому варианту – освобождению от ответственности с назначением штрафа. Многие считают именно его более действенным подходом.

Динамика назначений судебного штрафа и его сумма за 2020–2022 гг. / Amount of judicial fine for 2020-2022

Год	Количество назначений судебного штрафа				Сумма судебного штрафа, р.
	до 5 тыс. р.	от 5 до 25 тыс. р.	от 25 до 100 тыс. р.	свыше 100 тыс. р.	
2020	9007	19096	4806	420	581 812 794
2021	15549	30307	6074	530	824 979 558
2022	17338	33165	6012	465	860 118 157

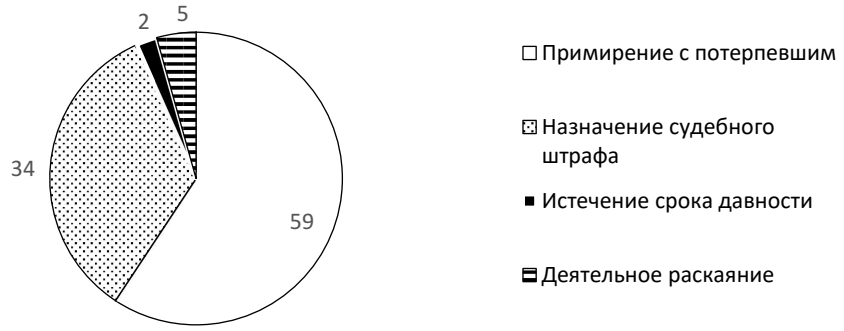

Рис. 2. Основания освобождения от уголовной ответственности, % / Fig. 2. Grounds for exemption from criminal liability, %

Заключение

В настоящее время среди авторов, ученых, юристов ведутся дискуссии относительно вопросов правового содержания судебного штрафа как меры уголовно-правового характера, назначаемой в порядке статьи 76.2 УК РФ.

Также следует обратить внимание на эффективность назначения судебного штрафа состоятельной категории граждан, поскольку максимальный размер штрафа для лиц, чей доход превышает его в несколько раз, не приносит ожидаемой эффективности.

Несмотря на некоторые выявленные проблемы, которые необходимо урегулировать, внедрение данного института в законодательство оценивается положительно, а судебная практика активно использует эту возможность для освобождения от уголовной ответственности.

Список источников

1. *Коротков А.В., Лашова У.В.* Гуманизация как направление современной уголовной политики в России: проблемы и противоречия // Молодой ученый. 2020. № 45 (335). С. 112–115. EDN: ERPIHA.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от

уголовной ответственности : Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27. Ст. 4256.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. 1996. № 113. 18 июня; № 114. 19 июня; № 115. 20 июня; № 118. 25 июня.

4. *Зорина Е.А., Вахмистрова С.И.* Институт освобождения от уголовной ответственности и принцип гуманизма // Вестн. экономики, права и социологии. 2022. № 1. С. 85–89. EDN: PRMJVS.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2023. № 8. Ст .1208.

6. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ (дата обращения: 11.08.2025).

7. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/28088/?ysclid=mfi2kpehel272709676 (дата обращения: 11.08.2025).

8. *Тимошенко И.М.* Судебный штраф как мера уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности: зарубежный опыт // Альманах молодого исследователя. 2019. № 7. С. 75–78. EDN: KAHFLQ.

9. *Ходжибаев Р.Р.* Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в законодательстве стран СНГ // Научные исследования высшей школы : сб. науч. тр. Пенза: Наука и просвещение, 2020. С. 126–128. EDN: TIZFXX.

10. *Конышев А.С., Саляхов Д.Д., Галимуллин Н.И.* Институт судебного штрафа по законодательству зарубежных стран // Формирование гражданской идентичности молодежи на основе историко-культурного наследия как универсальной ценности, посвященной 100-летию образования ТАССР : сб. науч. тр. Казань: Изд-во Академии социального образования, 2019. С. 193–198.

11. Уголовный кодекс Франции от 1 марта 1994 года // Библиотека Пашкова. URL: https://constitutions.ru/?p=25017 (дата обращения: 11.08.2025).

12. *Луценко Н.С.* Уголовно-правовой институт судебного штрафа по законодательству ряда зарубежных стран // Юридические исследования. 2019. № 4. С. 52–60. EDN: XSSHQE. https://doi.org/10.25136/2409-7136.2019.4.29386

13. *Акутаев Р.М., Юсупов М.Ю.* Судебный штраф как альтернатива уголовной ответственности (уголовному преследованию): компаративистский аспект // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 25–30. EDN: YNWPGO.

14. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 11.08.2025).

15. Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов (приложение к отчету формы № 10.3) // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 11.08.2025).

References

1. Korotkov A.V., Lashova U.V. Humanization as a direction of modern criminal policy in Russia: problems and contradictions. *Young Scientist*. 2020;(45):112-115. (In Russ.). EDN: ERPIHA.

2. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on issues of improving the grounds and procedure for release from criminal liability: Federal Law No. 323-FZ at 3rd July 2016 (latest revision). *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2016;(27):4256. (In Russ.).

3. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ at 13th June 1996 (ed. from 31st July 2025). *Russian Newspaper*. 1996;(113). 18th June; 1996;(114). 19th June; 1996;(115). 20th June; 1996;(118). 25th June. (In Russ.).

4. Zorina E.A., Vakhmistrova S.I. The institute of exemption from criminal liability and the principle of humanism. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2022;(1):85-89. (In Russ.). EDN: PRMJVS.

5. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ at 18th December 2001 (ed. from 31st July 2025). *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2023;(8):1208. (In Russ.).

6. On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 at 27th June

2013 (ed. from 29th November 2016). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ [Accessed 11th August 2025]. (In Russ.).

7. *Review of judicial practice on exemption from criminal liability with the imposition of a judicial fine (Article 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation at 10th July 2019.* Available from: https://www.vsrf.ru/documents/all/28088/?ysclid=mfi2kpehel272709676 [Accessed 11th August 2025]. (In Russ.).

8. Timoshenko I.M. Judicial fine as a criminal-legal measure for release from criminal liability: foreign experience. *Almanac of a Young Researcher*. 2019;(7):75-78. (In Russ.). EDN: KAHFLQ.

9. Khodzhibaev R.R. Release from criminal liability with the appointment of a judicial fine in the legislation of the Commonwealth of Independent States countries. *Scientific research on higher education*. Collection of scientific papers. Penza: Science and education; 2020:126-128. (In Russ.). EDN: TIZFXX.

10. Konyshev A.S., Salyakhov D.D., Galimullin N.I. Institute of judicial fine under the legislation of foreign countries. *Formation of civic identity of young people based on historical and cultural heritage as a universal value, dedicated to the 100th anniversary of the formation of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic*. Collection of scientific papers. Kazan: Publishing House of the Academy of Social Education; 2019:193-198. (In Russ.).

11. The Criminal Code of France at 1st March 1994. *Pashkov Library*. Available from: https://constitutions.ru/?p=25017 [Accessed 11th August 2025]. (In Russ.).

12. Lutsenko N.S. The criminal-legal institution of a judicial fine under the legislation of a number of foreign countries. *Legal Research*. 2019;(4):52-60. (In Russ.). EDN: XSSHQE. https://doi.org/10.25136/2409-7136.2019.4.29386

13. Akutaev R.M., Yusupov M.Yu. Judicial fine as an alternative to criminal liability (criminal prosecution): a comparative aspect. *Russian Justice*. 2018;(1):25-30. (In Russ.). EDN: YNWPGO.

14. Report on the specifics of considering criminal cases, applying real types of punishment, and grounds for terminating criminal cases. *Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation*. Available from: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 [Accessed 11th August 2025]. (In Russ.).

15. Report on the terms of imprisonment and the amounts of fines (appendix to report form No. 10.3). *Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation*. Available from: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 [Accessed 11th August 2025]. (In Russ.).

Информация об авторах

Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права РИ ВГУЮ; профессор кафедры гражданского права и процесса Филиала МУ им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону; профессор кафедры процессуального права ДГТУ.

И.А. Семенцова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии РИ ВГУЮ, доцент кафедры уголовного права и процесса Филиала МУ им. С.Ю Витте в г. Ростове-на-Дону.

О.А. Цымлянская – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин РЮИ МВД РФ.

Information about the authors

E.A. Palamarchuk – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, RI ARSUJ; Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Branch of the WMU in Rostov-on-Don; Professor of the Department of Procedural Law, DSTU.

I.A. Sementsova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, RI ARSUJ; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Branch of the WMU in Rostov-on-Don.

O.A. Tsymlyanskaya – Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, RLI.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.08.2025; одобрена после рецензирования 06.09.2025; принята к публикации 12.09.2025.
The article was submitted 27.08.2025; approved after reviewing 06.09.2025; accepted for publication 12.09.2025.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ
BOOKS REVIEW

Рецензия на книгу
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-136-141

История казачества России – от непокорной вольности до службы государству (История казачества России : учебно-метод. пособие / гл. ред. А.Б. Бакурадзе. М.: Наука, 2025. 411 с.)

Сергей Алексеевич Кислицын
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия
kislizins@yandex.ru

Для цитирования: Кислицын С.А. История казачества России – от непокорной вольности до службы государству (История казачества России : учебно-метод. пособие / гл. ред. А.Б. Бакурадзе. М.: Наука, 2025. 411 с.) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 3. С. 136–141. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-136-141

Book Review

The history of the Cossacks of Russia – from rebellious freedom to service to the state (A.B. Bakuradze, ed. History of the Cossacks of Russia: educational and methodological guide. Moscow: Science; 2025. 411 p.)

Sergey A. Kislitsyn
South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
kislizins@yandex.ru

For citation: Kislitsyn S.A. The History of the Cossacks of Russia – from Rebellious Freedom to Service to the State (A.B. Bakuradze, ed. History of the Cossacks of Russia: Educational and Methodological Guide. Moscow: Science; 2025. 411 p.). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(1):136-141. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-136-141

Актуальность данного учебного пособия определена поставленными президентом РФ задачами по изучению истории России и защите исторической правды, направленными на обеспечение преемственности в развитии Российского государства и его исторически сложившегося единства. Патриотическое воспитание всегда являлось одной из ключевых задач исторического образования, но не всегда реализовывалось должным образом на практике.

В последнее время историография истории казачества пополнилась большим количеством монографий, научно-популярных брошюр, очерков, художественных произведений и учебных пособий. Однако они все отличаются друг от друга качеством изложения материала, диссонансом и разноголосицей в освещении ряда проблем истории казачества.

Новое учебно-методическое пособие «История казачества России» – определенное научное обобщение достигнутого уровня современного казаковедения. Его авторы правомерно освещают историю с позиций государственного патриотизма. Все основные события в истории казачества рассматриваются в контексте истории России, прежде всего военной, начиная со Средневековья и до современности, включая первую четверть XXI в. При этом не отдается предпочтения описанию истории какого-либо одного казачества: донского, кубанского или иного. Это качество отличает рецензируемое пособие от других учебных изданий по истории казачества, в которых практически всегда имеется крен в сторону того или иного казачьего войска, того или иного периода, не говоря уже о политических взглядах.

© Кислицын С.А., 2025

Ведущим методологическим конструктом в пособии является цивилизационный подход: с одной стороны, характеристика Российского государства – евразийской цивилизации; с другой – казачества как субэтноса русского народа, который в силу политических обстоятельств трансформировался в имперское военное сословие. Исходя из этого подхода, отмечена и важная роль Русской православной церкви в истории российского казачества.

В первых двух главах рассматриваются исторические источники, историография истории казачества и основные подходы к проблеме его происхождения – одной из наиболее важных в изучении темы. Авторы логично фиксируют существование трех этнических факторов, обусловивших появление казачества: немногочисленное автохтонное население, остатки татаро-монгольских орд, пришлые восточные племена, переселившееся по разным причинам русское население, которое со временем стало доминировать.

Третья глава отражает весь доимперский период развития казачества: процесс дифференциации казачества, появление наряду с вольным служилого казачества, крайне противоречивую роль казаков в событиях конца XVI – начала XVIII в. (Смута и воцарение Михаила Романова, Азовская эпопея, восстание под предводительством Степана Разина, Азово-Крымские походы Петра Великого). Представляет большой интерес раздел о казачестве Западной Руси в этот же период. Авторы детально рассматривают участие казаков во главе с гетманом Богданом Хмельницким в национально-освободительном движении в Малороссии. Отдельный параграф посвящен переходу всего войска Запорожского на службу России. Итогом этих событий стало решение главной задачи западнорусского казачества – соединения своей исторической судьбы с Россией.

Возникновение казачества на Востоке (в Сибири) и присоединение с его помощью к России зауральской территории представлено с позиций становления имперского пространства, но без четкого формулирования этой задачи. Авторы подробно освещают подвиги Ермака и его отряда, формирование служилого сибирского казачества, участие казачества в освоении Восточной Сибири и делают вывод, что сформировалось положение о доминирующей роли казачества в присоединении к России и освоении Сибири Дальнего Востока. Казаки совершали географические открытия, осваивали «новооткрытые землицы», основывали первые города. Материалы, посвященные этой теме, обладают значительным воспитательным потенциалом, показывая героизм их как первопроходцев, умение осваивать новые территории, не нанося ущерба местному населению, приобщая его к русской культуре и защищая от общих врагов.

Четвертая глава характеризует имперский период развития казачества, когда возник вопрос о преобразовании казачьих сообществ и формирований в единое сословие и превращении их в часть государственного аппарата. Этот процесс рассматривается в контексте Северной войны Петра Великого со Швецией, подавления восстания Кондратия Булавина. Авторы подчеркивают, что Российская империя с ее сверхцентрализованной властью подчинила себе и казачество. Урезав до минимума вольности казачества, государство превратило его из ярко выраженного, почти самостоятельного субэтноса русского народа в военно-служилое сословие с этническими элементами.

Отмечается, что в Малороссии государство стремилось не допустить трансформации казачьей старшины в обособленную аристократию. Малороссийские казаки были движущей силой восстаний на правобережье Днепра, принадлежащей тогда Речи Посполитой. Они сыграли свою роль в присоединении к России Северного Причерноморья. Самодержавие даже намечало «греческий проект» – восстановление с помощью запорожских казаков Византии под российским покровительством. Но вместе с тем запорожские казаки проявляли самоволие (грабили населенные пункты, о чем авторы умалчивают) – и Екатерина II упразднила Запорожскую Сечь. Казачество по воле самодержавия заселяло территории на Кубани и Северном Кавказе. Так было положено начало Кубанскому казачьему войску, о чем авторы рассказывают очень скупо. В отдельном параграфе раскрывается формирование новых казачьих войск и трансформация старых в интересах империи.

Авторы подробно освещают участие казачества в войнах и на службе в Российской империи и Азии (Прутский, Кубанский, Персидский, Хивинский, Иртышский походы, Северная война), создание системы казачьих формирований. Отмечена и измена Мазепы с частью запорожских казаков и противодействие части российского казачества петровским нововведениям (Астраханское, Булавинское восстания). Правда, не раскрывается необыкновенная жесткость Петра I в подавлении восстаний казаков. К сожалению, авторы не осмыслили в полном объеме привилегии и противоречия в жизнедеятельности казаков, их негативного отношения к активно проводившемуся процессу огосударствления казачества.

Во второй половине XVIII в. Россия активно проводила войсковые операции в поддержку основных направлений имперской политики, и казачество стало одним из важнейших средств их осуществления. Авторы отмечают действия донских и слободских казаков в Семилетней войне, в войне на польской территории во время трех разделов Польши. Они справедливо подчеркивают факт применения великим полководцем Суворовым тактики взаимодействия казачьих подразделений с регулярными войсками.

Участие казачества в войнах Российской империи с Османской империей, Персией и их вассалами отражено в специальном параграфе. Авторы считают, что именно тогда ярко высветились полководческие таланты казаков Ф.П. Денисова, И.Ф. Платова и М.И. Платова. Отмечено, что полки черноморских, гребенских, волгских, чугуевских казаков обеспечили победы русского воинства в Закавказье.

Авторы пособия не обходят стороной и участие казачества в конфликтах внутри Российской империи, речь идет о разбойной деятельности Запорожской Сечи на правобережной Украине, что стало одной из причин ее ликвидации. Самым масштабным волнением внутри империи с участием казачества было массовое восстание под предводительством донского казака Емельяна Пугачева. Под знамя лжецаря Петра (Пугачева) встала значительная часть яицких, донских и других казаков, а также приволжских народов. К сожалению, авторы не стали объяснять причины, характер и значение этого казачье-крестьянского повстанческого движения. Они подчеркивают, что в подавлении восстания участвовали оренбургские и донские казаки. Сжато освещены его последствия, имевшие огромное значение для судьбы казачества. В частности, показано, что Екатерина II ускорила процесс трансформации казачьих войск в армейские подразделения, дала казачьей старшине право закрепощения крестьян, что тем самым сделало ее безусловной опорой самодержавия, аннулировала многие права и свободы казачества как субэтноса.

Естественно, в книге хорошо освещается одна из вершин казачьей военной истории – участие в разгроме наполеоновского нашествия в 1812–1814 гг. Следует заметить, что сюжет о рейде казачьих полков Платова отражен слишком односторонне. Полки Платова сыграли заметную роль, но все-таки меньшую, чем та стратегическая задача, которую им поставил Кутузов. Платов был талантливым тактиком, но не стратегом, что отражало специфику его руководства казачьими формированиями. Авторы справедливо подчеркивают, что подход к основным силам русской армии свежих иррегулярных казачьих частей, приспособленных к ведению партизанской войны, сыграл важную роль как в развертывании партизанского движения, так и в усилении русской кавалерии. Наряду с донскими полками отважно воевали уральские, оренбургские и другие казачьи подразделения, башкирские и калмыцкие формирования. Платов и казачьи атаманы получили европейскую известность, и даже считалось, что вся многочисленная конница, собранная под знаменем Наполеона, погибла главным образом под ударами казаков атамана Платова.

В пособии высоко оценивается участие казачества в 47-летней Кавказской войне. В боевых действиях принимали участие донские, черноморские, линейные и астраханские казаки. Авторы с любовью описывают подвиги Я.П. Бакланова, прошедшего путь на войне от казака до генерала и одержавшего множество побед в борьбе с горцами. Победа в этой войне достигнута не только благодаря героизму казаков и солдат, но и в результате усилий правительства по примирению горцев и русских, создания иррегулярных формирований на базе местного населения.

После булавинского и пугачевского движений в Российской империи долгое время существовало настороженное отношение к казачеству. Однако победы казачества в последовавших войнах, особенно в кампании 1812–1814 гг. и Кавказской войне, сыграли определяющую роль в сохранении казачества как иррегулярной воинской системы, способной обеспечивать как внешнюю, так и внутреннюю безопасность империи. После длительных обсуждений было принято в 1835 г. новое «Положение об управлении Донского Войска» – основы реформирования всех казачьих войск. Авторы раскрывают его основные позиции и обращают внимание на развитие Оренбургского и Сибирского казачьих войск, создание Амурского и Уссурийского войск. Подробно освещается реформирование службы казаков во второй половине XIX в., в период реформ Александра II.

Авторы показали, как в Крымской войне 1853–1856 гг. проявили свои боевые качества казачьи полки под командованием наказного атамана Ф.В. Орлова-Денисова. Забайкальские казаки в это время на Дальнем Востоке предотвратили захват интервентами океанского побережья. Однако вследствие общей неудачи русской армии в Крымской войне Россия была вынуждена признать Черное море нейтральным и ликвидировать Азовское и Дунайское казачьи войска.

Спустя 20 лет, в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. против османского гнета на Балканах, казачьи части с Дона, Терека, Кубани, Урала, Нижней Волги защищали права братских южных славян и вновь героически проявили себя. В пособии отмечается участие казаков в битвах при Тырново, на Шипке, под Плевной, Пловдивом, Ардаганом. Казаки особо отличились при штурме крепости Карс.

В отличие от балканской кампании, где подвиги казаков были овеяны идеей славянского православного единства, совершенно иная ситуация была в ходе войны в Средней Азии. Российская империя расширялась в силу внешних и внутренних причин, обеспечивая интересы национальной безопасности. Казачьи формирования Урала, Сибири, впоследствии кубанские, оренбургские, семиреченские полки, верные своей присяге, участвовали в ряде походов и сражений против войск местных ханов и эмиров. Отмечают авторы и участие казаков в подавлении Ихэтуаньского восстания в Китае. Можно по-разному оценивать значение этих действий, но, несомненно, значительная роль в победах в них принадлежит российскому казачеству.

В пособии раскрываются особенности хозяйства казаков разных регионов России, прежде всего социально-экономические противоречия в казачьей среде. Следует особо обратить внимание на стремление авторов рассмотреть не только военные и организационные факторы функционирования казачества, но и культурно-религиозные основы. Казачество показано как социокультурная общность, сформированная в ходе многовекового служения Российскому государству и обществу. Единство казаков было обусловлено общей культурно-ценностной и деятельностной базой. На обширном историческом материале обосновывается идея принадлежности казачества, имеющего свои особенности, к государствообразующему русскому народу и русской культуре, что служит противодействием «казачьему» сепаратизму и способствует осознанию единства россиян.

Развернуто освещается процесс почитания казаками икон и войсковых регалий. Подчеркивается, что еще в доимперский период развития казачьих сообществ православие определяло мировоззрение казаков. Это имело решающее значение для формирования целостного характера культуры казачества и определило весь ход развития его уникальных черт. Казаку-воину, пишут авторы, были близки нравственные основы православия, его принципы – справедливость, благочестие, соборность. Показаны православные праздники в культуре казачества, другие особенности воспитания и семейных отношений в казачьей среде. Подробно характеризуется фольклор казачества. Авторы сочли необходимым в отдельном разделе показать, как раскрывается тема казачества в отечественной литературе и живописи XVIII – начале XX в. Дается обзор и основных проявлений материальной культуры казачества, прежде всего строительства новой столицы казачества – Новочеркасска. Но в пособии имеется и некоторое упущение – неполно охарактеризована в казачьих областях сложившаяся система образования, которая по мере своего развития и укоренения стала играть большую роль в процессе стихийного объективного расказачивания сословия в ходе развития капиталистических отношений.

В разделе «Казачество в начале XX века» сделана попытка охарактеризовать общее состояние казачества, однако в основном она касалась военно-сословных особенностей. Замечен без раскрытия проблемы только тот факт, что «казаки осознавали свое экономическое превосходство в повседневной деятельности» над крестьянами. Это имело большое значение в контексте будущих перемен. В Русско-японской войне 1904–1905 гг. казаки вновь подтвердили свои боевые качества, но это не помогло России, которая потерпела унизительное поражение.

Составители пособия смогли объективно раскрыть роль казачества в первой русской революции 1905–1907 гг. С одной стороны, казаки приняли активное участие в борьбе с революцией, за что получили «высочайшую благодарность», с другой – некоторые казачьи подразделения отказывались выступать против рабочих и крестьян. Казаки в своей массе тяготились исполнением полицейских обязанностей, но их в целом дисциплинированно исполняли.

В пособии слишком кратко отмечена деятельность в Государственной думе депутатов – представителей казачьих войск, которые хотя без особого эффекта, но протестовали против использования казачества в качестве полицейской силы. Авторы не объяснили, почему консервативное сословие было представлено в Думе в основном либералами. Казаки проявили себя как реальная опора действующей власти, но революция послужила катализатором процесса по размежеванию казачества по политическим убеждениям.

Участие казачества в Первой мировой войне показано схематично, хотя этот сюжет заслуживает более широкого освещения и глубокого анализа. Авторы сконцентрировались на демонстрации высоких

профессиональных качеств казаков как воинов и не отметили вклада казачьих формирований. Было бы полезно упомянуть, что казачьи полки отличились летом 1916 г., во время знаменитого Брусиловского прорыва, а также показать деятельность командующего 8-й армией казака генерала Каледина и др.

В разделе «Казачество в Февральской революции» авторы отметили рост в казачьей среде социальной дифференциации, антивоенных и протестных настроений, вплоть до революционных призывов. Казачество не приняло участия в защите самодержавия, разгоне антиправительственных демонстраций и включилось в процесс демократических преобразований в армии и обществе.

Интересны и продуктивны разделы пособия об участии казачества в социально-политических процессах после Октябрьской революции и в Гражданской войне. Авторы стремились отразить все многообразие боевых действий в разных регионах бывшей Российской империи. Однако недостаточно раскрыт вопрос функционирования в 1918–1919 гг. белоказачьей государственности «Всевеликое войско Донское» во главе с Красновым. Оно имело и главу – «атамана», и парламент – «войсковой круг», и правительство – «совет управляющих», и даже конституцию, проводило не только свою внешнюю и военную политику, пыталось разбить красных под Царицыным, но и социальные реформы, развивало образование и т.п. Функционировала эта структура при поддержке немецких интервентов, а атаман Краснов сохранил немецкую ориентацию на всю жизнь и в 1941–1945 гг. стал приспешником Гитлера.

Авторы подробно раскрывают роль циркулярной инструкции оргбюро ЦК РКП(б) 24 января 1919 г. и называют вероятных авторов, среди которых первым поставили Сырцова, затем уже Троцкого, Свердлова и Сталина. Сырцов как руководитель Донбюро РКП(б) стоял в иерархии большевистских руководителей значительно ниже председателя РВС, председателя ВЦИК и наркома по делам национальностей и никак не мог составлять этот циркуляр, хотя, конечно, был причастен к его реализации. Жестокая политика расказачивания стала проводиться в жизнь большевиками, как сказано в циркулярном письме – «учитывая опыт гражданской войны». Это был фактически ответ на крах Донской (советской) республики, во главе которой стояли казаки Подтелков и Кривошлыков, на белоказачий красновский террор в 1918 г. Было бы полезно отметить, что руководство Деникинской армии тоже приняло ряд постановлений, ориентировавших на форсирование широкого белого террора в отношении большевиков и других революционных сил.

Подробно освещаются в основном боевые действия белого казачества и меньше внимания уделено красному казачеству, которое в составе Красной армии участвовало в разгроме противника. Но это, в принципе, логично, учитывая, что большая часть казачества воевала на стороне Белого движения. Более того, казачество стало основой белогвардейской кавалерии, периодически наносившей Красной армии поражения в боях. В разделе рассказано о легендарном рейде корпуса Мамантова по тылам Красной армии и о совершенно уникальном Егорлыкском кавалерийском конно-встречном сражении 1919 г., в ходе которого 1-я Конная армия Буденного фактически решила судьбу белого казачества на Юге России. Авторы попытались объяснить причины поражения белого казачества в Гражданской войне через призму причин общего поражения Белого движения.

Раздел о жизнедеятельности казачества в период нэпа отличается не очень понятной краткостью. Авторы отметили решение Апрельского пленума ЦК РКП(б) по докладу того же С.И. Сырцова «По вопросу о казачестве» и привели четыре его пункта – и этим ограничились. Между тем в период нэпа, в середине 1920-х гг., власть проделала значительную работу по амнистии белоказаков, их возвращению из эмиграции на родину, политической реабилитации рядовых белоказаков, расширению избирательных прав казачества, организации службы казаков в территориальных частях Красной армии, в целом их включения в советское строительство.

Авторы раздела раскрывают возобновление политики «лицом к казачеству» под лозунгом «За советское казачество» в 1930-х гг., начиная с публикации передовой статьи газеты «Правды» в 1936 г. Но не сказано о предшествующей статье первого секретаря Азово-Черноморского крайкома партии Б.П. Шеболдаева. Последовавшие решения 1936 г. о снятии с казачества ограничений по службе в РККА стали базой для создания казачьих частей в Красной армии.

Участие казаков, казачьих частей и соединений против фашистской Германии и ее союзников раскрывается в трех разделах. Обращает на себя внимание стремление авторов показать главным образом подвиги конкретных казаков и полководцев, вышедших из среды казачества. Отмечен процесс формирования на Дону и Кубани казачьих дивизий и других подразделений. Однако авторы не осветили в

полном объеме боевой путь 4-го Кубанского и 5-го Донского казачьих гвардейских корпусов в разгроме немецко-фашистских войск, не показали их выдающуюся роль в крупнейших войсковых операциях периода «коренного перелома» и победоносного завершения Великой Отечественной войны.

Раздел о казачестве в эмиграции до начала Второй мировой войны содержит избыточную для учебного пособия информацию. При этом авторы не в полной мере учитывают, что почти вся верхушка казачьей эмиграции во главе с Красновым в основном поддержала агрессию гитлеровской Германии против СССР. Но отмечены факты преступлений предателей в СССР, капитуляция казаков-коллаборационистов в Лиенце, приговор советского трибунала Краснову, Шкуро и др.

Интересен инновационный раздел «Жизнь и деятельность казаков в послевоенный период». Авторы перечисляют трудовые свершения выходцев из казачьей среды. Они подчеркивают, что их большинство не утратило традиционный для казачества патриотический государственный уровень. К этому разделу примыкают материалы о советской казачьей культуре, сохранении в СССР казачьего фольклора, творчестве писателей, художников, деятельности музеев, отметим и раздел о казачьей культуре в эмиграции. Особо следует выделить раздел о творчестве великого писателя М.А. Шолохова, благодаря которому в советское время история казачества не только не забыта, но и вошла в ядро советской и мировой культуры.

Специальная глава посвящена возрождению казачества в период перестройки и постсоветское время. Авторы раскрывают сложный процесс полной и окончательной реабилитации казачества Верховным Советом РСФСР. Подробно освещен процесс образования казачьих обществ и выполнения комплекса государственных задач. Отражены основные документы по регулированию государственной службы казачества.

В пособии отмечается развитие культуры казачества в постсоветский период, появление казачьих средств массовой информации и интернет-ресурсов, развитие специфических казачьих видов спорта. Следует особо выделить раздел о создании системы непрерывного образования российского казачества. Но авторы не нашли возможности осветить созывы конгрессов мирового казачества в Новочеркасске, которые выявили ряд проблем в его развитии.

В конце XX – начале XXI в. казачье движение получило возможность на деле в боевых походах доказать свою актуальность и необходимость. Казачьи подразделения приняли участие в вооруженных конфликтах в Приднестровье, Абхазии, в контртеррористической операции в Чечне. В 2014 г. казаки приняли участие в Крымской весне, отражении агрессии Украины в отношении Луганской и Донецкой народных республик. Но вершиной военной государственной службы казачества стало их участие в специальной военной операции на Украине, начиная с 2022 г. Показано, что российские казаки героически сражаются в боях как кадровые военнослужащие и как добровольцы в специализированных казачьих подразделениях. Эта государственная миссия казачества войдет в историю.

Рецензируемое пособие обеспечено необходимым методическим аппаратом, достаточным для проведения практических занятий в различных формах: семинаров, практикумов, практических работ и др. Задания, предваряющие изучение того или иного параграфа и размещенные внутри него, позволяют как активизировать учебную деятельность студентов и слушателей в ходе лекций, так и обеспечить полноценную самостоятельную работу обучающихся с материалами пособия.

«История казачества России» является в целом добротным, качественным, целостным учебно-методическом пособием, которое соответствует требованиям, предъявляемым к учебно-методической литературе для системы казачьего образования. Оно может быть использовано для преподавания дисциплин, связанных с изучением истории российского казачества в высшей школе, и в рамках реализации программ дополнительного образования (профессиональная переподготовка и повышение квалификации), ориентированных на обучение кадров, которые привлекаются к реализации государственной политики в отношении российского казачества.

Информация об авторе

С.А. Кислицын – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

S.A. Kislitsyn – Doctor of Science (History), Professor.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
SCIENTIFIC LIFE

Материалы конференции
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-142-145

Международная научно-практическая конференция «Индустрия туризма и гостеприимства: всё включено – 2025» (Ростов-на-Дону, 10–11 апреля 2025 г.)

Роман Игоревич Сухов
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
ris@sfedu.ru

Для цитирования: Сухов Р.И. Международная научно-практическая конференция «Индустрия туризма и гостеприимства: всё включено – 2025» (Ростов-на-Дону, 10–11 апреля 2025 г.) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 3. С. 142–145. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-142-145

Conference materials

International Scientific and Practical Conference “Tourism and Hospitality Industry: All Inclusive – 2025” (Rostov-on-Don, April 10–11, 2025)

Roman I. Sukhov
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
ris@sfedu.ru

For citation: Sukhov R.I. International Scientific and Practical Conference “Tourism and Hospitality Industry: All Inclusive – 2025” (Rostov-on-Don, April 10–11, 2025). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(3):142-145. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-142-145

Организация обслуживания туристов является многогранным процессом, включающим широкий спектр технологических, организационных, коммуникативных и креативных компетенций, формирующих специалистов индустрии гостеприимства. Поэтому процесс обучения студентов этой сферы профессиональной деятельности требует междисциплинарного подхода, разнообразия исследовательской деятельности, сочетающей практико-ориентированный подход и творческое начало.

Исходя из этого, тематика научных и практико-ориентированных исследований, представленных на конференции, разнообразна по видам деятельности, интернациональна по географии и широка по возрасту, уровню образования и квалификации участников.

Концепция конференции, проведенной в 2025 г., развивает новый формат мероприятия, определенный в 2024 г., отменивший разделение секций по принципу видов деятельности предприятий или специализации исследований на какой-то определенной узкой теме. Кафедры Института туризма, сервиса и креативных индустрий ЮФУ представляли проекты своих мастерских, а также исследования студентов вузов России и зарубежных стран, сотрудников туристических предприятий.

© Сухов Р.И., 2025

В пленарной части конференции, проведённой в формате панельной сессии, были представлены вопросы, обсуждаемые всеми участниками конференции в формате дискуссии:

1. «Международные практики сервисного менеджмента: инструменты клиентоцентричного подхода на примере ГК MANTERA» (эксперт О.Н. Байбакова, руководитель департамента управления качеством сервиса ООО «Мантера Групп», г. Сочи, Россия).

2. Hotel Ownership and Management (эксперт М.А. Тамер, PhD, профессор Международного университета Короля Сулеймана, директор филиала в Шарм-эш-Шейхе, г. Шарм-эш-Шейх, Арабская Республика Египет).

3. «Подъем со дна. Как разные страны мира проходили кризисы на рынке туризма в начале XXI в.» (эксперты А.Ю. Александрова, д.г.н., к.э.н., заслуженный профессор Московского университета, профессор кафедры рекреационной географии и туризма географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия; В.Е. Домбровская, к.ф-м.н., доцент, доцент кафедры туризма и природопользования Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия).

4. «Стратегия реализации федеральной туристической межрегиональной схемы территориально-пространственного планирования макротерритории „Восточный Юг России“ на примере Ростовской области» (эксперт Т.В. Горяйнова, директор Агентства по туризму и деловым коммуникациям Ростовской области, г. Ростов-на-Дону, Россия).

5. «Абрау-Дюрсо: что родина российского шампанского предлагает студентам» (эксперт И.А. Воронцова, директор по взаимодействию с учебными заведениями группы компаний «Абрау-Дюрсо», Абрау-Дюрсо, Краснодарский край, Россия).

6. «Актуальные проблемы и решения формирования системы подготовки управленческих кадров гостиничных предприятий в Российской Федерации» (эксперт Р.Ф. Киселева, директор ООО «Хоспиталити Групп», эксперт по организации и управлению гостиничным бизнесом, г. Череповец, Россия).

7. «Особенности, проблемы и перспективы интеграции ассистивных цифровых технологий в структуру современного туристического продукта» (эксперты Т.В. Подольская, к.э.н., заведующая кафедрой международных экономических отношений; Е.А. Васюта, к.э.н., доцент кафедры международных экономических отношений Южно-Российского института управления РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону, Россия).

8. «Критические точки реализации процесса обучения студентов направления „Туризм“» (эксперт М.В. Якименко, к.э.н., заведующая кафедрой технологий управления в индустрии туризма Института туризма, сервиса и креативных индустрий ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, Россия).

9. «Устойчивое развитие туризма: от теории к практике» (эксперт Р.И. Сухов, к.г.н., заведующий кафедрой туризма Института туризма, сервиса и креативных индустрий ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, Россия).

10. The Revival of Tourism in Post-Crisis Lebanon (эксперт Р. Раним, PhD, заведующий кафедрой управления в туризме и гостиничном бизнесе Ливанского международного университета, Ливанская Республика).

11. «Особенности развития туризма в регионе Ориенте Республики Эквадор» (эксперт А.Э.Х. Флорес, преподаватель Высшей политехнической школы Чимборасо, провинция Орельяна, Республика Эквадор).

Во второй день конференции работали секции, представленные четырьмя проектными мастерскими в формате питч-сессии.

В «Мастерской проектов кафедры туризма № 1» было представлено 25 работ бакалавров старших курсов, магистров и аспирантов, сотрудников туристских компаний России и зарубежных стран.

Победителями в разных номинациях стали:

– С. Масрулина, П. Таухид – Building a Balance Between the Tourist Perspective and the Local Residents' Perspective in the Tourist Village of Latimodjong, Indonesia (Индонезийский педагогический университет, г. Бандунг, Западная Ява, Республика Индонезия);

– Л.А. Аюпова – Procurement System at the Gazprom Polyana Resort (ООО «Свод Интернешнл», курорт «Газпром Поляна», г. Сочи, Россия);

– Е.А. Перепечаева – «Развитие инклюзивного туризма через учебно-методические центры ЮФУ» (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия);

– А.А. Туркина – «Влияние промышленного туризма на формирование туристской привлекательности регионов Российской Федерации» (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия);

– М.И. Лукин – «Формирование концепции развития гостиничного предприятия на макротерритории „Большое Золотое кольцо“» (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия);

– В.О. Короткая – «Стратегическое управление этно-отелем: практический опыт» (Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Россия);

– О.Н. Иевская – «Историческая автобродилка по Подмосковью: по дороге истории» (Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна, Россия);

– В.С. Дягилева, А.И. Короткова, М.Д. Побегайло – «Аудиогид по Денисовой пещере „Эхо тысячелетий“» (Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия).

В «Мастерской проектов кафедры туризма № 2» было представлено 25 работ бакалавров российских и зарубежных вузов.

Среди них отдельно следует выделить победителей – участников студенческого научного общества «Лаборатория детского научно-популярного туризма» Института туризма, сервиса и креативных индустрий ЮФУ (руководитель К.В. Кушнир, к.г.н., доцент кафедры туризма) и федеральной программы «Обучение служением». Студенты поделились не только своими оригинальными теоретическими и методическими наработками, но и отчитались о результатах внедрения своих программ – проведенных для школьников лингвомедиаэкскурсий:

– П.А. Аксёнова, А.П. Шкумат, Ю.С. Хащук, А.А. Огородник, А.Р. Мартынова, М.Р. Магомедова – «Креативные форматы детских исторических экскурсий „По следам казачьей славы“»;

– М.А. Боженькина, Ю.Е. Десенхо, А.А. Аксенова, Е.М. Гериш, Р.Б. Бабаева – «Технологии разработки научно-популярной экскурсии „Шерлок в ЮФУ: лингвомедиарасследование на полигоне криминалистики“»;

– А.А. Дьякова, С.С. Иванова, К.А. Коростиенко, Я.Д. Карпова – «Технологии разработки лингвомедиаэкскурсии для детей „Маленькие секреты большого сада“».

В других номинациях этой секции победили:

– К.П. Пшеничных – «Развитие креативных индустрий региона в части исследования культурно-досуговой сферы молодежи» (Институт туризма, сервиса и креативных индустрий ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, Россия);

– М.С. Кабыш – «Метеопатопусковые признаки погоды и профилактика метеотропных реакций и заболеваний» (Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия);

– И.В. Савченко – «Создание белорусских народных кукол из лекарственных растений на экскурсии природоведческой направленности» (Белорусский государственный технологический университет, г. Минск, Беларусь);

– С.А. Чернова – «Проект военно-исторического маршрута для школьников по Чертковскому району» (Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия).

В «Мастерской проектов кафедры технологий управления в индустрии туризма» было представлено 11 работ студентов. Победителями стали Н.А. Арутюнян, П.Д. Вьюгова, К.Р. Рабаданова, М.Н. Чеснокова – «Создание платформы для трудоустройства в туризме Travel Head Hunter» (Институт туризма, сервиса и креативных индустрий ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, Россия).

В «Мастерской проектов кафедры бизнеса в сфере гостеприимства» было представлено 37 работ студентов. В числе победителей:

– Д.К. Стадникова, Д.Д. Абакумова – «Формирование актуальных туристическо-гостиничных продуктов Ростовского региона с учётом теории поколений» (Институт туризма, сервиса и креативных индустрий ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, Россия);

– М.А. Овсянникова, С.С. Химченко – «Digital-маркетинг в сфере гостиничных услуг» (Институт туризма, сервиса и креативных индустрий ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, Россия);

– В.П. Желтова, М.А. Ткачук – «Управление кадрами в службе СПиР отелей среднего ценового сегмента Ростова» (Институт туризма, сервиса и креативных индустрий ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, Россия).

Результатом конференции стал сборник трудов, в который вошли публикации победителей и призеров конференции.

Информация об авторе

Р.И. Сухов – кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой туризма Института туризма, сервиса и креативных индустрий ЮФУ.

Information about the author

R.I. Sukhov – Candidate of Science (Geography), Associate Professor, Head of the Department of Tourism, Institute of Tourism, Service, and Creative Industries, SFedU.

ПАМЯТИ УЧЕНОГО
IN MEMORY OF THE SCIENTIST

Персоналии
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-146-149

Николай Алексеевич Трапш
(1976–2025)

Nikolai Alekseevich Trapsh
(1976-2025)

21 июня 2025 г. на шоссе Ставрополь – Ростов трагически оборвалась жизнь известного историка, директора Государственного архива Ростовской области (ГАРО) Николая Алексеевича Трапша.

Уроженец Ростова-на-Дону, Н.А. Трапш в 1998 г. окончил исторический факультет Ростовского госуниверситета. За время учебы определился круг его научных интересов и обозначились основные направления последующей научной работы. Это была прежде всего история абхазского народа, народов и культур Северного Кавказа. Вместе с тем углубленный подход к исследованию истории Кавказа привел его к необходимости обстоятельного изучения теоретических вопросов исторической науки и ее истории. В ходе работы под руководством доктора исторических наук, профессора А.П. Пронштейна постепенно сформировалась проблематика его научной работы. Она была связана с анализом теоретико-методологической концепции выдающегося российского историка А.С. Лаппо-Данилевского, эффективное использование которой отмечается в ходе изучения важнейших проблем русской истории XVII–XVIII вв. Как указывал Н.А. Трапш, особый интерес к этим векам со стороны А.С. Лаппо-Данилевского определялся тем, что он видел в это время исключительно сложный и переломный период в истории страны, заключавшийся в переходе от средневекового Московского царства к Российской империи нового времени. Вместе с тем Н.А. Трапш на старших курсах университета продолжал исследование культуры народов Северного Кавказа. На основе сравнительно-исторического исследования он выявил общие черты и особенности нартского эпоса и эпоса, сложившегося в других культурах периода становления цивилизации, карельской калевалы и якутского олонхо. Эта работа, защищенная в качестве дипломной, заслуживает публикации.

За время учебы в аспирантуре Николай Алексеевич подготовил кандидатскую диссертацию, которую успешно защитил в 2002 г. в совете при РГУ [1]. По теме диссертации в 2006 г. была издана монография. Опора на принцип историзма и комплексный подход, характерные для научного мышления Н.А. Трапша, позволили ему представить общие культурные и научные предпосылки формирования научного мировоззрения А.С. Лаппо-Данилевского. К ним он отнес философию Гегеля, позитивизм середины – второй половины XIX в. и идеи историков государственной школы русской историографии, а среди новейших предпосылок – положения баденской школы неокантианства. Такие предпосылки, указывал Н.А. Трапш, способствовали формированию в его труде «Методоло-

гия истории» собственной оригинальной методологической концепции, в которой преобладающие положения неокантианства не исключали признания более ранних стадий в развитии философской и методологической мысли, проверенных исследовательским опытом классической модели научного исторического исследования. Поэтому Николай Алексеевич вполне обоснованно видел особенности восприятия А.С. Лаппо-Данилевским неокантианской методологии. Он указывал, что историческое исследование может быть проведено, на взгляд А.С. Лаппо-Данилевского, не только с идиографических позиций, как подчеркивали основоположники неокантианства, или в свете описательной стратегии исторического исследования, но и с учетом позиции номотетической, с построением в ходе исторического исследования объяснительной модели и с признанием идеи существования закономерностей изучаемого процесса в исторической жизни вообще. Н.А. Трапш обращал внимание на положение А.С. Лаппо-Данилевского о необходимости исследования отдельных феноменов жизни прошлого с опорой на методологический принцип признания чужой одушевленности. При этом такая опора предполагает психологический анализ сознания, как массового, так и индивидуального, за определенный период в истории культуры. Также Николай Алексеевич отмечал характерный для А.С. Лаппо-Данилевского аксиологический подход, при котором анализ исторического материала предполагает всесторонний учет с общепризнанными ценностями, но при этом делал четкое различие между аксиологическим принципом исследования и оценочными суждениями.

Он подчеркивал, что на основе принятой им исследовательской методологии А.С. Лаппо-Данилевскому удалось сформировать убедительную и оригинальную концепцию развития русской культуры раннего Нового времени, которая отличалась от концепций В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова. Согласно А.С. Лаппо-Данилевскому, процессы развития культуры зависели прежде всего от факторов состояния духовной культуры, трансформации утвердившихся стереотипов массового и индивидуального сознания. С этих позиций, указывал Н.А. Трапш, А.С. Лаппо-Данилевский провел анализ эволюции общественной идеологии в России за XVII и XVIII вв., когда имело место заимствование достижений западной цивилизации при их эволюционных трансформациях в новых социокультурных условиях. В целом, по обоснованной оценке Н.А. Трапша, в научном творчестве выдающегося российского историка осуществилось творческое единение исследования на базе исключительно глубокого знания эмпирического материала и применения глубоко обоснованных и оригинальных теоретико-методологических основ исследования, способствовавших уяснению культурно-исторических особенностей истории русской культуры в сложный переходный период перехода от Средневековья к Новому времени [2, с. 138–141].

Исследование Николая Алексеевича об А.С. Лаппо-Данилевском, к трудам которого на рубеже прошлого и нынешнего века привлечено значительное внимание, получило высокую оценку [3, с. 247]. В то же время анализ теоретико-методологических вопросов исторической науки он связывал с изучением проблем истории Северного Кавказа и Закавказья, в первую очередь Абхазии. В этой связи особенно показательным является опыт системной реконструкции теоретико-методологической концепции выдающегося советского абхазского историка Г.А. Дзидзарии, сделанной Н.А. Трапшем. Как справедливо отмечал Николай Алексеевич, концепция Г.А. Дзидзарии не сводилась к марксистской метатеории, но учитывала разносторонние особенности абхазского общества, в сознании которого не только отражались внутренние социальные противоречия, но и все более отчетливо проявлялись национально-освободительные мотивы [4].

Проблематику абхазской истории Н.А. Трапш рассматривал в контексте ряда общих вопросов отечественной истории. В частности, это касалось локальных историописательных концепций в номере журнала, посвященном сибирскому областничеству. Как и сибирские областники, абхазские интеллектуалы конца XIX – начала XX в. не только анализировали ход истории Абхазии, но и вынашивали проекты самоопределения. Николай Алексеевич видел, таким образом, общие процессы в интеллектуальной жизни Абхазии и других окраинных регионов России, формировании новых исторических концепций и политических идей, складывавшихся в условиях системного кризиса имперской и самодержавной модели российской государственности, а также трагическую судьбу этих интеллектуалов, погибших уже в советское время, в период массовых репрессий [5].

Внимательно наблюдал ученый за процессами конструирования этнической идентичности и исторической памяти в этнических сообществах Северного Кавказа, которые активно развивались в течение трех десятилетий постсоветского времени. Подобная тема в его исследованиях представля-

ет значительный интерес в свете ситуации в современных национальных культурах на Кавказе и за его пределами, когда разворачивается обостренное нередко восприятие прошлого и межэтнических отношений в истории и когда начинается явление, охарактеризованное В.А. Шнирельманом как «войны памятей». Вместе с тем меняется не только отношение к прошлому, но и представление северокавказских сообществ о своем месте в современном и быстро меняющемся мире: например, осмысление культурно-интеллектуального феномена, упоминающегося в политологическом и культурологическом дискурсе как «национальная идея», мысли о которой возникают в культуре сообществ, переживающих период перехода к новой политической реальности, в частности в Абхазии [6].

Безвременная кончина прервала активную работу Н.А. Трапша над докторской диссертацией, посвященной анализу процессов формирования в Абхазии общества Нового времени после завершения Кавказской войны и мухаджирства, инкорпорации Абхазии в экономическое, культурное и политическое пространство Российской империи, а также влиянию на Абхазию как этническую окраину формирования предпосылок революции в России на рубеже XIX–XX вв.

Не только как ученый, но и как организатор науки и образования проявил себя Николай Алексеевич за время своей работы в РГУ/ЮФУ. Выдающиеся организаторские способности проявились у него, когда в 2007 г. он оформил учебный план по направлению «документоведение», которое с того времени вошло в учебную программу исторического факультета университета. Вступив в 2016 г. в должность директора ГАРО, Н.А. Трапш организовал процесс подготовки сборника документов архива по истории Дона за период революции и Гражданской войны 1917–1921 гг. Под его руководством велась огромная и крайне необходимая для исследователей работа по цифровизации документов ГАРО. Кроме того, Н.А. Трапш как один из крупнейших современных специалистов по процессам и явлениям на Кавказе Нового и Новейшего времени стал во главе Центра по изучению Большого Кавказа Института социологии и регионоведения ЮФУ.

В памяти всех знавших Николая Алексеевича он остается не только сильнейшим историком-кавказоведом, исследователем истории и теоретических проблем исторической науки, пропагандистом научных исторических знаний, глубоким знатоком архивного дела, его истории, организации, проблематики и современного состояния, компетентным и успешным администратором на своем директорском посту. Он запомнился окружающим как человек добрый и исключительно светлый, при всей своей серьезности веселый и доброжелательный по отношению к людям, готовый всегда прийти на помощь. Он имел очень широкий круг научных, деловых и личных контактов как ученый и как директор архива. Вокруг него на всех стадиях его многогранной деятельности складывалась сплоченная команда сотрудников и преданных делу единомышленников.

Светлая память о Николае Алексеевиче Трапше навсегда сохранится в сердцах всех знавших его историков и архивистов, всех окружавших его людей.

Список источников

1. *Трапш Н.А.* Эволюция научных взглядов А.С. Лаппо-Данилевского и актуальные проблемы отечественной истории XVII–XVIII вв. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2001. 28 с.

2. *Трапш Н.А.* Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 2006. 159 с.

3. *Погодин С.Н.* А.С. Лаппо-Данилевский в отечественной историографии // Russia in the Global World. 2017. № 11 (34). С. 245–257.

4. *Трапш Н.А.* Теоретико-методологическая концепция Г.А. Дзидзария: опыт системной реконструкции // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Серия : Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. Вып. 3. С. 66–72.

5. *Трапш Н.А.* Идеи областничества на имперских этнических окраинах: абхазские интеллектуалы конца XIX – начала XX века о российском социокультурном и политическом пространстве // Studia Culturae. 2016. Т. 1, № 27. С. 197–205.

6. *Трапш Н.А.* Национальная идея в «прокрустовом ложе» государственного строительства: системные реминисценции абхазского политического процесса в XX – начале XXI в. // Этнополитические конфликты на Кавказе и Ближнем Востоке и механизмы их урегулирования: история и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Ставрополь, 21–22 октября 2022 г.). Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2022. С. 150–153.

References

1. Trapsh N.A. *Evolution of scientific views of A.S. Lappo-Danilevsky and current problems of Russian history of the 17-18th centuries*. Dissertation Thesis. Rostov-on-Don, 2001. 28 p. (In Russ.).

2. Trapsh N.A. *Theoretical and methodological concept of A.S. Lappo-Danilevsky: an experience of evolutionary reconstruction*. Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov State University; 2006. 159 p. (In Russ.).

3. Pogodin S.N. A.S. Lappo-Danilevsky in Russian historiography. *Russia in the Global World.* 2017;(11):245-257. (In Russ.).

4. Trapsh N.A. Theoretical and methodological concept of G.A. Dzidzaria: an experience of systemic reconstruction. *Bulletin of Adyghe State University. Series: Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology*. 2015;(3):66-72. (In Russ.).

5. Trapsh N.A. Ideas of regionalism on the imperial ethnic outskirts: Abkhaz intellectuals of the late 19th - early 20th century on the Russian socio-cultural and political space. *Studia Culturae*. 2016;1(27):197-205. (In Russ.).

6. Trapsh N.A. National idea in the “Procrustean bed” of state building: systemic reminiscences of the Abkhaz political process in the 20th - early 21st century. *Ethnopolitical conflicts in the Caucasus and the Middle East and mechanisms for their settlement: history and modernity*. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Stavropol, 21st-22nd October 2022). Rostov-on-Don, Taganrog: Publishing House of Southern Federal University; 2022:150-153. (In Russ.).

Н.А. Мининков,
доктор исторических наук, профессор
Института истории и международных отношений
Южного федерального университета

Персоналии
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-150-153

Преподаватель и исследователь истории народного образования Инна Германовна Кислицына (1954–2025)

Inna Germanovna Kislitsyna, teacher and researcher of the history of public education (1954-2025)

Инна Германовна Кислицына прошла плодотворный жизненный и профессиональный путь, став вузовским и лицейским преподавателем, известным историком народного образования Ростовской области. Ее монографии и учебно-методические пособия по истории Донского края XX – начала XXI в. стали явлениями в историографии истории Дона.

Инна Германовна родилась в 1954 г. в селе Добрянка Украинской ССР. Ее дед, старообрядец Авдей Акулов, бригадир строителей оборонительной линии по «вредительскому» плану М. Тухачевского, был репрессирован в 1937 г., что сильно повлияло на жизнь большой семьи. Ее мать, Лариса Филипповна, после войны работала бухгалтером, а отец, Герман Германович Бауман, – учителем иностранных языков. В 1965 г. семья переехала в Ростов-на-Дону. Окончив здесь в 1971 г. среднюю школу с золотой медалью, Инна Германовна поступила на исторический факультет Ростовского государственного университета (РГУ, ныне – ЮФУ). В значительной мере на ее профессиональный выбор повлияла судьба ее отца, ставшего исследователем истории Нидерландов и рабочего движения Европы.

В РГУ под руководством известного историка профессора Ю.И. Серого Инна Германовна занималась изучением истории начального образования в Области Войска Донского на основе «Памятных книг ОВД» и других документальных источников, впервые введенных по теме исследования в научный оборот. Итогом стала ее дипломная работа «Начальное образование на Дону в период империализма (1893–1913 гг.)», в которой впервые были детально рассмотрены основные количественные и качественные характеристики начального народного образования на Дону в рамках дореволюционного периода. В кулуарах истфака обсуждался вопрос о возможности защиты этой работы в качестве кандидатской диссертации.

После окончания университета в течение четырех лет Инна Германовна работала ассистентом кафедры истории КПСС Новочеркасского политехнического института им. Г.К. Орджоникидзе (ныне – ЮРГТУ им. М.И. Платова). В 1980 г. она поступила в очную аспирантуру РГУ, которую окончила в 1983 г. с представлением на защиту кандидатской диссертации «Деятельность Коммунистической партии по организации и совершенствованию руководства общеобразовательной школой в 1917–1927 гг.: на материалах Дона, Кубани и Ставрополя». Через призму специальной деятельности отделов народного образования ей удалось раскрыть механизм партийного руководства общеобразовательной школой, дать картину становления всей системы народного просвещения в этот период. Исследование темы в рамках не отдельной области, а целого региона требовало не только выявления и обобщения большой и разноплановой источниковой базы, но и осуществления научного осмысления и сравнительного анализа происходивших процессов сразу в нескольких областях региона.

После защиты диссертации в 1983 г. Инна Германовна Кислицына была неожиданно принята на кафедру идеологической работы межобластной Высшей партийной школы, но вскоре переведена на

кафедру истории партии, которой руководил профессор Ф.И. Поташев. Здесь она опубликовала научно-методологические разработки тем о поисках КПСС путей и методов совершенствования руководства советского общества в 1960-е гг., о мероприятиях партии по преодолению культа личности Сталина, о роли истпартов в развитии исторической науки на Дону и Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. В это время она также занималась исследованием источниковедения и историографии развития народного образования в регионе на различных исторических этапах [1]. В ноябре 1991 г. И.Г. Кислицына была избрана по конкурсу и получила звание доцента, возможно, став последним доцентом в Ростовской области по специальности «История КПСС» в силу известных обстоятельств внутриполитического развития страны.

В связи с ликвидацией Высшей партийной школы и кафедры истории КПСС И.Г. Кислицына оказалась без работы, но через год стала преподавать в классическом лицее № 1 при РГУ. Этот выбор был сделан в соответствии с ее давним пристрастием к теории и истории начальной и средней школы. Здесь с 1993 по 2002 г. она преподавала историю в старших классах, одновременно курируя всю кафедру гуманитарных дисциплин. Инна Германовна стала ведущим автором работы о формировании новой концепции лицейского социально-гуманитарного образования [2]. За достигнутые успехи в научно-педагогической деятельности она удостоилась благодарности мэрии Ростова-на-Дону. В лицее училась ее дочь Ирина, которая впоследствии окончила филфак РГУ и стала кандидатом наук. Но самое главное заключалось в том, что полученный опыт преподавания детям оказался очень ценен для написания будущих учебников по истории Донского края для школ.

Следует отметить немаловажную деятельность Инны Германовны по изучению научной биографии и систематизации личного архива своего отца, Г.Г. Баумана, прошедшего сложный путь в годы Великой Отечественной войны, участвовавшего в движении Сопротивления в Нидерландах, после войны вынужденно работавшего учителем в сельской школе. В 2004 г. его письмо А.И. Микояну дало старт процессу реабилитации военнопленных, участвовавших в войне с фашизмом. Приехав в Ростов-на-Дону, Г.Г. Бауман опубликовал монографии по истории Сопротивления и рабочего движения в Нидерландах и защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Инна Германовна опубликовала сборник военных воспоминаний Г.Г. Баумана, а также статьи о нем в центральной и региональной научной периодике [3].

И.Г. Кислицына продолжила целенаправленно заниматься исследованием истории народного образования в Донском крае в научном и учебно-методическом аспектах. Одним из итогов работы стала монография [4], представляющая собой обобщающее исследование по истории народного образования на Дону со времени первого упоминания в источниках о донских казаках в 1549 г. и до 30-х гг. XX в. Ею был раскрыт феномен донского просвещения, включая истоки, этапы формирования и развития, уточнены вопросы времени появления на Дону грамотности и письменной культуры, учреждения в регионе первых учебных заведений, динамика образовательного процесса и его особенности.

Инна Германовна подготовила и опубликовала в научных изданиях ряд статей, посвящённых народному образованию и учительству, начиная с середины XVI в. и до современности. Она сделала вывод, что позднее появление в регионе в сравнении с Центральной Россией первых учебных заведений говорит о стадиальном отставании Дона в этом отношении. Было выявлено, что наряду с первыми очагами православия своеобразными центрами русской грамотности на средневековом казачьем Дону были казачьи войсковые канцелярии, что составляло особенность этого региона. Рассматривался правовой статус Латинской семинарии, приходских училищ Министерства народного просвещения, отличия от церковно-приходских школ Синода, деятельность первого директора Малого и Главного народных училищ и др.

В работе [5] И.Г. Кислицыной было уделено особое внимание анализу процесса оформления правовых статусов сословно-казачьей и крестьянской школ Дона, возникновению в регионе женского и среднего образования [6]. Приходских училищ в войсковых станицах и хуторах было в два раза больше, чем в крестьянских населенных пунктах. Особенностями среднего образования в регионе, по ее мнению, являются выраженный сословно-казачий характер гимназий в казачьих центрах ОВД, приоритетное развитие военно-казачьих учебных заведений, предоставление льгот специалистам казачьего происхождения. В годы Гражданской войны на территории белоказачьего квазигосударства «Всевеликое войско Донское» процесс обучения не прерывался и функционировал по законам

сословной казачьей школы. Однако после окончания Гражданской войны новая советская единая трудовая школа, отделенная от церкви, предоставляла равные права на образование представителям всех социальных групп и национальностей. Системообразующим звеном стали органы государственного управления образованием, обеспечившие переход в 1920-х гг. от массовой безграмотности населения к введению всеобщего обязательного начального обучения, остановившего постоянное воспроизводство неграмотных при вступлении в жизнь новых поколений. И.Г. Кислицына обосновала принципиальный вывод, что развитие образовательного пространства Дона в XIX и XX вв. представляло собой единый поступательный общецивилизационный процесс. Несмотря на новые идейно-политические качества этого этапа развития образования, его нельзя рассматривать изолированно от всей предыдущей истории донского просвещения.

В 2024 г. ею совместно с С.А. Кислицыным был подготовлен и издан итоговый научный сборник [6]. В нем представлены основные статьи И.Г. Кислицыной, посвященные народному образованию и учительству, особенно интересны статьи об учителях, ставших депутатами Государственной думы Российской империи, биографические статьи о Ф. Д. Крюкове и А.Г. Филонове, статья о важной составляющей донской культуры – историографии изучения истории города Ростова-на-Дону от А.И. Ригельмана до современных авторов.

Инна Германовна выступила ведущим автором-составителем известной среди научной и широкой читательской общественности книги [7]. Ее идея зародилась у И.Г. Кислицыной давно, но была реализована в связи с 270-летним юбилеем города. Книгу открывает дополненный историографический очерк о развитии историко-краеведческой литературы по всем этапам истории города. Наряду с биографическими очерками историков города впервые представлен уникальный источник – текст историко-экономического очерка А. Скальковского 1847 г. об основании и развитии крепости Св. Димитрия Ростовского и истории первых 100 лет Ростова-на-Дону. Инна Германовна опубликовала статью о деятельности современного краеведа и историка-картографа Б.В. Чеботарева, который был одним из ее учителей [8]. Учебно-методическое направление деятельности Инны Германовны представлено совместными трудами с С.А. Кислицыным [9].

Основным трудом И.Г. Кислицыной стало пособие [10]. Его первое издание, охватывавшее период до начала XXI в., вышло в свет в 2002 г., последнее издание, включившее события первой четверти XXI в., – в 2025 г. В нем отражены основные вопросы сложной и драматической истории региона, причем ряд проблем освещен на школьном уровне впервые. Инна Германовна опиралась не только на новейшие достижения отечественной историографии и педагогики, но, конечно, и на собственные исследования истории образования, личный организационный и практический опыт преподавания. Книга написана в соавторстве, но следует подчеркнуть, что инициатива, основная нагрузка и заслуга в подготовке принадлежат именно Инне Германовне, которая не только написала разделы по культуре, науке, образованию, но и, что очень важно, обеспечила соответствие данного пособия учебным планам в школе, качественную учебно-методическую базу. Методический аппарат учебного пособия включает широкий комплекс вопросов и заданий, список литературы, синхронистическую таблицу, словарь базовых понятий, широкий иллюстративный ряд.

За этот учебно-методический труд в 2021 г. получена благодарность заместителя председателя комитета по образованию Государственной думы Л.И. Тутовой, а также диплом I степени на II Международном конкурсе учебно-методических работ в Москве – Кирове в 2024 г. Монографии, статьи, учебники, учебно-методические работы И.Г. Кислицыной являются важным вкладом в исследование проблематики истории политики СССР в области культуры и образования, донского просвещения, развитие учебно-методической базы и в целом учебного процесса изучения Донского края.

Инна Германовна Кислицына ушла из жизни 25 июня 2025 г. Память о ней надолго останется у коллег, друзей, студентов и учащихся.

Список источников

1. *Кислицына И. Г.* Деятельность коммунистической партии по организации и совершенствованию руководства общеобразовательной школой в 1917–1927 годах (историография вопроса) // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1984. № 2. С. 45–50.

2. *Кащенко Н. С., Качуровская Л. Н., Кислицына И. Г., Факторович А. А.* Формирование концепции лицейского социально-гуманитарного образования: опыт и проблемы // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 1997. № 1. С. 77–80.

3. *Кислицын С. А., Кислицына И. Г.* Видный историк, мужественный солдат, участник движения Сопротивления в Нидерландах Г. Г. Бауман // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2015. № 1. С. 124–128. EDN: TPOYFH.

4. *Кислицына И.Г.* Донское просвещение: история, события, люди (середина XVI – 20-е гг. XX века). Ростов н/Д.: Ростиздат, 2010.

5. *Кислицына И.Г.* Донское просвещение в эпоху реформ и революций (середина XIX в. – первая треть XX в.) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 4. С. 87–99. EDN: VJLQPN. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-4-87-99

6. *Кислицын С.А., Кислицына И.Г.* Донская история: проблемы, факты, суждения : сб. ст. Ростов н/Д.: Мини Тайп, 2024. 394 с.

7. Ростовъ-на-Дону : историко-краеведческие описания (сер. XIX – сер. XX вв.) / сост. С.А. Кислицын, И. Г. Кислицына. Ростов н/Д.: Донской издат. дом, 2019. 284 с.

8. Историки Ростовского университета : сб. биогр. очерков / сост.: Н.А. Казарова, С.А. Кислицын. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южного фед. ун-та, 2017. 283 с.

9. *Кислицын С.А., Кислицына И.Г.* История Ростовской области (от Земли Войска Донского до наших дней) : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д.: Ростовкнига, 2012. 415 с.

10. *Кислицын С.А., Кислицына И.Г.* История донского края, XX век : учебник / под ред. Ю.А. Жданова. Ростов н/Д.: Донской издат. дом, 2004. 183 с.

References

1. Kislitsyna I.G. Activities of the Communist Party to organize and improve the management of comprehensive schools in 1917-1927 (historiography of the issue). *Bulletin of the North Caucasus Scientific Center of Higher Education. Social Science*. 1984;(2):45-50. (In Russ.).

2. Kashchenko N.S., Kachurovskaya L.N., Kislitsyna I.G., Faktorovich A.A. Formation of the concept of lyceum social and humanitarian education: experience and problems. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 1997;(1):77-80. (In Russ.).

3. Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. Prominent historian, courageous soldier, participant in the Resistance movement in the Netherlands G.G. Bauman. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2015;(1):124-128. (In Russ.). EDN: TPOYFH.

4. Kislitsyna I.G. *Don education: history, events, people (mid-16th - 1920s).* Rostov-on-Don: Rostov Publishing House; 2010. (In Russ.).

5. Kislitsyna I.G. Don education in the era of reforms and revolutions (mid-19th century - first third of the 20th century). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2023;(4):87-99. (In Russ.). EDN: VJLQPN. https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-4-87-99

6. Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. *Don history: problems, facts, judgments*. Collection of articles. Rostov-on-Don: Mini Type; 2024. 394 p. (In Russ.).

7. Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G., comp. *Rostov-on-Don: historical and local history descriptions (mid-19th - mid-20th centuries).* Rostov-on-Don: Don Publishing House; 2019. 284 p. (In Russ.).

8. Kazarova N.A., Kislitsyn S.A., comp. *Historians of Rostov University*. Collection of biographical essays. Rostov-on-Don, Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University; 2017. 283 p. (In Russ.).

9. Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. *History of the Rostov region (from the Land of the Don Army to the present day).* Textbook. 2nd ed., revised and suppl. Rostov-on-Don: Rostov Book; 2012. 415 p. (In Russ.).

10. Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. *History of the Don region, 20th century*. Textbook. Yu.A. Zhdanov (ed.). Rostov-on-Don: Don Publishing House; 2004. 183 p. (In Russ.).

В.П. Трут,
доктор исторических наук, профессор, профессор
Донского государственного технического университета

НАШИ ЮБИЛЯРЫ
OUR PERSONS

Персоналии
https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-154

Елена Александровна Шинкаренко

Elena Alexandrovna Shinkarenko

23 сентября 2025 г. Елена Александровна, ответственный секретарь журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион», отметила юбилей – 75-летие. Вот уже более 20 лет она трудится в редакции и 45 лет – в Южном федеральном университете (ранее – Ростовский государственный университет). Все эти годы Елена Александровна продолжает восхищать окружающих своей харизмой и профессиональными качествами. Ее высочайшее чувство долга, доброжелательность, трудоспособность и бесконечное терпение помогают успешно преодолевать различные издательские перипетии, поддерживать качество журнала на высоком уровне и его востребованность среди авторов и читателей. Ее любят, ценят и уважают авторы, рецензенты, члены редколлегии и коллеги.

Елена Александровна – мудрый и чуткий руководитель, умеющий выслушать, помочь и поддержать, тонкий и интересный собеседник, обаятельная женщина с прекрасным вкусом и широким кругозором, любимая жена, хорошая мама и заботливая бабушка.

Редакция и редколлегия журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» поздравляют Елену Александровну с юбилеем и желают дальнейших творческих успехов, здоровья, благополучия и удачи во всех ее начинаниях!

Над номером работали: В.В. Дашевская, Е.А. Шинкаренко, М.С. Шипитко

Подписано в печать 29.09.2025. Выход в свет 30.09.2025.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.
Усл. печ. л. 17,9. Уч.-изд. л. 18,3. Тираж 250 экз. Заказ № 10127

Адрес редакции и издателя (для переписки):
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.
E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Magazine released V.V. Dashevskaya, E.A. Shinkarenko, M.S. Shipitko

Signed print September 29, 2025. Publication September 30, 2025.
Format 60×84 1/8. Offset paper.
Conv. print. sheets 17,9. Publ. sign 18,3. Edition 250 copies. Order number 10127

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):
344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.
E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, of. 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

Свободная цена **Индекс 70414**

Научный журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ИВИС, Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется статья в электронном виде. Перед заголовком указать индекс УДК.
2. Статья оформляется в формате .doc или .docx (MS Word) через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы.
3. Сведения об авторах с указанием автора, ответственного за переписку, **на русском и английском языках**.
4. Полное название организации **на русском и английском языках**.
5. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
6. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов).
7. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов)**.
8. Список источников также продублировать на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через объединённый каталог «Пресса России», интернет-каталог «Пресса по подписке». Подписной индекс − 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.
Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».
Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.
E-mail: **izvestiya@sfedu.ru**.
Адрес в Интернете: **www.izvestiya.sfedu.ru**.

ISSN 2687-0770. Doi: 10.18522/2687-0770-2025-3.
Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.
2025. № 3